

Дописи про Донбас

В ізоляції

Станіслав Асеев (Васін)

Станіслав Асеев (Васін)

В ізоляції Дописи про Донбас

radiosvoboda.org

ISBN 978-617-7420-18-6

9 786177 420186 >

**ЛЮТА
СПРАВА**
www.lutasprava.com
books.lutasprava.com
fb.com/lutasprava

Крим,
2009 рік

У спортзалі Донецького університету інформатики та штучного інтелекту з однокурсником Єгором Фірсовим, 2008 рік

Парк Щербакова, 2010 рік
(з однокурсником Єгором Фірсовим)

Крим,
2009 рік

Станіслав – студент Факультету філософії та релігієзнавства Донецького університету інформатики та штучного інтелекту, 2008 рік

BOOKS.LUTASPRAVA.COM

інтернет-крамниця

КНИГИ.
ЩО ПОРУШУЮТЬ
СПОКІЙ

УДК
А

Асеєв Станіслав

А В ізоляції: збірка статей / Станіслав Асеєв, тексти, фото;
передм. Мар'яни Драч, Сергія Рахманіна, Дмитра Крапивенка;
ілюстр. Сергія Захарова. – К.: Люта справа, 2018. – 208 с.

ISBN 978-617-7420-18-6

Автор цієї книги, журналіст Станіслав Асеєв, з червня 2017 року перебуває в ув'язненні у Донецьку. Підконтрольне Росії угруповання «ДНР» затримало його лише за те, що він описував повсякденне життя міста для всеукраїнської та світової аудиторії. Крамниці та кінотеатри, транспорт і церкви, пропаганда на вулицях, обстріли й нові окупаційні порядки, погляди жителів Донецька – завдяки статтям і блогам, які він писав від псевдонімом Станіслав Васін, тримався зв'язок з окупованою територією. Назва цієї книги – «В Ізоляції» – не лише про місце, де зараз незаконно утримують Стаса (колишній завод та арт-платформа «Ізоляція», перетворені бойовиками на тюрму), а і про всю територію, життя якої автор описав з ризиком для життя, щоб Україна і світ знали правду.

УДК

Редактор Лідія МАРКОВИЧ
Коректор Тетяна ЯКУБОВИЧ

© Станіслав Асеєв, тексти, фото, 2018
© Сергій Захаров, ілюстрації, 2018
© Радіо Свобода, 2018
© Люта справа, 2018

станіслав асеєв

В ІЗОЛЯЦІЇ

статті

Київ
2018

БЕЗ ІЗОЛЯЦІЇ

Хоча Стас опинився за ґратами, він не може й не повинен перебувати в ізоляції.

Для Української редакції Радіо Свобода є честю надрукувати книгу Стаса, куди увійшла частина його доробку як блогера і журналіста.

Стас був одним із небагатьох, хто наважувався описувати реалії частини Донбасу, яка стрімко змінювалася під снарядами й окупацією. Він знав, що ризикує, коли вирішив фіксувати зміни, але просто не міг мовчати.

На це звертає увагу університетський вчитель Стаса – Ігор Козловський, культуролог і релігієзнавець, який провів майже два роки в полоні угруповання «ДНР». «Стас завжди був непересічною, і навіть неконформістською особистістю. Він з кожного питання не тільки мав власну думку, але й не боявся її висловлювати. Ця безкомпромісність, чесність і мужність і є базовими складовими його характеру, що яскраво проявилися під час окупації українського Донбасу», – переконаний Ігор Козловський, теж корінний донеччанин.

«Можливо, це прозвучить парадоксально, але справа в тому, що я не впевнений, що я б відчував себе досить комфортно, перейшовши на підконтрольну Україні територію...Незважаючи на всі розбіжності, я розмовляю з тими, хто воює за «ДНР», однією мовою, тому що сам з цього регіону», – казав Стас у розмові з Радіо Свобода у жовтні 2015 року.

У своїх матеріалах Стас Асеев описував щоденні реалії: обстріли, пропаганду й нові порядки, а також нутрощі російських «гумконвоїв», ціни на ринку, балачки в тролейбусах і місцеву культуру. Його матеріали почали з'являтися одразу у кількох українських виданнях («Дзеркало тижня», «Українська

правда», «Український тиждень»), адже непідконтрольні українській владі терени ставали «чорною інформаційною дірою», а співпраця зі ЗМІ з іншого боку лінії розмежування вимагала неабиякої громадянської мужності.

Влітку 2017 року ми втратили зв'язок зі Стасом. 2 червня редакція Радіо Свобода отримала від нього останній матеріал: ближче до вечора він припинив відповідати на повідомлення. Про його зникнення першим повідомив однокурсник (колишній народний депутат) Єгор Фірсов: за його словами, 3 червня Асеев мав поїхати до матері у Макіївку, але там не з'явився, а його телефон не відповідав. Мати почала пошуки, у квартирі Стаса в Донецьку вона виявила сліди обшуку.

У липні 2017 року стало відомо, що в Донецьку Стасу висунули звинувачення у шпигунстві. Згодом ми дізналися про тортури і про те, що Стаса утримують на захопленій території арт-платформи «Ізоляція», колись передового культурного центру, який перетворили на катівню.

На захист Стаса виступили численні міжнародні організації, серед яких «Репортери без кордонів», «Комітет захисту журналістів», «Міжнародна амністія», журналістські об'єднання України і Росії, Гельсінська комісія США. З'ясувати його долю намагалися представники ООН та ОБСЄ.

В ефірі Радіо Донбас.Реалії – спецпроекту Радіо Свобода – щодня звучить нагадування про справу свого автора, Стаса Асеева (Васіна), з вимогою його звільнити, адже журналістика не є злочином.

Ця книга – подяка Стасу і всім тим, хто, попри тиск, готовий доносити інформацію з окупованої частини Донбасу.

МАР'ЯНА ДРАЧ,

головний редактор Української служби Радіо Свобода

ЗЕМЛЯ СТАСА

«**П**очему государство так легко и скоро отказывается от тех, кого считает своими... Представим себе невозможное: украинская власть просто сейчас возвращается в оккупированный Донбасс, — и мы получим еще большую проблему, чем сам факт оккупации. Никто — ни власть, ни население свободных территорий, ни местные из числа про-российских — не готовы к такой встрече. Получить регион, где три года планомерно учили ненавидеть тех, кто стоял по ту сторону баррикад, — означает запустить обратный отсчет. Рано или поздно все вновь повторится, — повторится, чтобы уже окончательно лишить нас своей земли. Не потому ли пресловутый «Минск» — такой безальтернативный?».

Это — строки из статьи «Талант терять», «крайнего» (мы намеренно употребим именно этот эпитет) текста нашего постоянного автора Станислава Васина. Донецкого блогера (ставшего уже практически легендарным) читатели ZN.UA и других медиа знают именно под этим псевдонимом. И только единицы знают, что «Васину» всего 27 лет, что он любит джаз и бег; что у него диплом бакалавра философии и магистра религиоведения — оба с отличием; что Игорь Козловский был одним из учителей Станислава; что он автор опубликованных сборника рассказов и романа «Мельхиоровый слон»; что он не понаслышке знаком с Французским легионом; что он, как и полагается писателю, распознающему, а не придумывающему жизнь, сменил полтора десятка профессий — от грузчика и гробкопателя до продавца-консультанта и сотрудника банка.

Публицист и писатель Стас Асеев имел веские основания скрывать свое настоящее имя. Мы решились обнародовать его лишь тогда, когда исчезла надежда, что наш коллега в безопасности и на свободе.

Любой из текстов Стаса в условиях оккупации автоматически превращался в текст приговора. Он это знал. И все равно до похищения оставался ревностным хроникером происходящего по ту сторону линии размежевания. Его тексты — очень разные (цельнометаллические, осколочно-рваные, жесткие, философские, ироничные) — в равной степени отмечены страдательной силой. Казалось, Стас пытается превратить свои статьи в тонкие и прочные нити, которые старательно протягивает под колючей проволокой ненависти три с лишним года тому распорочившей страну.

«Многие скажут, что это неоправданный риск... Но прежде всего я делаю это для себя самого. Конечно, это еще и моя работа, и подобные фото и посты несут мир войны в Киев, Одессу, на Волынь. Война появляется там в онлайн-режиме в виде интерактивной картинки вроде пейзажей Самоа на заставке рабочего стола. И все же в первую очередь я делаю это для себя самого. Это — my education, которое не купишь ни за какие деньги. Впрочем, и платить приходится отнюдь не деньгами. За снимок воронки от САУ или застрявшей ракеты от «Града» отдаешь что-то личное: становится все сложнее говорить о погоде и «панамских архивах». Перед глазами появляется серость, которая уже не уходит, какими бы красками побед и прогресса ее ни раскрашивали. Старая избитая мысль о том, что на войне нет победителей, становится здесь чем-то вроде молитвы».

Февральская «Авдеевка. My education» — один из самых точных текстов Стаса, добровольно взвалившего на себя ношу летописца изнанки оккупации. Под таким грузом, под кладью потерь, печалей, сомнений и страхов тебя легко может качнуть в ту или другую сторону. А еще — страшно споткнуться, завести себя на минное поле безысходности, нарваться на растяжку предательства.

Лично для меня Стас, которого я никогда не видел вживую, неожиданно стал важной частью моего собственного «education». Одним из нескольких приметных ориентиров на пути, ведущем к избавлению от мифов, прививке от иллюзий и переизданию надежд.

Увеличение списка наших печалей изрядно умножило наши знания о самих себе. После двух с лишним десятилетий скучающего созерцания атрибутики государственности, стране понадобилась война, чтобы миллионы граждан впервые задумались над тем, что для них Родина. Где она. И есть ли вообще.

И хорошо, что нашлись не только готовые к почти жреческому служению Отчизне. Но и те, кто наконец выяснил, что просто ошибся страной. Уменьшение количества неизвестных всегда упрощает решение задачи.

Если попытка решения не сводится к увлеченному втыканию иголок в тряпичную фигурку Путина и заказу молебна за падение цен на нефть.

Реалист должен воспринимать «минск» исключительно как способ гибридной обороны против врага, использующего тот же «минск» в качестве элемента гибридного нападения. Но не как ключ к обретению мира. Поскольку «минск» может обещать только гибридный мир. То есть несуществующий. Реальность которого проверяется каждым новым «цинком».

Если население ОРДЛО воспринимается не как сообщество единодушно страждущих освобождения и не как скопище безоговорочных врагов. А как совокупность очень разных людей, объединенных разве что усталостью от войны. И уж коли освобождение Донбасса цель, а не лозунг, то обещанным деокупации территорий и реинтеграции граждан должна предшествовать деокупация мыслей и реинтеграция планов.

Незнание – тормоз, знание – парус. Стас делился этим знанием без медоточивости приспособленца, слезоточивости труса и ядоточивости циника.

«Шагая по макеевским улицам в период самого пика боев, я в очередной раз убедился, что Украины здесь нет. Это наша земля, и все же здесь нет Украины. Во всяком случае,

в ее рекламной картинке. И дело совсем не в «республике». Трудно себе представить, чтобы кто-то здесь надел вышиванку или спел украинский гимн. Среди этих бетонных стен, колючих проволок автобаз, шахтных стволов и покрытого черной копотью снега... Кто же в итоге спускает курок? Может быть, это сделали очень давно, незаметно поместив нас в шахтно-бетонное гетто, где для мышления просто не остается шансов выйти за рамки рабочих часов?».

Он называет себя, и таких как он, «оставшимися». В тексте с аналогичным названием он сознается: «Несмотря на двухлетнее «скорей уезжайте», в оккупации есть целая каста людей, которые прожили здесь вот уже больше двух лет, сохраняя украинские взгляды... Проблемы Донбасса начались здесь, на Донбассе, и здесь же они должны завершиться, как бы банально это порой ни звучало... Именно прописка и два года обстрелов дают право начинать разговор. Иначе вас даже слушать не станут. Остаться и ждать, когда вирус «русского мира» станет выдыхаться, и можно будет сказать: «Это наша земля». Наверное, с этого (наряду с, увы, необходимой войной) начнется настоящая реинтеграция...».

Философ Эрн говорил, что каждый философ выбирает свой путь: Толстой ушел умирать, а Скворода ушел жить. Философ по образованию и образу мыслей, Стас Асеев выбрал свой путь. Он остался бороться. Как понимает и как умеет. Превратился в одну из маленьких стальных скрепок, стягивающих жадно разрываемую книгу нашего бытия.

И когда слышу: «Да отпустить их к чертям! Они там все на Донбассе одинаковые...», вспоминаю, что есть донецк захарченко, и есть Донецк Стаса.

Которого мы обязательно должны вытащить.

СЕРГЕЙ РАХМАНИН,

заместитель главного редактора издания «Зеркало недели»

ВЛАСКОР ЗА ҐРАТАМИ

Раз на тиждень він надсилав свій текст для нашої рубрики «Щоденники окупації». Вчасно, педантично – так ніби він працював власкором не в окупованій зоні, а в одному з мирних регіонів. Він не супроводжував свої мейли якимись розлогими листами, я теж намагався не ставити зайвих запитань. Стас працює за лінією фронту, він ризикує щодня, нехай у переписці не буде нічого підозрілого. Усе найголовніше – в статтях, їх назбиралося 106, з березня 2015-го по червень 2017-го, до моменту арешту.

Не хочу зловживати минулим часом. Стас Асеев, відомий під псевдо Васін, – наш сучасник і колега, просто тимчасово позбавлений можливості вести свої щоденники. Я впевнений, що попереду в нього блискуча журналістська кар'єра. Важко навіть уявити собі, як він зараз, сидючи у підвалах сепарського «МГБ», нудьгує за тим, що не може писати. Про таку неволю ми читали хіба в книжках про Шевченкові часи чи Другу світову. Уявити собі, що це можливо в наші дні, вкрай важко. Важко, але можливо, якщо відірвати очі від свого затишного київського (харківського, львівського тощо) краєвиду і зазирнути туди, де точиться війна, яку в нас часом намагаються не помічати, оминати в медіа-просторі і звичайних розмовах. Втомилися? А ви погляньте далі, за «нульові» блокпости – що там? Не видно ні біса... Так, чутки, плітки. А що іще почувеш з тієї затероризованої замордованої землі, де з усіх газет – усміхнена пика Захарченка та його банди? Доки Стас писав, ми бачили й чули, про що говорять люди в донецьких тролейбусах, про що кажуть уголос, а про що пошепки, що турбує пересічного мешканця Макіївки, де та межа, коли вчорашній шахтар обирає єдиний працюючий у «республіці» соціальний ліфт і йде воювати проти України?

Дописи Стаса – це повне занурення туди, де ти бодай подумки, як invisible man, волів би побувати. Мені особисто так і не випало відвідати Донецьк до війни. Але я ніколи не скажу «ой, та не дуже й хотілося». Хотілося, особливо після того як місто добряче «проапгрейдили» до Євро-2012. Відвідати його, як на мене, мав кожен бодай трішечки допитливий українець. От просто щоб не підживлювати різні міфи, а скласти власне враження. Тим більше, що суворий індастріал мене завжди вабив не менше, аніж бруківочки й фіраночки... Наше видання завжди мало власкора в Донецьку, як і більшість загальнонаціональних медіа, але з початком бойових дій майже всі проукраїнські журналісти змушені були залишити захоплене ворогом місто. Якийсь час здавалося, що там не залишиться нікого, хто зможе писати звідти. Аж одного дня через спільних знайомих на мене вийшов Стас. Він, мабуть, був «останній з могікан» – фаховий журналіст, що писав з Донецька одночасно для кількох видань. В інші часи ми б ворогували з конкурентами і намагалися б закріпити власкора за собою. Але не ті часи: що більше людей знатиме правду про життя на окупованій території, то краще, і нехай якнайбільше ЗМІ писатимуть про це. Для таких, як я, хто ніколи й не бував у Донецьку, а особливо для тих, хто залишив місто в розпал війни і живе надією повернутись.

Парк Щербаківа, вулиця Артема, привокзальна площа, макіївські двори і страхітлива адреса місцевого СІЗО (Кобозева,4) – цю географію Стасових текстів я відновлюю без пошуку по сайту, надто часто він згадував їх у своїх дописах. Для дончан, що жили там до війни, більшість цих геолокацій, мабуть, викликають чимало позитивних спогадів. Для мене – атмосферу страху, життя з оглядкою, чи не зупинить тебе часом п'янький партруль і чим закінчиться ця зустріч. І ця атмосфера зі Стасових текстів. Емоційно напружених, але сміливих текстів, де кожне слово вистраждане і кожна оцінка не заочна, а зсередини. Зібрані у цій книзі тексти саме такі – хто прочитає, навряд чи зможе надалі відмахуватись від тих проблем і від тієї землі, що нині під п'ятою ворога. Хто прочитає вперше, нарешті оцінить, хто такий Стас Асеев і чому за його свободу треба боротися.

Коли говорять про війну, часто зринає фраза: «А ти там був?» Це найпростіший спосіб закрити рот небажаному опоненту і найпростіший спосіб фактчекінгу, бо як не був, то не балакай багато. Стас був, Стас є там, де неможливо встановити «стаж» перебування: день за два, рік за три, хвилина за вічність? Це в кіно про розвідників усе так красиво: бездоганного вигляду агент з переконливою «легендою» п'є собі каву і занотовує шифром дані про пересування ворожих військ. Реальність Асеева була геть іншою: він залишився там, де на нього кидали «косяки» ще до війни, бо знали про його громадянську позицію, цікавилися чи він, бува, «не за фашистів», де однокласник на вулиці міг затролити тебе запитанням, а чого це ти досі не в «ополченні». Стас не був глибоко законспірованим агентом, він просто залишався журналістом, а це вже неприпустимо з точки зору тамтешніх «господарів життя». За це він і потрапив за ґрати, хоча в обвинуваченні, зрозуміла річ, йдеться про «шпигунство».

Я не знав Стаса особисто, тому мій портрет може бути неточним. Його маршрути й спостереження, як мені здалося, вказували в ньому людину життєрадісну. Коли в Києві та Львові обурювалися тим, що в Донецьку досі працює «Майстерня шоколаду», Асеев просто вряди годи відвідував її – для нього це були хвилину кайфу і уявного єднання з рештою України. Особливо мене вражали дописи Стаса, присвячені поїздкам до Києва та Дніпра. Ми в тилу звикли нити про те, як у нас все не так і що гірше, певне, й бути не може. Але ось яким побачив, наприклад, Дніпро Стас Асеев у серпні 2016-го: «Я вийшов біля вокзалу – і тут переді мною постав ніби Нью-Йорк: натовпи людей, які буквально збивають тебе з ніг і несуться одним цілковитим потоком у всіх напрямках, сотні машин, навіть затори, яких я не бачив ось уже понад два роки. Я зовсім відвик від такої кількості людей, і місто здалося мені мурашником, поки я скромно йшов краєм дороги. Коли ви виїжджаєте з «гетто», головна зміна відчувається одразу ж, як тільки виходите в будь-якому вільному місті. Це взагалі важко описати словами, але зникає відчуття тривоги, яке проукраїнських жителів Донецька не залишає ні на мить. І хоча в Дніпрі

також вистачає військових, їх узагалі не сприймаєш серйозно: усі вони ніби декоративні, як із музею. По-перше, у них немає зброї – це істотний чинник, який позбавляє камуфляж умовного рефлексу «небезпека». А по-друге, зовсім немає відчуття, ніби всі вони боги, а ти тут ніхто. У Донецьку таке всюди». Стас ніколи не опускався до пропаганди, яка б зводилася до «як в «ДНР» все погано і як усе пречудово на підконтрольній території. Як чесний журналіст він помічав ті недоліки й упередження, які притаманні дніпрянам чи киянам, бо не відокремлював себе від них, бо разом ми є Україна, а справжній друг хіба не той, що каже правду, а не ле патоку лестошів? Ще, як мені здалося, Стас був ліриком і пацифістом – у його текстів не було багато агресії, він нерідко згадував The Beatles, що не так уже й типово для представника його покоління. Здається, ідеали Леннона і хіппі не були для нього чужими. Але навіть за такі миролюбні погляди в сучасному Донецьку можуть покарати – кожен, хто не кричить «Слава Новоросії», ризикує потрапити до кола підозрюваних.

Невдовзі після арешту Стаса ми змушені були закрити в нашому журналі рубрику «Щоденники окупації» – продовжувати її було надто ризиковано, надто великою була ціна для тих небагатьох, хто наважується казати правду про життя в окупації. Ми замінили цю рубрику іншою: «Людський вимір» – яка розповідає переважно про переселенців, ветеранів АТО, що змогли знайти себе в мирному житті. Сподіваюся, скоро серед них буде опубліковано історію Стаса, його визволення з полону й подальшу кар'єру. А ще більше хочу вірити, що настане час, коли я таки зможу потрапити в Донецьк, і Стас разом з іншими моїми друзями-переселенцями проведуть мені екскурсію містом. Почнемо від Привокзальної площі.

ДМИТРО КРАПИВЕНКО,

головний редактор журналу «Український тиждень»

«СТАС НА СВОБОДЕ, ПЕРЕДАЮ ЕМУ ТРУБКУ»

— **А**лло. Егор, это мама Стаса Асеева. Он сейчас не с тобой? Ты знаешь, где он?

— Нет, я с ним не разговаривал. Что-то случилось?

— Он не отвечает на телефон и не приехал домой, как обещал.

— ...

З цього моменту почався збір інформації про місце перебування Стаса, написання постів і блогів про його полон та кропітка робота для його визволення.

Я знайомий зі Стасом вже понад 10 років. А точніше, з 1 вересня 2006-го. Ми разом навчались на факультеті філософії в Донецькому університеті інформатики та штучного інтелекту. Тоді, будучи студентами, ми навіть уявити не могли, як складеться майбутнє і якою буде наша в ньому роль.

Стас ніколи не займався політикою, і займатись не хотів. Все ці розмови про партії, мітинги та владу йому були нецікаві. Він більше тяжів до розмірковувань про німецьку класичну філософію, про Кантівські антиномії та Гегелівську діалектику. Він мав хист до літератури, і першу свою збірку творів та віршів подарував мені ще у 2010 році.

І ось, влітку 2014 року, Стас зателефонував мені з проханням дізнатись, як можна вступити до добровольчого батальйону. Як розгортались події в країні на той час, нагадувати не буду, всі і так пам'ятають. Більша частина моїх знайомих з Донбасу проявляла або пасивність, або сепаратистські настрої. А тут телефонує завжди аполітичний Стас зі своїм запитанням про батальйон. Я був дуже здивований.

Але з батальйоном у нього не склалося: не пройшов за станом здоров'я.

Через бабусю та маму вже похилого віку, які залишились у рідній Макіївці, Стас був змушений залишитися поряд, у Донецьку.

Раптово в нього з'явилась ідея писати. Вигадав собі псевдонім Стас Васін, завів сторінку у «Фейсбуці» й почав публікувати свої нариси і відправляти статті до усіх провідних ЗМІ: Радіо Свобода, «Дзеркала тижня», «Українського тижня», «Української правди». На той час практично усі місцеві журналісти виїхали з окупованої частини Донбасу. Інформації про реальний стан речей на окупованій території бракувало, тому статті Стаса були вкрай актуальними і важливими. Звичайно, деякі іноземні й українські журналісти мали можливість приїжджати у Донецьк та описувати події. Але Стас був місцевим і як ніхто відчувував гостроту подій 2015–2017 років.

Звичайно, всі ми, хто спілкувався зі Стасом, попереджали його, що журналістові вкрай небезпечно бути на тій території. Думаю, він і сам це добре усвідомлював, але вбачав у своїй роботі певний власний сенс. Хоча переїзд до Києва – планував, але постійно відкладав.

І ось 2 червня 2017 року мені зателефонувала його схвилювана мама із запитанням, чи не в мене Стас, бо він не виходить на зв'язок, а домовлявся приїхати до неї в гості. Вже тоді мені стало зрозуміло, що, найімовірніше, його взяли у полон. Трохи пізніше був виявлений погром у квартирі, яку він винаймав, де з цінних речей зник лише ноутбук і папери, в яких він робив свої нотатки.

Через деякий час, після гвалту в ЗМІ, дзвінків усім міжнародним спостерігачам, яких ми знали, представники «ДНР» все ж таки підтвердили, що Стас у них. З одного боку – ми одразу відчули полегшення, що він живий. З іншого боку, було гірке усвідомлення, що витягати з полону журналіста, якому «шиють шпіонаж», – справа нелегка.

На жаль, на загальний обмін полоненими в грудні 2017 року Стас не потрапив. З вини кого саме, і чому так

сталосся – висловлювати свою думку тут я не хочу. Ситуацію це не виправить, Стас продовжує залишатись у полоні.

Ця книжка – спроба повернути увагу до людини, яка у кризовій ситуації мала відвагу писати про події рідного регіону, за що і поплатилася свободою. Його дописи – це єдині «чернетки історії», які можуть відтворити стан речей, який відбувався на окупованій частині України протягом 2015–2017 років.

Сподіваюсь, що вже дуже скоро відбудеться другий великий обмін полоненими, до якого Стас обов'язково потрапить. Це залежить не тільки від міжнародних переговорів та бажання «ДНР», а ще й від нас із вами. Ми, своїми постійними згадками, словами, вимогами та навіть цією книгою, крок за кроком наближаємо Стаса до свободи. І я дуже сподіваюсь, що вже незабаром зможу взяти телефон і так само зателефонувати його мамі, але вже з гарними новинами.

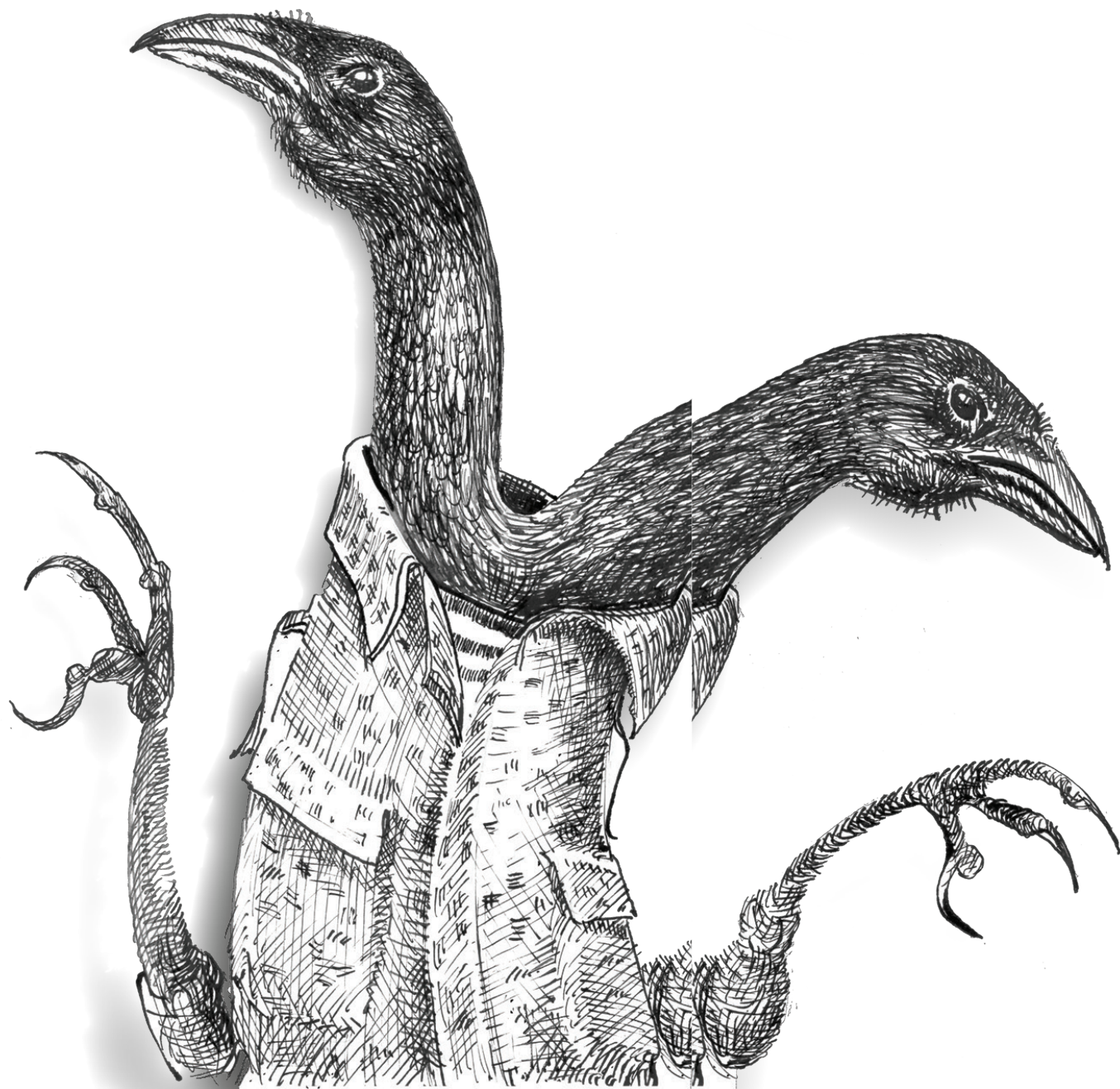
– Добрый день. Это Егор, вы, наверно, уже знаете, что обмен произошёл.

– Да, конечно. Все хорошо?

– Да, Стас на свободе. Передаю ему трубку..

ЄГОР ФІРСОВ,

колишній народний депутат, однокурсник Станіслава Асєєва

CTATTI

ПОТЕРЯННОЕ ПОКОЛЕНИЕ «СКАЗОЧНОЙ НОВОРОССИИ»

«Сказочная Новороссия» – всё чаще теперь можно услышать этот массовый штамп в отечественных СМИ. А в чём, собственно, сказочность? «В нелегитимной власти, в отсутствии уважения к международным нормам права, в самом названии, чьи исторические корни уже давно пересохли в почве реалий прогресса» – ответят мне те, кто сохраняет сегодня свежесть мышления под психологическим прессом этой странной войны.

Позвольте представиться: я – возможно, единственный человек в современной Макеевке, кто продолжает жить в этом городе, сохраняя сине-жёлтые тона в своей голове. Большая часть проукраинских макеевчан приобрела статус мигрантов и покинула родные места, тоскуя за «малой землей» со страниц социальных сетей.

Не берусь утверждать это с достоверностью, но доступная мне ныне социальная выборка такова: из 100% моих знакомых, родных и близких не найдётся ни одного, кто был бы против «ДНР».

Далее, уважаемый читатель, ещё одна цифра: примерно 80% моих друзей и знакомых мужского пола служит сейчас в «ополчении» (различных его структурах, зачастую презирующих друг друга). Что делает список врагов Украины куда более грозным, чем

мы можем себе представить, ибо у каждого из этих вчерашних слесарей, шахтёров и кровельщиков есть не менее 5-10 родственников, настроенных так же, как и их сыновья, мужья и братья.

Всё это я говорю к тому, что эта массовость опускает проблему сегодняшней войны на Донбассе к куда более глубоким слоям, чем об этом принято думать.

А думать об этом принято так: рука Кремля, дергающая за нити местный олигархат и регулярные части вооружённых сил Российской Федерации, а также местное население, поголовно сидящее в креслах напротив канала LifeNews... Тем не менее, все эти ребята с георгиевскими ленточками у жарких сердец живут всего в трехстах метрах от моего собственного дома. И плотность агитационной войны там не больше, чем в моём собственном кресле!

И всё же, едва прозвучал колокол «русской весны», все они оказались на площадях с портретами Путина в деревянных рамках, причины чего, возможно, заслуживают отдельной статьи. Но я хотел бы объяснить то, как «сказочная Новороссия» (чья сказочность становится теперь всё менее призрачной) смогла продержаться уже без малого год на просторах нашей земли, всё глубже пуская здесь корни.

На январь 2015 года ситуация в «ДНР» такова: большая часть крупнейших промышленных предприятий закрыта, часть шахт обесточена и затоплена, социальные выплаты – за редким исключением – отсутствуют, ВУЗы и банки переехали на территорию, контролируруемую Украиной, а на их месте пытаются создать некий суррогат вроде «Центрального республиканского банка».

Большая часть финансовых активов региона идёт на нужды войны и выплату зарплат бойцам «ополчения»: так, мой приятель в звании рядового получает около 7000 гривен, работая на установке «Град». Гуманитарная помощь, завозимая с территории России, действительно присутствует, но большей частью на прилавках всевозможных «ярмарок», где её продают по смешным ценам тем, кто ещё способен хоть что-то купить даже по такой низкой цене. И при всём этом вы не найдёте ни одного человека

на донецких и макеевских улицах, который бы не проклинал «проклятых укрупов». Почему так?

Когда я впервые услышал это словосочетание – «Донецкая народная республика» – помню, как вместе с улыбкой меня посетило чувство какой-то озадаченности: а о чём, собственно, речь? Какая республика? Что за чепуха? А уже через несколько месяцев вся моя семья дружно ставила кресты напротив графы о независимости на известном всем «референдуме».

И дело даже не в том, что бабушка верила, будто бы идёт на президентские выборы, состоявшиеся многим позже, не реагируя на слова «Губарев» и «ДНР», звучащие для неё словно на суахили. И не в том, что мать, будучи аполитичной, поставила крест, лишь опасаясь кривых взглядов соседей. Многие искренне верили в новый оплот доброты на фоне «фашистской столицы».

Но сам факт того, что «Новороссия» стала возможна именно здесь, на этой земле, опускает нас к нижним слоям атмосферы, где за «красной» рукой из Кремля, за действительно отключенным украинским ТВ и вещанием пророссийских каналов стоят лица обычных людей, чья ответственность никоим образом не может быть списана подобным влиянием извне.

Костяк «ополчения» составляет то местное население, которое в результате ещё зимних, а затем и последующих социальных потрясений лишилось работы, а также часть местных маргиналов, с которыми ещё господин Стрелков и его окружение – во времена их бытности в Донецке – разобрались очень жёстко. Речь идёт о наркоманах и алкоголиках, которых либо привлекали к строительству оборонительных сооружений, рытью окопов и службе в армии «Новороссии», либо физически устраняли. Далее, молодые парни из более-менее благополучных семей автоматически получали поддержку своих родных, и по сей день возящих борщи и супы в казармы своим сыновьям и мужьям.

Естественно, здесь речь не идёт о регулярных частях российской армии, добровольцах из России, Чехии и Сербии, а также чеченцах. Я могу говорить лишь о тех, кто и сейчас носит в своём

заднем кармане паспорта с украинской печатью, поменяв обложку на флаг «ДНР».

Имея каждый по десятку причин, приведших их в ополчение, каждый из них прошёл свою школу войны и изменился до такой степени, что я перестал узнавать тех, кого знал вот уже пару десятков лет. Многие из этих людей больше не видят себя и своей дальнейшей судьбы вне войны, и в случае прекращения огня на Донбассе собираются выехать на Ближний Восток для участия в других военных конфликтах.

Следя за движением литосферных плит мировой дипломатии, мы всё ещё слишком мало смотрим на то, что может оказаться гораздо более сложной проблемой, чем просто нажатый курок: потерянное поколение, которое мы рискуем получить с обеих сторон.

«УКРАЇНСЬКИЙ ТИЖДЕНЬ»

1 березня 2015

ЯК СТАТИ ТІННЮ НА СВОЇЙ ЗЕМЛІ

Коли починаєш говорити про власне життя, зазвичай перше, що спадає на думку, це тверді фрази, на які опираєш особистий досвід, як на стару милицю в куточку. Щось на кшталт: «народився», «закінчив виш», «вийшла заміж», «двоє дітей» тощо. Це завжди виручало нас, еге ж? Але я не назву вам навіть власного імені. Усе моє свідоме життя звелося до нехитрих псевдонімів та масок замість справжнього фото в соціальних мережах. Це стало можливим після того, як на моїй землі замість синьо-жовтих прапорів замайорили штандарти «ДНР», а сам я перетворився на своєрідного вигнанця.

Дозвольте представитися. «Станіслав Васін» — ті два слова, під якими я дивитимуся на вас із цих сторінок. І перше, про що хотів би сказати, це про неможливе. Про почуття, яке не полишає мене досі, хоча я на жоден день не виїздив із Макіївки від найпершого моменту АТО і мав би вже до всього звикнути. Але відчуття неможливого не зникає. Про що я? Про геть знищений аеропорт, із якого, чистого й блискучого, ще зо два роки тому літав до Києва. Про чудовий ресторан у середмісті Донецька, де колись чемний дідок-швейцар подавав мені куртку на виході, а тепер височіє купа мішків із піском і походжають парубки з гранатами. Про повітря, нашпиговане вибухами й смородом спалених будинків. І, нарешті, про людей, для яких лінія фронту пролягла розломом

просто в центрі сімей, зробивши ворогами нещодавніх друзів та знайомих. Усе це неможливо.

Ще якихось два-три роки тому, крокуючи весняними вулицями Донецька зі студентською папкою, я міг би побитись об заклад, що швидше на іншому кінці Землі станеться якийсь глобальний катаклізм, аніж через такий недовгий час на Університетській зустріну колону танків, гаубиць та артилерії. Справді, з якого дива їм тут бути? Це неможливо. І що перед моїми очима тепер? Трупни на плитах, перелякані погляди...

Торік я бачив усі ключові події, що сталися на нашій землі під час проведення АТО: це були й «парад полонених», і перший березневий мітинг, із якого, власне, й почалась урочиста хода сепаратизму нашим краєм... Я чув зойки та стогони серед тіл, розкиданих на узбіччях вулиць після всім нам відомих обстрілів Донецька. Кілька разів і сам бував недалеко від того, щоб поповнити ряди сухої статистики жертв цієї війни. Крім того, мені добре знайомі багато персон, які стояли біля джерел донецького сепаратизму або ж сьогодні перебувають у складі «народної армії Новоросії», будучи записані хто в «казачество», хто в батальйони «Восток» і «Сомали», а хто в місцеву «поліцію» чи так звані СМЕРШ. Я бачу цих людей майже щодня – тих, із ким колись у дитинстві бавився в одному дворі або ще недавно будував плани й обговорював літню відпустку в Ялті.

Але тепер усе зникло. Тепер вони ходять у старому «степовому» камуфляжі, в міцно зав'язаних берцях, з автоматом через плече й ножом на правому боці. У більшості з них домішки заповнені цілим арсеналом трофейної чи просто краденої зброї, а самі вони перетворилися на такий собі відбиток війни, втративши жалість, співчуття й емоції в місцевих окопах та бліндажах. І, зустрічаючи їх просто на вулиці, мені щоразу доводиться майже виправдовуватися, бо з нашого будинку я єдиний, хто ще не в «ополченні» із зовсім не зрозумілих їм причин.

З огляду на особистий досвід можу впевнено сказати: найскладніше в усій цій ситуації зовсім не тремтіння шибок від «Градів» і не талий сніг замість зниклої води. Річ навіть не в крові

та криках, які раз по раз заповняють вулиці. Пережити можна й стрибки цін, і ночі під звуки «Смерчів». Найгірше те, що є майже невловним для звичайного погляду, те, що ховається від екранів, об'єктивів, репортерських камер, яскравих і гучних статей. Упродовж близько року перебування в окупації поступово я втратив майже всіх друзів: частина повернулася до рідного району в закритих трунах, інші просто перестали зі мною спілкуватися. Приблизно те саме діється з рідними й близькими: час навчив мене тримати язик за зубами, якщо хочу зберегти бодай якусь подобу миру в рідних стінах. Не я один стаю майже тінню у власному місті, мусячи приховувати свої погляди на цю війну, а й близькі мені раніше люди «тануть» із не меншою силою та швидкістю, щезаючи з кожним новим днем АТО.

І ось що вам скажу: не минає і дня, щоб за побутовими проблемами, балачками про захмарні ціни та колючим дротом блокпостів я не поставив собі це запитання: як? Як це стало можливим? Зрештою, це Донецьк, Східна Європа, а не Сомалі чи Ліберія, щоб ми жили в підвалах, мріючи перерізати горлянку тим, хто ще недавно стояв посеред стадіону з таким самим синьо-жовтим обличчям. Мабуть, до кінця я так ніколи й не відповім собі. Аж надто особисте це запитання, занадто просякнуте кров'ю моїх учорашніх друзів, які взяли до рук зброю заради «великої Росії». Я можу перелічити сотні причин, чому вони опинилися в лавах «ополчення», нафантазувати безліч теорій про думки панів Путіна та Обама, вигадати власний погляд на проблеми війни. Але кому, як не мені, знати всю безглуздість таких «розваг», коли ми, немовби знічев'я, вправляємось у власному безсиллі що-небудь змінити, перелічуючи точні відповіді на до пуття не сформульоване запитання? Залишаю вас наодинці із цими думками. Може, наступного разу комусь пощастить більше і він знайде бодай видимість відповіді на те, про що я розмірковую ось уже близько трьохсот днів. Але для нашого з вами знайомства, мабуть, сказаного цілком вистачить.

КТО И ЗА ЧТО ВОЮЕТ В РЯДАХ БОЕВИКОВ «ДНР»

Не секрет, что в рядах «народной армии Новороссии» служит огромное количество людей совершенно разных настроений, политических взглядов, национальностей и гражданств. Зачастую разобраться в том, кто же наполняет «народные батальоны» и какие цели преследует в реальности, сложно даже тем, кто в них служит. Ибо порой их собственные внутренние конфликты являются сюрпризом даже для боевиков. И приводят к куда большим потерям, чем локальные столкновения с Вооруженными силами Украины.

Ниже я попытаюсь лаконично очертить общий силуэт «народной армии» — исходя из представлений, которые можно сложить в Макеевке на январь 2015 года.

«КАЗАЧЕСТВО»

Под этим термином можно объединить одну из самых больших группировок сил в «ДНР», в которую влилось большинство моих знакомых из достаточно благополучных семей.

Я намеренно избегаю их сведения только лишь к «Всевеликому Войску Донскому», так как последнее представлено большей частью в «ЛНР», тогда как в нашем регионе действуют несколько

структур, чью принадлежность к казачеству можно легко определить по папахам с жёлтыми крестами на верхушке у их бойцов.

Все эти «казачьи союзы» уже много раз переформировывались и реорганизовывались в другие части, а их бойцы, соответственно, перекочёвывали из одного батальона в другой. В целом «казачество» — это начало пути неопытного «ополченца», которому предоставляют казарму, паёк, стрелковое оружие и полигон для отработки навыков ведения стрельбы. Вышедшие из этих структур бойцы, воюющие с конца лета (а именно о них мне известно), уже опытно владеют всеми видами вооружения, включая такие как РСЗО «Град», где им доверяют должности наводчиков.

Рядовой боец, работающий на этой установке, получает 360 долларов в месяц, имея официальный контракт с «МО ДНР». Зарплаты офицеров начинаются от 500 условных единиц.

«ОПЛОТ»

Структура, являющаяся одной из наиболее привилегированных и, вместе с тем, презираемых остальными «ополченцами» в «ДНР».

Первоначально в неё влился местный криминалитет в виде спортивных парней, ходивших по Донецку и Макеевке в чёрных футболках с красной надписью «Оплот», а ранее державших местные автовокзалы, занимаясь обычным рэкетом ещё во времена Януковича. Затем «Оплот» пополнился людьми, уже имевшими боевой опыт, и был сформирован в батальон (на деле более выполня функции личной охраны Захарченко на всевозможных митингах и публичных мероприятиях).

Неоднократно бойцы «Оплота» участвовали и в боевых действиях, чем и вызвали общее негодование остальных структур «ДНР», так как, по словам одного же из «ополченцев», «слишком дорожили своей шкурой и не очень-то рвались в бой».

Кроме того, именно «Оплот» участвовал в недавнем разоружении местных макеевских блокпостов, чем также не завоевал особого авторитета. Оплата в батальоне в летние месяцы

варьировалась от 3,5 до 4 тысяч гривен. На данный момент в «ДНР» действует одноимённый местный канал – «Оплот.ТВ», являющийся информационным рупором «Новороссии».

«МЕЧ»

Сугубо макеевское изобретение, вышедшее из рук Безлера. Батальон сформирован из местных жителей, первоначально стоявших на блокпостах, а затем стал известен своим специфическим отношением со здравоохранительной сферой.

А именно, «отжатию» машин скорой помощи и местных аптек. Известные мне бойцы этого подразделения отличаются довольно романтическими взглядами на войну, считая себя чем-то вроде анархистов-революционеров. Об оплате в подразделении ничего не известно.

«ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ БРИГАДЫ»

Известно как минимум о двух, сформированных из сербов, французов, чехов, нескольких латиноамериканцев – с одной стороны, и из чеченцев, осетин, армян и цыган – с другой.

Последние отличаются особой жестокостью и бескомпромиссностью в вопросах войны, видя в ней основной смысл своей жизни.

«БАТАЛЬОН ВОСТОК»

Одна из самых известных структур «МО ДНР», при этом, распадающаяся на две части: на связанную с Ходаковским и бывшими «беркутовцами», и на сформированную наёмниками из Чечни и Кавказа, включающую в себя и местное население.

В ноябре 2014 года бойцам батальона, воевавшим в Донецком аэропорту (включая одного из моих знакомых), выплачивалось 3 тысячи гривен в неделю. Что, однако, не является такой уж большой суммой, если учесть, что это была самая горячая точка на карте АТО и мало кто мог находиться в нём месяц подряд, ведя активные боевые действия.

К самому батальону также есть большие претензии со стороны других структур «ДНР», а некоторые из ополченцев в своих

видеообращениях открыто выказывают своё презрение к методу ведения боевых действий «Востоком».

«СПАРТА» И «СОМАЛИ»

Два батальона, подчиняющиеся, наверное, самым известным на сегодня фигурам «армии ДНР» – Мотороле и Гиви.

Дислоцируются в основном в районе аэропорта, а также участвуют в процессах передачи пленных и вопросах, связанных с ротацией солдат ВСУ, находящихся в аэропорту. Состав «Спарты» отличает достаточно большое количество россиян-добровольцев.

«КАЛЬМИУС»

Структура, именующая себя «спецподразделением». Первоначально включала в себя наибольшее число добровольцев из местных жителей, воевавших совершенно бесплатно (ещё в летние месяцы), чем и по сей день вызывает насмешки среди остальных батальонов, нередко называющих бойцов «Кальмиуса» просто «дебилами».

Вместе с тем, будучи набранной из местного населения (нередко из шахтёрской среды), достаточно жёстко реагировала на донецких маргиналов, прикрыв целый ряд наркопритонов в городе.

Что касается регулярных войск России, то лично мне известно о трёх колоннах бронетехники, КАМАЗов и артиллерии, которые я видел на макеевской трассе, при этом регулярных частей пехоты Российской Федерации за весь период нахождения в зоне АТО не наблюдал, ограничиваясь пространством Макеевка-Донецк.

«РОЗСТРІЛЯНИЙ ЯК ВОРОГ ДНР»

Більш ніж за 300 днів блукання макіївськими та донецькими вулицями я так і не намацав твердого ґрунту, на якому можна було б уместити величезне тіло терору. Не зміг. Хочу сказати, коли дивитися на людину, підперезану поясом шахіда, яка стверджує, що їй начхати, позбавить вона життя когось одного чи 500 млн, ви можете скільки завгодно з нею не погоджуватись, але чого в неї не відняти, то це відвертості.

Тут, на Донбасі, такого не знайдеш. Від найперших днів і хвилин сепаратистських протестів ті, хто сьогодні врочисто носить болотні балаклави й нашивки «ДНР», так і не сказали, за що вони перетворили наш край на димлячі руїни. Від самісінького початку поняття «друг» і «ворог» на Донбасі унеможливили головний принцип війни: відрізняти своїх від чужих.

Я не підтримую «ДНР». Так було, відколи зародилися ці протестні рухи, і причини тут згадувати зайве. Але коли дивлюся на своїх ворогів-сепаратистів, на тих, хто позбавив життя понад тисячу осіб, то не бачу нацистських штандартів, не чую незнайомої мови й не розумію, чому повинен боятися «русского міра», чії творці вийшли з того самого народу, що і вся моя родина. Ось вони, старі граблі, на які наступає весь наш край знову і знову.

Я, котрий силою волі й думки утримався в синьо-жовтих кольорах, не перестаю перейматися питанням: кого мені

боятися? Справді, кого? Росіян? Тих, які ще вчора в Курську сиділи зі мною за одним недільним столом? А чи власних друзів-«ополченців», чії домашні адреси за 300 м від мого ж таки будинку? Невже це і є вороги? Невже це ті, в кого завтра, не виключено, мені доведеться стріляти вже без жодних вагань: так чи ні? І єдиною можливою відповіддю буде чесно сказати собі «так». Ось вона, реальність. Як ми дійшли до неї, це вже зовсім інше питання. Але якщо хочемо зберегти свіжість мислення під величезним пропагандистським пресом, то доведеться визнати, що спільна мова і прописка ще не означають братньої руки. Усі тонкощі в тому, що, навіть попри трупи й плач на донецьких вулицях, більшість на Донбасі все ще не бачить явної загрози, такої, яка поставила б нас посеред арабської пустелі з піднесеним до горла ножом. Утім, чи такі вже далекі ми від цієї пустелі?

Вирішивши залишитися в «ДНР», я постановив собі, що війна не повинна минати для мене в підвалах і бомбосховищах. Максимальне розуміння подій можливе лише в дотик до того, що в тебе за стіною. Тому раз по раз я просто прогулююся Донецьком без особливих причин: бачити, як на очах змінюється твоє місто, так само необхідно, як і неприємно. Але одна з прогулянок закінчилася тим, чого навіть не уявляв: фактично я став свідком страти неподалік зупинки «Мотель».

Зрозуміло, з початком війни думка про постійну присутність смерті не полишає нікого з тих, хто перебуває на цій землі. І все-таки для більшості це теорія. Так, ви знаєте, що навколо літають снаряди, вам відомо, що десь на Азотному чи в районі аеропорту гинуть люди, можливо, вам і самим доводилося відсиджуватися в підвалах і бачити вже задубілі тіла біля шкіл та будинків. Однак, коли людину просто розстрілюють у вас на очах, запевняю: це зовсім інше відчуття, котре не схоже ні на що.

Того дня я вже повертався з чергової прогулянки Донецьком, проходив мостом між зупинками «Макаронна фабрика» й «Мотель». Донеччанам відомо, що це доволі жваве місце з постійним потоком транспорту. Праворуч мосту – невеликі гаражі, посадка й залізничні рейки, на яких я й помітив двох «ополченців»

та якогось хлопця в самому спортивному костюмі. Було видно, що він уже неабияк змучений, бо стояв напівзігнутий. Усе сталося за лічені секунди, поки я рухався мостом. Без найменшої розмови, попередження чи ще чогось, що бодай віддалено нагадувало б людяність, один із «ополченців» натиснув на курок автомата, пролунав тріск – юнак упав. Усе. Як худобу, не сказавши ані слова. Може, це був один із військовополонених, може, спійманий просто серед тих гаражів диверсант. А може, звичайний безпритульний, який чимось не сподобався «захисникам» і «борцям» за Донбас. Але сам факт того, що тебе можуть розстріляти просто посеред Донецька, нехай іще й не на центральній вулиці, а біля звичайної посадки, повертає мене до тієї сумнозвісної арабської пустелі, в якій закінчили своє життя вже кілька іноземних журналістів.

Але це Донбас. Не Сирія і не Ірак. Донецьк, наповнений людьми з колись братнього нам народу. І той хлопець загинув зовсім не від руки німецьких нацистів, які бачили свій життєвий простір на трупах цілих народів і країн. Це не були навіть чеченці: на вигляд звичайні парубки традиційної слов'янської зовнішності, такої самої, як і в жертви. Мені відомо, що в Донецьку ще за часів Стрелкова виписували цілі розстрільні вирoki під егідою законів 1940-х років. Але здебільшого «ополчення» страчувало своїх: то були дезертири, кримінальні елементи, які влилися влітку в армію «Новоросії» у величезній кількості, й просто люди, котрі відмовлялися виконувати накази Гірка. Але щоб отак, просто посеред білого дня... Ця подія остаточно позбавила мене розуміння того, що коїться в головах моїх земляків, які й досі кружляють у думках між дешевою ковбасою та наївним «нам всьо равно: лиш би не било войны».

РАДІО СВОБОДА

4 лютого 2015

БЛОКПОСТ. Я ЖИВУ ЗА СЧЁТ ВОЙНЫ

В этом кратком очерке я хотел бы поделиться с вами не только той ситуацией, которая сложилась на блокпостах сепаратистов, что установлены по всему городу. Не только показать, что, по сути, блокпост – это своя маленькая жизнь, со своими законами и порядками. Но и рассказать историю человека, чья судьба может служить примером того, что война на Донбассе – далеко не чёрно-белая полоса, а скорее калейдоскоп с огромным количеством оттенков.

Итак, фортификационные сооружения, которые начали возводиться в наших краях ещё с начала весны, были и продолжают оставаться главным символом сепаратистского движения – именно с этого начали тогда ещё вооружённые просто битами и камнями борцы за «свободный Донбасс».

Расставленные на всех ключевых развилках и магистралях города, блокпосты объединили в себе людей, чей жизненный интерес намного выходил за рамки высоких идейных целей. Большую часть блокпостов на сегодняшний день контролируют бойцы батальонов «Восток», «Меч» и, частично, «Оплот», не отличающиеся особым бескорыстием и идейностью в этой войне. В целом среди местных «ополченцев» слово «блокпост» вызывает только иронию и ухмылки, так как в черте города – будь то Донецк или

Макеевка – боевые действия, как правило, не ведутся, и за редким исключением угроза может исходить лишь от «диверсионных групп Вооруженных сил Украины».

А это означает, что пребывание на блокпосту – прибыльное и относительно безопасное дело, дающее возможность, с одной стороны, получать официальную зарплату от «МО ДНР», а с другой – собирать «пожертвования» с тех, кто проезжает мимо вас на дорогостоящих иномарках.

Эта традиция сложилась ещё в то время, когда бойцы «ополчения» воевали в нём совершенно бесплатно, действительно вынужденные фактически побираться между остановленными ими автомобилями.

В конце августа – начале сентября эти точки справедливо называли «базаром», так как, помимо денежных средств, «ополчение» собирало буквально всё, что могло хоть как-то пригодиться ему в нелёгких буднях на развилках дорог. Это могли быть и куски свежего мяса, перевозимого в автомобиле, и копчёные куры, и бутылка с вином или квасом, медикаменты, как в виде лекарств, так и в виде незамысловатой фразы «пожертвуй на руку», когда перевязанная рука «ополченца» вдруг протягивалась к вам в салон. Всё, что только можно было обнаружить в движущихся межгородским маршрутом автомобилях.

Нетрудно догадаться, что в этих местах – блокпостах – сразу же сложилась своя иерархия тех, кто имел право взимать «пошлины» с автомобилистов, а также сформировался чёткий график такого рода бизнеса, обеспечивавшего доход его участнику и его семье. На сегодняшний день на блокпостах останавливают исключительно легковые и грузовые автомобили, пропуская маршрутки без каких-либо препятствий или преград.

А теперь позвольте поделиться с вами историей человека, которого ещё пару месяцев назад вы могли бы обнаружить на одном из таких «базаров» с автоматом в руках и папахе на голове, совершенно чётко решив, что он – враг. Но за внешней социальной атрибутикой стоит история, которая никак не могла бы проступить через его внешний угрожающий вид.

Этот человек – один из тех, кто с самого начала выражал большой скептицизм в отношении «ДНР» и идей «Новороссии». В то время как большинство наших общих знакомых уже стояли на развилках либо пробивались на танках к аэропорту, он продолжал работать на шахте, занимая там весьма солидную должность.

Но после того, как в одну из смен его едва смогли вытащить из-под земли из-за обстрела, а на следующий день шахта закрылась и прекратила своё существование, он остался совершенно без денег, естественно, не сумев устроиться даже грузчиком, так как работы в нашем регионе попросту нет! После недельного запоя, однажды утром он обнаружил себя в наручниках на деревянном поддоне у макеевского железнодорожного вокзала, а недалеко от себя – несколько «ополченцев» в камуфляже и какого-то мужчину, уже копавшего местный окоп.

Моему приятелю вежливо разъяснили, что он, как последний алкоголик и наркоман, был задержан комендатурой Макеевки и привезён сюда ещё вчерашним вечером, и теперь обязан двое суток рыть окопы вместе с таким же «отбросом общества», как и упомянутый мужчина с лопатой. Не согласившись с такой оценкой ситуации, Артём – а именно так его звали – заявил, что ничего он копать не собирается и требует, чтобы с него сняли наручники и отпустили.

Наручники «ополченцы» действительно сняли, после чего в первый раз избили его до такой степени, что, по его собственным словам, он провалялся на этом поддоне ещё полдня, пока слегка не пришёл в себя. Не обладая большой выдержкой, мой друг тем не менее снова заявил, что избивать его впятером способен любой, и начал что-то мямлить про равный бой. После чего его уже во второй раз жестоко избили прикладами, бросив сверху на «тело» лопату. И сказали, что, если он не станет копать, то парень, который уже целый день по его вине трудится один, закопает его живьём.

Под вечер Артем все-таки вырыл часть окопов, проведя морозную ночь на голом поддоне, а на следующий день, не имея ни копейки в кармане, будучи весь в крови и в грязи, отправился

пешком с окраины города в другую его часть, после чего ещё две недели пил бульон через специальную трубку.

Как вы можете понять из этой истории, человек этот не питает особых симпатий к «ДНР» и ныне благополучно переехал в одну из центральных областей Украины. Однако денег на эту поездку он собрал именно на макеевском блокпосту, когда, после лечения и безуспешных скитаний по ещё работавшим шахтам, был вынужден пойти в «ДНР», чтобы попросту не умереть с голоду!

Когда я встретил его среди батальона «Восток» и спросил, как он теперь относится к войне и «ДНР», он с ухмылкой признался, что только и жив благодаря этой войне, не представляя, где бы он сейчас нашёл средств для своего существования.

Разумеется, формально его можно отнести к «врагам Украины», поставив в упрёк то, что блокпост «ополчения» не мог быть последним решением в том положении, в котором он оказался.

Об этом, наверное, можно долго судить. Но сам факт того, что «ДНР» и её «армию» наполняют люди с совершенно разной судьбой, зачастую не имеющие никаких идейных мотивов в этой войне, остаётся тем «камнем», о который всякий раз будут оббивать ноги сторонники четкого разделения на «чужих» и «своих».

РАДІО СВОБОДА
22 лютого 2015

КАК ПОБЕДИТЬ «ДНР»

В данной статье я хотел бы затронуть сразу несколько тем, переплетающихся друг с другом. И в первую очередь позвольте мне начать одним важным вопросом, который я нередко слышу от тех своих земляков, которые приобрели статус мигрантов и покинули родные места: почему я не уехал?

Действительно, почему? Совершенно очевидно, что, будучи на стороне Украины в данном конфликте, я никоим образом не принимаю фактического участия в этой войне, что делает моё пребывание здесь, в Макеевке, под минами и «градами», на первый взгляд абсолютно бессмысленным и неоправданно рискованным.

Но, уважаемые друзья, ответ на этот вопрос напрямую связан для меня с тем, в чём я вижу основную слабость «народных республик», к сожалению, пока ещё мало замеченную как руководством страны, так и самим украинским обществом. Разрешите мне объяснить.

Всё дело в том, что город Макеевка – это город людей с типичной психологией пролетария, чей менталитет складывается на основе категорий труда и принуждения к этому труду. И я ни в коем случае не пытаюсь над этим смеяться, понимая, что именно такой склад мышления и позволяет многим из моих земляков продолжать – без преувеличения – героически опускаться в шахту под свистящими снарядами и минами, рискуя остаться не поднятыми на поверхность

и без малейшей надежды на заработную плату в конце. То есть в условиях, при которых «ортодоксальный» демократ из Лондона или Парижа «сломался» бы в течение часа.

Но когда речь заходит о политическом выборе, мои земляки склонны продолжать мыслить столь «жёстко» и здесь, будучи уже привычными к «твёрдой руке» и отсутствию тяги к гражданским свободам. Чем частично и объясняется такая массовая поддержка «ДНР» среди местного населения.

И так было всегда. Янукович, Сталин, Путин, Захарченко — всё это люди, которые лишь воплощают в себе те народные веяния, которые бурлят в психологии масс на Донбассе.

Впрочем, это довольно обширный и глубокий вопрос, я же хотел бы остановиться на том обстоятельстве, что победы в нынешней войне, по моему глубокому убеждению, невозможно достичь с помощью силы, как бы непатриотично это ни звучало. И вот почему.

Приведу конкретный пример, о котором я уже вскользь упоминал в одной из предыдущих статей. Психологическая линия поддержки «ДНР» выстраивается не только за счёт «ополчения», набранного из местного населения, но и их ближайших родственников, чьи взгляды порой ещё более радикальны, чем у их сыновей и мужей.

Так, отец моего хорошего друга, а ныне «казака ДНР», держит у себя в баре, прямо в квартире, две гранаты «Ф-1», которые ему передал сын во время одного из воскресных увольнений. Нижний же ящик заполняют несколько обойм к «АК-47».

И подобную картину с трофейным, либо же российским оружием можно сейчас встретить по всему городу, что, во-первых, могло бы стать отдельной темой статьи, а во-вторых, быть может, и не вызывало бы такого опасения, если бы не взгляды этих людей. А взгляды их следующие. Привожу буквальную цитату этого человека, объяснявшего мне, зачем ему «Ф-1»:

«Если с моим сыном что-то случится, и «укры» пойдут по Макеевке, я просто выйду на улицу и взорву себя среди них — мне уже будет плевать».

А теперь представьте, уважаемые друзья, что примерно так же думает пара его братьев, жена и ещё один сын, который хоть и не служит в рядах «ополчения», но устроился в местную полицию, где также не питают особых чувств к Украине. Предположим, что мой приятель, который сейчас служит в Красногоровке, погиб в бою и был физически уничтожен ВСУ как враг Украины. Оставляя за чертой мой личный моральный аспект этого события, позволю себе спросить: что делать с его семьёй, чьё количество без всякого сомнения может быть умножено на число «ополченцев» из местных, также имеющих отцов, матерей и ближайших родственников, на следующий день занявших их места в рядах «ДНР»?

При этом я настаиваю на том, что этот пример — пример крайне благополучной семьи, весьма обеспеченной, в чьей квартире вы не найдёте притона для наркоманов или бутылок из-под водки. Внешне эти люди ничем не отличаются от обычных жителей Киева или Львова, имея вместе с тем настроения, уходящие своими корнями далеко вглубь советского прошлого, а если говорить откровенно — то и значительно дальше. Неужели проблема решится тем образом, что всех четверых просто следует выставить к стенке, и так поступать с тысячами, кто не держит пока автомата?

Вооружённое противостояние, безусловно, имеет свой смысл, когда речь идёт об иностранных военных — будь то россияне, чеченцы, армяне или кто бы то ни был. Но когда речь заходит об «ополчении», набранном из местного населения, единственной реальной силой здесь оказываются те, кто жил рядом через этаж, но мыслил совершенно иначе.

Да, я говорю о тех десятках и, может быть, сотнях тысяч проукраински мыслящих граждан, чьи лица сейчас можно обнаружить на страницах социальных сетей с пометкой «Киев», «Бердичев», «Одесса».

Только реальная гражданская сила с местной пропийской, представленная не одной тысячей несогласных со страной «ДЭНЭРЭ» на центральной площади Донецка сможет радикально поменять ситуацию, показав, что Донецк способен не только

на позорный «парад», но когда-то здесь жили и те, кто ходил под украинскими флагами к берегам Кальмиуса и с удовольствием слушал «Майже весна».

Да, это должна быть огромная масса людей, чьё общее «тело» невозможно было бы расстрелять просто посреди площади или пересажать в подвалы, но, учитывая километровые очереди из автомобилей, которые можно встретить на выездах из «ДНР» всякий раз, едва стоит усилиться «градам», что-то мне подсказывает, что это число вполне реально – стоит лишь этим людям вспомнить, кто они и от чего бегут.

Именно поэтому я всё ещё здесь, в Макеевке, не разделяя тех слёз, что проливаются о руинах Донецка с тёплыми огнями «оболонских квартир».

РАДІО СВОБОДА
1 березня 2015

МОЛОДЕЖЬ «ДНР» И «ЛНР». БУДУЩЕЕ ПОД ЗНАКОМ ВОПРОСА

Несмотря на всю критику и скептический взгляд в отношении образовавшихся «республиканских земель», на их территориях всё же существует весомая часть молодёжи, которая не просто не покинула Донецк, Луганск, Макеевку и другие крупные города Донбасса, ныне подконтрольные боевикам, но и продолжает своё обучение. Они учатся в школах, техникумах, университетах теперь уже «республиканской юрисдикции», в которых обещают выдавать дипломы российского образца.

Ситуация действительно двоякая. И речь здесь идёт не только о котировке самого диплома. С одной стороны, человек, решивший продолжить обучение именно в украинских вузах, большей частью переехавших на территорию других городов и областей, сталкивается с целым рядом технических сложностей, вроде жилья, работы, новых условий быта и прочего. Эти хлопоты в конце концов должны перекрываться тем, на что он и так рассчитывал при поступлении – обычным украинским дипломом.

С другой стороны, те, кто выбирают вариант остаться в Донецке или Луганске и продолжить обучение уже на базе формирующихся «республиканских» факультетов и преподавательского состава, рискуют получить диплом неизвестного

образца, который не будет восприниматься не только на территории Украины, но, возможно, и в пределах самой России.

Примерно этот же вопрос стоит и перед выпускниками старших классов: если ученики шестых, седьмых и восьмых классов могут рассчитывать на «историческое» разрешение этой проблемы, то выпускники девятых и одиннадцатых уже этим летом столкнутся с проблемой, подаренной им «Министерством образования ДНР», считающим этих выпускников своими.

При всём этом в самом Донецке в относительно спокойные дни можно встретить довольно большое количество студентов, уже «по старинке» проводящих дебаты, конференции и семинары, а также спокойно пьющих кофе у стен ВУЗов, раскрашенных флагами то ли американских конфедератов, то ли самой «Новороссии».

Примечательно, что большей частью эти люди действительно поддерживают «ДНР» и готовы получить любой диплом, который им будет предложен «сверху», так как не собираются покидать пределов «республики» и искать работу где-либо на стороне.

Но есть и другой мотив, заставляющий часть молодёжи Донбасса принимать подобные решения.

Так, если ранее на бюджетное место в аспирантуру Донецкого Национального Университета претендовало энное количество абитуриентов, то после выезда большей части молодёжи за пределы «ДНР» это число сократилось вдвое, да и само количество мест существенно расширилось. В результате поступить на бюджет почти не составляет никакого труда. И вся проблема состоит лишь в том, что самого бюджета как такового попросту нет. Стипендия, как и иные социальные выплаты, полностью отсутствует, а количество «смельчаков», готовых платить за обучение в «республиканских» ВУЗах, не так велико.

Несколько по-иному обстоит ситуация в школах, учителя которых ещё до недавнего времени официально были связаны с Министерством образования Украины. И лишь после настойчивой политики «ДНР» в отношении перерегистрации и переоформления физических и юридических лиц

в «республиканских» органах оказались буквально в «подвешенном» состоянии, лишённые любых социальных выплат – будь то со стороны Украины, либо со стороны «ДНР».

Справедливости ради нужно отметить, что последняя всё же единолично выплатила преподавательскому составу школ и училищ сумму в размере 3 тысяч гривень, после чего этот вопрос вновь был отложен «в стол».

Но если студенты, как люди постарше и поинтеллектуальнее, более-менее сознательно выбирают обучение в «республике», то ученики школ в основном находятся под воздействием своих родителей и учителей, нередко требующих исключить из школьной программы изучение украинского языка и литературы. Конечно, говорить о подрастающем патриотическом поколении в таких условиях вообще не приходится.

Помимо всего этого, в Донецке продолжают функционировать театры, филармония и даже некоторые вновь открытые клубы, собирающие большей частью под своей крышей всё ту же молодёжь, принявшую решение оставаться на территории «ДНР».

ДОНЕЦКОЕ «ВОССТАНИЕ» ГОД СПУСТЯ. БУДУЩЕЕ ОДНОЙ ИЛЛЮЗИИ

А борты, смертная казнь, эвтаназия, проблема коррупции власти, свобода и действенность прессы – вот те вопросы, которые обычно волнуют умы гражданского общества. Кто-то считает их надуманными, а кто-то не может выпить и чашки кофе, чтобы не прочитать последних сводок со свежих страниц. Но Донбасс волнует не это.

Сколько себя помню, мне всегда приходилось слышать о том, что «мы ничего не решаем». Что всё, на что мы способны, – это подумать о ценах на масло и подорожавшем картофеле, а сильные мира сего уже всё решили за нас. Не приходилось ли вам задумываться, друзья, почему всё именно так? Почему люди, которые силой своего характера и духа продолжают опускаться на глубину 800 метров под шквальным огнём артиллерии, настолько равнодушны и апатичны в отношении своей собственной судьбы?

Не спешите мне отвечать.

Я побывал на всех основных событиях ушедшего года, которые произошли у нас на Донбассе. Это был и «парад пленных», и первый мартовский митинг, и просто трупы на улицах, которые были раскиданы на асфальте после печально известных обстрелов Донецка. Я смотрел на своих земляков – обездоленных, плачущих,

ненавидящих вас и меня, всех, кто ещё с Украиной, – и думал только об одном: что за люди живут на Донбассе?

Не правда ли, странный вопрос? Если не брать во внимание, что сам я отсюда и всю свою жизнь прожил в Макеевке и Донецке, то задавать его может лишь человек, который напрочь разуверился в том, что он способен ещё хоть что-то понимать в происходящем вокруг.

А впервые я задался им именно на мартовской площади, когда мои земляки, ликуя, избрали себе «губернатора» с почётным звучанием «народный».

И знаете, последнее слово я бы даже не стал брать в кавычки – Паша был действительно из народа, но не потому, что его избрало большинство, а потому, что это большинство было готово к приходу «апостолов». В тот день все, кто стоял на площади, ждали лишь одного – фигуры на сцене. Маленькой сморщенной куклы, чьи колебания от прикрученных ниток должны были снять с них ответственность двигать руками самим. Да, теперь уже известно, что это был Губарев, но тогда его ещё никто не знал, и с таким же успехом туда мог вскарабкаться любой, кто претендовал на роль нового Сталина с отливом донецких печей на груди. По сути, это было тёмное пятно, картинка с вырезанным лицом, черты которого должна была заполнить всеобъемлющая и бескомпромиссная ответственность за судьбу народа.

Происходившее в тот день я помню отчётливо, даже спустя целый год. Площадь, заполненная огромным количеством флагов: здесь были и знамена СССР, и военно-морского флота Союза, и небольшие флажки «ДНР», которыми размахивали бегавшие по улицам дети и мрачно стоявшие пенсионеры, и штандарты России и «Русского Единства». Люди, которые то и дело мелькали с привязанными к ногам и рукам георгиевскими ленточками. Пара десятков крепких ребят в камуфляже, которые через пару часов начнут изо всех сил проталкивать на сцену будущего «губернатора», расталкивая местных депутатов, уже обвинённых в измене. И, наконец, сам Губарев, который ещё около получаса после того,

как окажется на сцене, будет требовать себе работающий микрофон и пытаться вещать о «предательстве хунты».

«Выборы», которые состоялись в тот день, могли бы претендовать на лучшие традиции казачьей демократии: после получаса крайне невнятного бормотания Губарева со сцены на неё вышел человек, который чётко и громко призвал проголосовать за Павла и избрать его новым губернатором. То ли от усталости, то ли от скуки от такого пассивного красноречия все тут же стали выкрикивать «нормально!», «пойдёт» и «давай!». Так под свист и разрозненные аплодисменты «народный губернатор» получил корону. Остальное известно и так.

Интересен тот факт, что в тот день на площади не было ни одного из известных мне ныне боевиков, которые записались в ряды «ополчения». Возрастной и социальный состав присутствовавших отличал солидный возраст и «рабочий формат»: кепки, потёртые куртки и крайне замученный вид. Было совершенно очевидно, что это — сплошной пластилин, готовый принять любую форму от тех, кто кричал им «фашизм не пройдёт!»

Так почему же всё именно так? Всё дело в том, что нас научили смотреть на мир сквозь нули калькулятора. Заставили поверить, что всё можно подсчитать и измерить, подвести под общий знаменатель бюджетных расчётов: так было раньше, так есть сейчас, а значит, не стоит думать о большем и в будущем. «Донбасс работает» — вот фраза, которая ответит на всё. И на ваш изувеченный вид после 12-часовой смены, и на копейки в кармане, и на ваше ближайшее будущее в каком-нибудь пыльном цеху. Да и на сам Майдан, где люди позволяли себе просто немислимое: переводить рабочее время не в количество завинченных гаек, а в песни и тёплый кофе под жаром горящих огней. Это иностранный язык, которому нас не учили, — но в этом ли наша вина?

Сегодня мы упражняемся в том, чтобы между летящими пулями и звуком ракет придумать новое обидное прозвище тем, кто ещё верит в «ДНР». Но что, если сама «ДНР» — это лишь зеркало прошлого, от которого не выйдет отделаться простым разрывом гранат?

«УКРАЇНСЬКИЙ ТИЖДЕНЬ»

28 березня 2015

ПРИВІД НАТИСНУТИ НА КУРОК

С тавлення до праці цілком визначає контрверсійність тих цінностей та ідеалів, які йдуть на Донбас із решти України. І мова тут радше не про саме поняття заробітку, а про умови, у яких опиняється простий шахтар чи металург, що не дають йому змоги, висловлюючись образно, вийти за межі мислення ортодоксального пролетарія, чиї нелюдські умови роботи тільки й забезпечують йому право пишатися собою.

Але ж саме в цьому й криється стрижень психології населення Донбасу, ідеали свободи та рівності для якого завжди означали щось на кшталт вибору мотузки для власної шиї. Людина, яка працює по 12 год на добу в дуже важких умовах із зарплатою 2,5–3 тис. грн і часто не має соціальних гарантій, ментально перетворюється певною мірою на «мазохіста», що проклинає такий спосіб життя й водночас не уявляє свого існування поза ним. Чи варто дивуватися, що вона не переймається проблемами корупції, свобод, правової держави та демократії в широкому сенсі цих понять?

У результаті соціальних потрясінь зими 2014 року, а також їх продовження вже навесні багато жителів Донбасу втратило роботу, що в психологічному плані означало не просто відсутність можливості піти в магазин, а й крах дуже вагомій частини їхнього особистого простору, яку намагалися заповнити «пустими»

словами з екранів ТБ про перемогу демократів над злом. Не вдаючись до прикладу за формою, за своєю суттю ситуацію, що склалася, можна було б порівняти з реформою 1861 року, коли багато кріпаків, діставши свободу, свідомо поверталися до своїх господарів, щиро не розуміючи, що їм тепер робити зі власним життям.

Забігаючи трохи наперед, зазначу, що значна частина нинішнього «ополчення» з-поміж людей, які справді проживають на території Донбасу, вступила до його лав саме під дією зовнішнього середовища, до останнього працюючи під свистом мін, що пролітали над їхніми головами. Тільки втративши джерело доходу й діставши вільний час, чимало їх пішло в «ополчення», переносючи зовнішні штампи та ідеали на кшталт «руського міра» на власний внутрішній досвід. Причому багато з тих, хто працював на Донбасі, вже в розпал конфлікту не отримували за свою роботу ані копійки (особливо в шахтарській галузі), але й далі спускалися під землю без найменшої надії на зарплату.

Здебільшого ці люди до війни заповняли місцеві лавочки, запиваючи тараньку щойно купленим пивом. Однак той факт, що вони готові були прийняти систему з достатньо жорсткою регуляцією цінностей, поглядів та думок, пропонувану їм у чомусь Кремлем, якраз і пояснює поголовну добровільну мобілізацію в лавах «ДНР», що спершу справді не забезпечувала своїх «ополченців» стабільною зарплатою.

Доволі яскравим прикладом у цьому сенсі може слугувати «ополченець» із позивним Лис, що вступив у «казачество» лише через три дні після того, як втратив джерело доходу. Ділячись власним досвідом тепер, багато місяців потому, він каже, що відчуває неймовірне емоційне піднесення тільки тоді, коли стоїть зі снарядами у руках біля гармати, це переважає страх власної смерті.

Страх як визначальний бік сили також присутній у суспільній свідомості донеччан та інших жителів Донбасу. Тут можна виокремити цілу низку підсвідомих мотивів, які стимулюють місцеве населення всіма можливими способами чинити опір київській владі – як ментально, так і фізично.

І першим у цьому списку міг би стояти страх перед змінами, що частково переплітається з тривогою у зв'язку зі втратою стандартної лінії життя «робота – дім – робота». І якщо для більшості людей він пов'язаний саме з практичним боком питання (фінансами тощо), то для мешканців східного регіону постійність мислення завжди збігалася зі способом життя і так звана совковість насправді не що інше, як дуже давня традиція делегувати свою відповідальність одній людині, замість того щоб вирішувати самому.

Нинішня інформаційна війна внесла й свій колорит у довгий список місцевих стереотипів, коли літнє населення стало щиро боятися звірств українських «нацистів», а молодше покоління «всією душею» має намір протистояти їм у боротьбі за «вільний Донбас». Те, над чим сміється решта України, – міфи про розп'ятих дітей і масові зґвалтування, – стає на Донбасі новою ментальною реальністю, яка на два кроки попереду будь-яких раціональних доводів та аргументів.

Не слід забувати й про те, що люди, які стали жертвами такої пропаганди, насамперед мають до неї й серйозну схильність, бо далеко не всі щиро вірять у картинку, трансльовану російськими телеканалами.

Насамкінець на підтвердження сказаного вище не зайве зауважити, що переважну частину незгодних із «ДНР» і «Новоросією» жителів Донбасу становлять саме студенти й викладацький склад вишів, а також діячі культури, тобто, говорячи звичайною мовою, інтелігенція, яка не обтяжена важкою працею і яка зберегла свіжість мислення. На жаль, більшість цих людей перетворилися на мігрантів, із різним ступенем комфорту оселившись в інших регіонах нашої країни.

«ГОЛОС ДОНБАСУ»: П'ЯТЬ ТИСЯЧ «ПОЧУТИХ» ЖЕРТВ

Люди, які довгий час проживають на території інших областей України, в'їжджаючи в «ДНР-ЛНР», відчувають майже фізичну зміну не тільки ландшафтів із табличками «МІНИ» і зовнішнього вигляду людей, які зустрічають їх із ножами, довгими бородами й автоматами біля кордону «республік». Йдеться вже про принципово іншу реальність, коли ці жителі бачать дійсність, що довкола них, зовсім інакше, ніж решта України.

Не раз спостерігаючи за поведінкою людей в екстремальних ситуаціях тут, на Донбасі, можна помітити, наскільки війна змінила картину дійсності загалом, перевернувши пріоритети людей догори дригом. За понад дев'ять місяців збройного протистояння «ДНР» і сам Донецьк перетворилися на іншу реальність, навіть порівняно з тим, що було тут до війни. На реальність із десятками танків на вулицях, з глибокими вирвами від мін, зі слідами від гусениць на асфальті просто біля входу в кафе, з хвостами ракет біля дитячих майданчиків, зі щоденними обшуками й підозрами в диверсійній діяльності. Зрештою, з тим, що ніхто з ваших близьких не дасть гарантії, що ви доживете до наступного ранку. Дійсність, де доноси на рідних і друзів у пошуку «ворогів республіки» стали нормою, де на сходах одного з макіївських

супермаркетів ви бачите восьмирічну доглянуту дитину, яка просить «гроші на булочку», де порожні полиці «Амстору» змушують не брати навіть хліб, обходячись неякісним сурогатом – якимись перепічками, де розстрільні вироки виписуються за законами часів Сталіна і де навіть у «мирний» час вибухають гранати в квартирах, забираючи життя цілих сімей, лише віддаляє думки людей від глобальних процесів, якими зайняті голови більшості на «великій землі».

Населення Донбасу здебільшого кардинально відрізняється ментально від тієї частини країни, яка квінтесенцію демократичних процесів і свобод на Майдані завжди сприймала як собою очевидне. А війна перетворила ту відмінність на прірву. І справа зовсім не в тому, що суспільна думка донецьких, а саме тих, хто лишився в «ДНР», коливається в діапазоні від радикального російського націоналізму до простої максими «мені все одно, аби тільки не було війни», коли ця війна вже стоїть під дверима. Навпаки, така позиція чіткіше окреслює той силует народної свідомості, який зараз блукає донецькими вулицями з прапорцями «вперед, ДНР».

Але запитаймо себе: а чому ці люди взагалі ще тут? Чому вони не біжать від снарядів і мін (хоча багато хто справді покинув область), а, як і раніше, опускаються в шахту під звуки «Ураганів» із зарплатою трохи більшою, ніж зараз коштує телефон? Що змушує їх жити в квартирах будинків, де поряд, у сусідніх, часто немає вікон і стін?

То що ж таке той «голос Донбасу», про який так часто кричали з трибун на площах Донецька з Луганськом, а тепер перенесли на стіни будинків головних вулиць у вигляді написів «змусимо почути Донбас»? Але насамперед необхідно сказати, чим він не є. Це точно не наївні лозунги про «хунту» та «укрофашистів», які зараз, немов мантру, повторюють у лавах «ДНР». До цього ще треба було прийти. Навіть головні «герої Новоросії», як-от Губарев і Пушилін, не відразу зорієнтувалися в тому, що фашизм, перенесений на українські реалії, може бути чудовою «ганчіркою матадора» й змушувати місцеве населення метатися з кутка

в куток, ненавидячи то одних, то інших. Однак треба віддати їм належне: справді, ідея фашизму як абсолютного зла в регіоні, більша частина мешканців якого вихована на радянському минулому, а вулиці досі лишаються з іменами то Дзержинського, то Артема, була неймовірно проста й талановита, вона поєднала в собі цілий котел поглядів із байдужості, апатії, російського радикалізму, анархізму та інших, які зараз «блукають» у рядах «Новоросії». Однак «голос Донбасу» звучав тут ще й до них.

Потяг до «сильної руки», неприйняття загальних демократичних правил і норм, тотальна ксенофобія як у політиці, так і в соціумі, загальне «отруєння» думки ідеєю і страхом фашизму – ось те, що дає змогу сьогодні опускатися під землю шахтарям, маючи в кишені велику дірку. Ось те, що заважає голодним старим і збіднілим учителям винирнути з-під пресу російської пропаганди, яка ллється майже цілодобово з місцевих телеканалів та ЗМІ. Це причина, з якої поруч із пам'ятником Шевченкові красується пам'ятник Леніну, а будь-які спроби змінити стан справ наштовхуються на ще більші впертість і спротив.

«Голос Донбасу» чується ось уже майже рік, і завдяки йому на площі в центрі Донецька не сталося жодних архітектурних змін – Ленін стояв, чого не скажеш про сотні спалених будинків і зруйнованих доль. Ми звикли мислити лише фактами, і «подієвість» усього, що відбувається, цілком заповнює медійний ефір. Але навіть у самому Донецьку вже далеко не кожен здатний згадати, через що почалася ця війна, тепер уже мислячи лише власним зруйнованим будинком чи загиблим під Шахтарськом батьком. «ДНР» консервувала в собі ненависть, страхи й стереотипи, а місцеве населення опинилося в емоційному вакуумі, коли навіть найменші проблески думки про можливі поступки наштовхуються на штамп «Донбас ще ніхто не ставив на коліна». Але й тут на виручку «русской весне» приходять дивовижна риса місцевих мешканців терпіти все: від невиплачуваних зарплат та пенсій до мін і ракет, що залітають до їхніх квартир. Такий уже «голос Донбасу» – тихий, терплячий і абсурдний, що вірить у теперішнє більше, ніж у логіку майбутніх днів.

РАДІО СВОБОДА
20 квітня 2015

ДОНЕЦКАЯ ОБЛГОСАДМИНИСТРАЦИЯ. ХРОНИКА УПАДКА

На начальном этапе сепаратизм на Донбассе ассоциировался, в первую очередь, с двумя точками на карте: Славянском и зданием Областной государственной администрации в Донецке. В последнем мне довелось побывать несколько раз, причём каждое из этих посещений отражало как определённый этап движения истории Донбасса, так и деградацию тех, кто принимал в ней активное участие.

НАЧАЛО МАРТА 2014 Г.

Первые напряжённые моменты проявили себя ещё 1 марта 2014-го, когда к зданию ОГА пришла многотысячная толпа протестующих, а само здание охранялось всего несколькими десятками бойцов спецподразделений. Несмотря на радикальный настрой, те, кто стоял в первой шеренге сепаратистов – буквально в полуметре от самих бойцов, пытались ещё вести хоть какой-то диалог с парнями в шлемах, которым на вид было от 20 до 27 лет.

Многие из более старшего поколения призывали их просто добровольно расступиться, сдерживая более радикально настроенных сепаратистов фразами вроде «это ведь тоже наши сынки – не трогайте их». Сами «сынки» в тот день выглядели более чем воодушевлённо и даже время от времени вступали в ненавязчивые беседы с теми, кто пытался прорвать их ряды.

Немногочисленные фотографии, которые мне удалось сделать в тот день, запечатлели улыбки бойцов «Грифона» прямо на фоне окруживших их уже с двух сторон пророссийских активистов. Так как градус общественного напряжения по мере продвижения к вечеру возрастал, то небольшой части сепаратистов разрешили зайти в само здание ОГА, часть зафиксировалась за спинами слегка расступившихся бойцов, а большинство по-прежнему стояло перед цепью из силовиков.

Несмотря на явный абсурд происходившего в тот день, 1 марта у здания ОГА в Донецке находилась, пожалуй, наиболее «адекватная» часть из всей массы сепаратистов, которая затем расползётся по всему Донбассу.

Это объясняется тем, что многие из присутствовавших действительно были коренными дончанами, которые пришли на митинг на волне политической активности, которая захлестнула нашу страну. Именно поэтому многие были откровенно против того, чтобы наносить хотя бы малейшие разрушения городу, включая саму ОГА.

Время от времени можно было услышать выкрики «для чего вы это делаете?» прямо из самой толпы, когда часть сепаратистов пыталась штурмовать здание или бить палками стёкла. У части протестующих происходящее вызывало уже откровенное непонимание того, что должно или будет происходить дальше.

1 марта в здание обладминистрации я так и не вошёл и покинул Донецк с уходом из ОГА Лукьянченко, уже ближе к вечеру.

В само помещение я вернулся уже через несколько дней, когда вокруг ОГА уже стояла палатка, а внутри находились как «бойцы самообороны», так и донецкие силовики.

Когда зашел внутрь, меня обыскали в промежутке между внутренними дверями, причём сделали это именно сепаратисты, а внутри я увидел уже совершенно иную картину: растерянные и подавленные всё те же молодые парни из спецотрядов, которые сидели со щитами и шлемами по обе стороны от лифтов. Было видно, насколько туманно и неясно понимание происходящего

на их лицах, а некоторые из бойцов находились там уже около суток в полном боевом снаряжении, буквально сидя на своих же собственных щитах.

6 АПРЕЛЯ 2014 Г.

В следующий раз я оказался перед ОГА 6 апреля, когда произошёл штурм внутреннего двора: сепаратисты выломали железную решётку, отобрав часть щитов у охранявших здание силовиков и взяв под контроль внутренний двор. Было брошено несколько взрывпакетов и разбиты стёкла.

В этот раз стоявший вокруг контингент отличался особой агрессивностью и неадекватностью: если 1 марта можно было услышать фразы «не ломайте город» или «не делайте как на Майдане», то в тот день большинству были уже безразличны последствия, и был отдан чёткий приказ штурма.

Помню, как одна из «митингующих» стояла с флаконом «зелёнки», которым она облила одного из силовиков, и просто распевала какие-то частушки, подбадривая тех, кто пытался перелезть через забор.

КОНЕЦ МАЯ 2014 Г.

Наконец, моё последнее посещение ОГА состоялось уже в конце мая, когда вокруг здания выросли целые баррикады, причём из двух ярусов.

Первый рубеж «обороны» составляла разобранная брусчатка, сложенная вертикально, стеной, в двадцати метрах от входа. По её верху была брошена какая-то проволока, кое-где сочатавшаяся с резиновыми покрышками. Сразу за ней шла ещё одна стена уже из одних покрышек, а в образовавшемся «внутреннем дворе» перед фасадом здания стояли колонки и бродили крепкие парни в балаклавах и с битами в недвусмысленных футболках с русской символикой.

Часть из них была одета в камуфляж и отдавала неприятным запахом, а руки и шея этих людей были просто грязного коричневого цвета из-за недельного безвылазного дежурства в здании ОГА.

Здние и боковые части здания к тому времени также обросли высокими баррикадами, а по самым краям, спрятанные в щели между старой мебелью и камнями, находились готовые просмоленные факелы – видимо, чтобы в случае внезапного штурма ОГА здание можно было поджечь.

В то время в Донецке на фоне Славянска чувствовался уже какой-то особый эмоциональный подъём: люди, стоявшие у главного здания города, оживлённо обсуждали будущее «великой республики», раздавали флажки «ДНР» и георгиевские ленты, хотя большинство прохожих даже не решалось пройти первый рубеж возведённой «обороны» и подойти хотя бы ко входу ОГА, не говоря уже о том, чтобы зайти внутрь цитадели их будущей жизни.

Пообщавшись с одним из тех, кто стоял в тот день у разбитой здесь же палатки, я выяснил, что из Донецка постоянно поддерживается связь со Славянском и Стрелковым. О чёткой координации действий речь, конечно, не шла, но «комендант» палатки стал меня воодушевлённо уверять, что всё, мол, будет в порядке, и никто просто так ничего здесь не оставит. Для такого «душевного» разговора достаточно было иметь у себя на груди чёрно-оранжевую ленту, которую раздавали здесь же, и в глазах этих людей вы сразу же становились «своим». Когда же я спросил этого человека, что они всё-таки будут делать, если начнётся штурм, он ответил мне, что внутри уже «достаточно средств», чтобы буквально «позтажно» остановить продвижение силовиков.

Это было последнее моё посещение Донецкой обладминистрации, после которого я ещё долгое время не выезжал даже в сам Донецк, постепенно становившийся для меня всё более тёмным городом.

РАДІО СВОБОДА

7 травня 2015

«ГРАНАТА УЖЕ НЕ БЕРЁТ». ОБЫЧНАЯ ТРАГЕДИЯ В МАКЕЕВКЕ

Сегодня я хотел бы поделиться с вами случаем, который произошёл в прошлом месяце в одном из районов Макеевки. Он целиком демонстрирует, во что превращается даже простой обыватель во время войны, не говоря уже о самих солдатах.

После начала активного спонсирования боевиков «ДНР» вооружением из России, а также вследствие особой расхлябанности всей системы «ДНР», на территории Донбасса практически в неограниченном количестве присутствует нелегальное оружие, которое ходит «по рукам» местного населения, как участвующего в боях, так и нет.

Здесь без труда можно приобрести различные виды гранат, автоматов с целыми магазинами к ним, а также другие виды стрелкового «трофейного» вооружения. При этом сама система распространения этого оружия такова: часть местного населения, вступившего в ряды «ДНР», наводняют собственные дома и квартиры гранатами и пистолетами, которые можно «левым числом» достать на складах. Трофейное же оружие, приобретённое во время боёв с ВСУ, распродаётся тем, кто не участвует в боевых действиях, но хотели бы приобрести его для личной защиты. Какая-то часть просто дарится родственникам – и ярким примером тому может служить отец моего друга, держащий у себя в шкафу две гранаты «Ф-1».

С провозглашением перемирия в нашем городе порог чувствительности к различного рода ЧП резко снизился: если ранее упавший «Град» вызывал у людей уже привычную реакцию вроде простой констатации факта: «Град», то с установлением тишины любой незнакомый шум или взрыв вызывает живой интерес и собирает целую массу зевак на улицах.

Несколько недель назад в одной из макеевских семей уже произошла трагедия: пришедший домой «ополченец» подорвал себя и своего отца одной из гранат, которые принёс из увольнения. В этот же раз всё произошло практически на моих глазах: но, как оказалось, важен был не сам случай очередного подрыва, а реакция людей, собравшихся на него посмотреть.

В одной из местных беседок к вечеру собрались пришедшие в очередное увольнение «ополченцы», один из которых привёл туда своего двухлетнего сына. Так как часть этих людей мне известны, то, поздоровавшись с ними, я просто прошёл мимо, как вдруг, не пройдя и нескольких улиц, услышал оглушающий взрыв.

Взрыв был такой силы, что сперва я подумал, что в очередной раз где-то неподалёку упал «Град» или, как минимум, был произведён выстрел из крупнокалиберного орудия. Так как в последние дни из-за перемирия это было уже редкостью в наших краях, я решил вернуться обратно и посмотреть, что же всё-таки произошло. А произошло следующее.

Один из «ополченцев» достал светшумовую гранату и по неосторожности выдернул из неё чеку. Раздался оглушающий взрыв, и когда я уже пришёл на место, то увидел следующую картину: около 30-40 человек, выбежавших из своих квартир, моментально подъехавшая полиция «ДНР» и маленький ребёнок, у которого из ушей текла кровь.

Мальчик стоял возле кустов и ужасно громко ревел, тогда как несколько человек возле него были явно в пространственной дезориентации. Тут же подъехала и «скорая», которая забрала ребёнка в больницу, а остальных «отдыхавших ополченцев» погрузили в машину к полиции и увезли в неизвестном направлении. Но во всём этом моё внимание привлёк не столько сам взрыв,

который действительно был оглушительным, – сколько люди, которые стояли вокруг.

Я увидел не просто безразличные лица. Кто-то стоял и щёлкал семечки, кто-то просто улыбался от тут же рассказанной смешной истории о чём-то похожем, а кто-то даже в этот момент, когда «ополчение» абсолютно точно подорвало само себя, без кровавой руки «дяди Сэма», продолжал по старинке во всём винить Порошенко, развивая мысль, что, мол, не было бы его – не было бы и этой войны, и ребёнок бы сейчас не валялся в крови у подъезда.

Среди всех этих людей я заметил одного из своих знакомых и, подойдя к нему, – то ли от какой-то злости, то ли от растерянности, – просто спросил его в лоб: «Слушай, чего они все улыбаются? Что смешного?» На что он мне ответил с такой же улыбкой: «Граната уже не берёт».

Действительно, порог чувствительности к людскому горю из-за войны свёлся практически к нулю, заставляя людей, почти что зевая, смотреть на разрывающиеся рядом с ними гранаты и окровавленных в это время детей. Если на начальном этапе войны любой, даже автоматный выстрел вызывал просто панику среди местного населения, а малейшее ранение приводило к обморокам и крикам, то теперь сердца людей может сдвинуть с места лишь действительно упавший на них «Град» или «Ураган», заставив спуститься в подвалы. Кровь и страдания стали обыденностью на донбасских улицах, заставляя местное население без доли эмоций покупать автоматы и осколочные гранаты на «чёрном» рынке, словно обычный хлеб.

В завершение не лишним будет сказать, что пострадавшему ребёнку грозит полная потеря слуха, тогда как его нерадивый отец уже отпущен на свободу и продолжает доблестно нести службу, защищая «святое отечество» под гротескным названием – «ДНР».

ЧОМУ НА ДОНБАСІ ТАК ЛЮБЛЯТЬ «ЦАРІВ»

Не секрет, що суспільна свідомість українців сприймає все, що відбувається сьогодні на Донбасі, крізь призму цілої низки містких вербальних карикатур, як-от: «вата», «ватніки», «колоради», «русскомірні» тощо – таким чином ніби проводячи своєрідну ідейну межу між «ми» і «вони». Однак усі їхні сенси мають значно глибше коріння, ніж просто своєрідний суспільний рефлекс на сьогоднішній сепаратистський Донбас. Висловлюючись професійною мовою, говоримо практично про архетипи суспільної свідомості населення східних регіонів України, де основним лейтмотивом завжди був контроверсійний погляд на владу порівняно з її демократичним трактуванням.

Фактично йдеться про дві принципово різні моделі, погляди на сутність самої влади, які не можуть бути наслідком лише нинішніх подій, а тому мають серйозне історико-психологічне підґрунтя, причому в обох варіантах. Демократична модель учить дивитися на уряд, вищі органи влади й самого главу держави тільки як на найнятих працівників, чиї функції цілковито регулюються волею «роботодавця» – самого народу. Хоч би якими статками ви володіли, хоч би які преференції від обійманої посади мали – все це лише наслідок наданої вам можливості самим народом,

і чиновник, так само як і глава держави, є тільки виразником його волі. У демократичній моделі й психологічні зв'язки її учасників вибудовуються інакше, змушуючи дивитися на владу не вертикально, а горизонтально, передбачаючи, що обійняти найвищі державні посади може будь-хто з огляду на відому рівність, закріплену ще з часів французьких гільйотин та обезголовлених тіл учорашніх монархів.

Зовсім інакшим бачиться трактування влади, яке сьогодні властиве не тільки Донбасу в його окупованій, а часто й підконтрольній Україні частині, а й усій Росії. Тут діє дуже давній, глибоко вкорінений у свідомості населення погляд на владу як на наслідок божественної волі, щось сакральне, а сам глава держави, як і раніше, сприймається як «помазаник Божий». Трафаретні написи, на які можна було натрапити на донецьких вулицях ще до війни, дуже часто невігядливо говорили про цю саму лінію місцевого мислення, коли на зупинках можна було прочитати «Православ'я. Самодержав'я. Народність». Певна річ, така екзальтована форма політичного мислення притаманна не всім донеччанам і мешканцям регіону, однак ікони зі Сталіним у золотому мундирі на площі Леніна, потрібне хресне знамення місцевих пенсіонерів на тому самому березневому мітингу під час промовляння імені Путіна і майже безкомпромісне неприйняття будь-яких змін політичної системи, хоч би якою вона була, – все це своєрідні відголоски минулого із «золотою короною», коли є образ «царя-заступника» і народу, що цілковито довіряє йому.

При всьому цьому слід відзначити і той ідейний та політичний дуалізм, який завжди був характерним для нашого регіону, а сьогодні трапляється повсюди, зокрема й у діалогах з місцевими мешканцями. Більшість із них ніколи не були повністю задоволені владою Януковича і Партії регіонів, чудово розуміючи, навіть і тепер, що ці люди розкрадали вагому частину державних коштів і покрили країну цілою мережею корупційних зв'язків, часто родинних. А втім, тільки-но мова заходить про Майдан і нещодавні трансформації, визнаючи все це, багато хто з ідейних прихильників «ДНР» вибудовує дуже чіткий психологічний

зв'язок між минулим і теперішнім, забарвлюючи перше майже в священні тони. «Так, було погано, – кажуть вони, – але зараз стало ще гірше», а тому минуле, хоч би яким ідейно «заплямованим» воно було, завжди матиме для них перевагу перед рухом країни вперед.

У Російській Федерації на сьогодні всі ці ментальні особливості російського населення поставлені на міцні рейки державної пропаганди, коли священники самі цілують руки «великому царю» (відомий випадок із Володимиром Путіним і священнослужителем), а населення щиро пишається заступником, посланим російському народу самим Всевишнім. На Донбасі ці мотиви знаходять лише своє мале відображення, максимально проявившись у ейфорії сепаратистського референдуму, після якого очікувалося не тільки географічне приєднання цих територій до складу Росії, а й вливання секулярної української ментальності в священне коло «руського міра». Коли ж нічого подібного не відбулося і повернення «до рідної гавані» не сталося, образ «царя» цілком був заміщений боротьбою зі «зрадливою хунтою», а Донбас став транслюватися ідеологами «русской весни» як останній оплот православ'я і боротьби за російський народ на західних окраїнах «великої держави».

Дуже показовий у цьому сенсі уривок фільму «Цар», де російський народ, як завжди брудний, голодний та обірваний, стоїть на колінах перед своїм «заступником», слізно благаючи простити його, а потім разом із тим самим «заступником» так само повзком вирушає на пошуки духовного наставника для «великої держави». І тепер, у 2015 році, в Росії та на Донбасі змінилася тільки форма поклонів, але традиція падати ниць перед «государем» лишилася.

Певна річ, Захарченко, Плотницький і Ко не дотягують до образу коронованих монархів, ким сьогодні фактично виступає сам Путін, але їм це й не треба. Достатньо стійкого психологічного зв'язку в суспільній свідомості Донбасу між цими особами й самим Кремлем, а «корона Російської імперії» завжди буде чимось на кшталт провідної зорі, що освітлює шлях борцям за «вільний Донбас».

РАДІО СВОБОДА
10 червня 2015

ЧТО ДЛЯ МЕНЯ УКРАИНА? ВЗГЛЯД ИЗ МАКЕЕВКИ

Знаю, похоже на заглавие сочинения пятиклассника – но не спешите судить, друзья. Темы, которые я хочу здесь затронуть, более чем серьёзные, и начну, пожалуй, с тех мифов, которые всё чаще транслируются с экранов ТВ.

За почти год непрерывных боёв, разрушенных зданий и фактической блокады региона многих на «большой земле» посещает вполне оправданная мысль, которая зачастую транслируется и в отечественных СМИ. В утрированной форме она звучит примерно так: «Ну, ладно. Донбасс – «ватный» регион, это уже понятно всем. Но после всего, что уже произошло, он превратился из «униженных и оскорблённых» в место «прозревших и раскаявшихся», и теперь – это своеобразный котёл социального негодования, который вскоре начнёт закипать». Скажу прямо: это не так.

Приведу только один пример. В связи с получившим широкое распространение интервью одного из российских военных, который заявил о том, что в Макеевке 70 процентов населения «за укропов», меня часто спрашивают: правда ли то, о чём он сказал? Так вот – нет, это ложь.

Мне не известны мотивы, по которым его руководство сообщило ему такую цифру, если это вообще имело место быть. Но мне известно другое – выходя на улицу, я каждый раз прокручиваю

в голове одну и ту же историю, которую стану говорить, если не сегодня-завтра кто-нибудь из этих «патриотов» сдаст меня комендатуре.

Разумеется, мне неизвестно всё многотысячное население Макеевки. Но строить иллюзии во время войны так же опасно, как и совершать тактические просчёты: никто здесь никого не ждёт с украинскими флагами и не поёт по ночам украинских «пісень», даже несмотря на картофель по 28 рублей. А те гроши, которые сейчас бросили пенсионерам, лишь бы они могли протянуть ещё месяц-другой, в последнее время вызывают буквально эйфорию с мыслями «ну, вот теперь-то мы заживём!», добавляя очередных эфемерных плюсов в копилку «народных республик».

Но что же можно увидеть в Макеевке на самом деле? А увидеть можно сотни машин, чьи владельцы заклеили украинские флаги трёхцветной наклейкой на номерных знаках. Десятки маршруток, внутри которых целый арсенал сепаратистской символики – от тех же «триколоров» до патриотических надписей о «несломленном Донбассе». Людей, которые «одели» свои паспорта в продающиеся на каждом шагу обложки «Донецкой Республики». В общем, соотношение 70 к 30 вполне справедливо, если перевернуть его вверх дном, хотя моя личная социальная выборка из макеевских знакомых и близких не даёт даже таких оптимистических цифр.

Но подобная «светлая» информация с успехом работает против нас, когда навязывается мысль о всего лишь шаге до полной победы, а мой собственный брат, живущий в Одессе, вообще не понимает, почему мы «не выйдем на улицы и не скажем «убирайтесь отсюда», как если бы после этого «мы» не оказались в полиэтиленовых пакетах в местной лесопосадке. Да и сколько таких «мы» здесь осталось?

Я никогда не разделял мнения людей, бьющих себя в грудь где-то в подвалах Донецка во время обстрелов с криком: «Мы герои, а остальные – крысы, сбежавшие с тонущего корабля». Давайте говорить откровенно – для многих это не их корабль. Это раз. Когда стало очевидно, в чью сторону переламяется

ситуация, и что Донецк уже окончательно погружается в болото сепаратизма и терроризма, многие просто махнули рукой и сказали себе – «это уже не Украина». И я знаю таких людей. Сейчас они с разной степенью комфорта разместились в Полтаве и Киеве, не собираясь сюда возвращаться, что называется, «ни при каких раскладах».

Но были и другие. Те, у которых в соседней комнате спал годовалый ребёнок, а рядом, за окном, падали ракеты от «Града». Можно ли их винить в том, что они сбежали с какого-то «корабля»? Для меня – нет.

И всё же – сколько таких «мы»? Думаю, счёт идёт на тысячи, но с учётом всего региона. Я имею в виду те территории, которые до сих пор под контролем сил «ДНР»: проукраинское население, действительно не выехавшее на территорию Украины, разбросано по «ДНР» так пространно, что в результате и получается один проукраинский знакомый на 40-50 сепаратистов.

Это не означает, что в Донецке не нашлось бы несколько сотен людей, включая меня, которые бы смогли выйти на площадь Ленина с «жовто-блакитними» флагами. Но в нынешних реалиях это число – просто список из тех, кто пополнит ряды местного кладбища.

Но вернёмся к заглавию. Этот вопрос: что для меня Украина? – уже давно транслируется среди моих родственников, которым хотя бы частично известны мои взгляды. А недавно мне напрямую задала его сестра, получившая российское гражданство в Крыму. Она искренне не понимает, почему я, находясь в регионе, где всё моё окружение целиком с противоположными взглядами, уже спустя год всё ещё, как она выразилась, «цепляюсь за Украину»?

«Что для тебя Украина? – спросила она. – Вот конкретно: что? Это флаги на зданиях, люди в вышиванках в Донецке, украинская пенсия у бабушек? Ведь примерно всё это же может быть и с «ДНР» – да, в других цветах, но земля-то под ногами та же, та же Макеевка. Зато без людей, сбрасывающих памятники и прочее...»

Внимательно её послушав, я подумал, что она в чём-то права. Действительно, украинской территорию делает вовсе не флаг на макеевской мэрии и не гимн на главной площади Донецка. Хотя внешняя атрибутика, наверное, именно такова. Да и пенсию вполне могут перестать выплачивать и в Одессе, и в Киеве, а у Порошенко и Яроша найдутся сотни врагов и под стенами Рады.

Но, отвечая на вопрос собственной сестры, у которой ещё недавно в кармане лежал такой же жёлто-голубой паспорт, в чём же состоит Украина, я сказал, что на самом деле – не знаю. Но зато знаю точно, с чего она прекращает существование – с людей, которые утром просыпаются в городе Макеевка и не знают, кто они такие – украинцы, россияне или «жители народных республик».

И что нет никакой гарантии в том, что те, кто ответил для себя «россияне», не скажут завтра в Крыму «белорусы» или не станут под турецкие флаги. Мы не можем всю свою жизнь бегать от одной земли к другой, во всяком случае – уж точно не имеем на это права во время войны. И государство должно, в первую очередь, сохраняться у нас в головах – а с флагом и памятниками мы всегда разберёмся.

«УКРАЇНСЬКИЙ ТИЖДЕНЬ»

26 липня 2015

ЛИСТ ДО РОСІЯН

Дозвольте представитись. Я – корінний мешканець Макіївки, який прожив у ній більшу частину свого життя, хоч і народився в Донецьку. Віднедавна мій розум, як і уми мільйонів у нашій країні, займає одне просте питання: чому?

Як сталося так, що ненависть, котра часом потребує цілих поколінь для свого втілення, проросла на нашій землі лише за рік і закріпилася тут так міцно, що не дає двом унікальним народам ступити за межі телевізійних шаблонів, які сьогодні диктує ТБ?

Звичайно, я не вимагаю відповіді на це запитання і повноцінно, мабуть, не зміг би відповісти й сам. Але спалені будинки та міни, що стирчать із асфальту, не дають нам права сьогодні не ставити його зовсім. Коли ви йдете теплою, сонячною вулицею, а за мить чуєте вибух від мін і бачите з десятків мертвих людей, після чого знову звучить тиша й далі їздять трамваї, неможливо не помітити абсурду, що наповнює собою війну. Війну, в якій кров освячують ідеї, що ніколи не ступали далі університетських дверей.

Сьогоднішній погляд на Україну очима Москви – це погляд на доларовий папірець американських інтересів і західних цінностей, що штовхають до російських кордонів ешелони ракет. На «нацизм», який начебто панує в нашій країні. Ви бачите в Україні не самотню думку, що намагається віднайти себе крізь туман радянської епохи, а саму загрозу цій епосі, що так

і не стерлася в московському Кремлі. Морозиво по 9 копійок та 1/6 частина суші – чи можна ще бажати чогось?

Але нацизм, цей монстр, яким так лякають російський народ, характеризується, зокрема й згуртованістю і сліпим преклонінням народу перед єдиним пророком, що веде націю до великої мрії. Але де ще ми зможемо знайти таку різношерстість та неоднозначність думок щодо свого президента, як не в Україні, де кожен новий її глава навряд чи має більші поваги та успіх, ніж його попередник? І де ще, як не в Росії, у сьогочасній Європі ми зможемо знайти таку сліпу віру та майже побожний страх, із яким вашому лідерові цілують руки священники, а цілий народ аплодує будь-якому рішенню, наче стоячи в одній партійній залі розміром із цілу державу?

Згадуючи Європу, ви кажете, що старі боги померли, а в нових вона не сильна. Можливо, ви й маєте рацію, якщо йдеться про міцні орієнтири та цілі. Але ж у чому сильна та Росія, що примушує нас сьогодні під дулом гармат вірити в те, що цієї смерті не було зовсім? Хіба сьогоднішня Москва з її георгіївськими кольорами та червоним відтінком, а разом із нею і Тула, Тюмень, Петербург – це лише данина поваги минулому? Хіба не намагаєтеся ви сьогодні воскресити те, над чиею смертю смієтесь у «загниваючій» Європі, – воскресити минуле, що за 69 років існування так і не спромоглося себе ствердити?

За багатьма соціально-економічними параметрами РФ зараз випереджає Україну. Той духовний ковпак, що сьогодні надітий на російську націю, надітий на неї значно міцніше, ніж ті нечисленні, справжні паростки патріотизму, які тільки зароджуються на нашій землі. Та якщо все це дає підстави вам думати, що сорок мільйонів людей в одну мить начепили нацистську свастику, то я запитую вас: чи можна бажати такого благополуччя ціною наївності, що не має меж?

Тепер, через рік війни на Донбасі, я абсолютно певен, що гіршого ворога, ніж історія, людині годі й бажати. Хоч би що ми намагалися в ній віднайти, хоч би які епізоди склали в одну мозаїку ненависті, достатньо її самої для післясмаку минулих образ. Та є очевидні речі, яких нам не оминати. Доки

ви не усвідомите, що російський громадянин не має права приїжджати до українського міста, збирати групу найманців і захоплювати в ньому владу, створюючи систему ровів та окопів; доки не зрозумієте, що доля росіян Донбасу – це доля не нещасних калік, які стоять біля церкви в надії на російські «Гради»; доки не змиритесь з думкою, що колишньої України більше не існує, як сьогодні змирився з цим я; зрештою, доки не почуєте голос тих росіян, що не волає сьогодні про допомогу, а благає лише про одне: не допомагати, доти нас чекають тільки кров та страждання. І повірте, що жодна країна світу не вийшла з них завдяки силі ракет.

Торгівля майбутнім триває. Наші пальці все ще тиснуть на гачок. І сьогодні, будучи в самому центрі Донбасу, не маючи ні міцної думки про моє теперішнє, ні твердої надії на майбутнє, я хочу сказати лише про те, що прощення є не менш радикальним, ніж сама війна. І якщо сьогодні ми зможемо зупинитися, не виключено, завтра знайдуться й ті, хто зможе простити. Саме в цьому моя радикальність, і саме до цього я сьогодні закликаю вас, росіян.

КТО НАЖИВАЕТСЯ НА ЖИТЕЛЯХ ОККУПИРОВАННОЙ ЧАСТИ ДОНБАССА?

Спустя год оккупации части территорий Донецкой области вырисовался определённый портрет тех социальных слоёв, которые не просто вынуждены выживать в «ДНР», но и чувствуют себя здесь довольно вольготно, в отличие от рядовых врачей, учителей, пенсионеров и прочих менее защищённых слоёв населения.

Как ни странно, но в первую очередь к категориям подобных социальных «сливок» относятся работники именно торговой сферы, главным образом – продуктовой. Но и в среде продавцов непродовольственных товаров есть своя каста привилегированных, выпускающих непродовольственные товары узкого потребления (вроде стройматериалов или комбикормов для домашних животных). Другими словами, хорошо себя чувствуют те, кто является фактически монополистами в той области бизнеса, в котором ранее из-за большой конкуренции едва сводили концы с концами.

Независимо от социального положения, еда необходима всем и всегда, поэтому с углублением блокады региона со стороны Украины пространство для финансовых спекуляций и поднятия цен расширилось до невероятных масштабов, когда завозимая фактически без целого ряда пошлин продукция из России

выставляется по заведомо завышенным ценам, а её украинская альтернатива отсутствует вовсе. К этому необходимо добавить и объективную рыночную составляющую процесса ценообразования, когда транспортировка товара из Ростова, Курска или даже Москвы непосредственно влияет на конечную цифру на ценниках. При этом ситуация с качеством, особенно колбасной продукции, зачастую просто катастрофическая, что объясняется следующей схемой.

Поставщики из Российской Федерации прекрасно понимают всю напряжённость финансовой атмосферы в «ДНР» и вполне адекватно оценивают покупательную способность местного населения. А так как качественная продукция в России на порядок выше по стоимости аналогичной в Украине, плюс расходы на транспортировку, – нехитрый подсчёт позволяет понять, что для того, чтобы та же колбаса могла быть продана с прилавка, она не может превышать уровень всё ещё привычных украинских цен в несколько раз. Поэтому зачастую поставляется продукция заведомо низкого качества, приобретающая за счёт транспортировки и накрутки местных предпринимателей более-менее привычные ценовые очертания, – но при этом качественно на порядок ниже того, что обычно приобреталось за эти же деньги.

Здесь же возникает и известная путаница с покупкой товара в рублях и гривнах. Всё дело в том, что большая часть продукции на местных рынках – из близлежащих украинских сёл и посёлков, из-за чего продавцы крайне неохотно берут российские рубли. При этом можно увидеть уже ставшую привычной картину, когда рядом с украинским ценником в 80 гривен выставлена цена за тот же товар уже в размере 200 рублей, хотя официальный «республиканский» курс до сих пор – 1:2. Большинство воспринимает это как своеволие продавцов, однако из-за расчёта в рублях и разницы курсов в Украине и «ДНР» в реальности для получения прибыли продавцы вынуждены умножать не на 2, а на 2,5, и из-за жалоб на них в «ДНР» в последнее время просто «подтянули» украинскую цену к российской – условные 80 гривен теперь превратились в сто.

С непродуктивной сферой дело обстоит ещё сложнее. Здесь по-прежнему основной массив товара поставляется из Украины, и едва уже всем известные коррупционные схемы на блокпостах «зависают в воздухе» (как правило – из-за боёв, как это было в случае с Марьинкой). Создаётся огромный дефицит, когда потребители тех же комбикормов предлагают «любые деньги», лишь бы достать заветный мешок. Естественно, едва этот «мешок» всё же просачивается в «донбасское гетто», предприимчивые бизнесмены тут же выставляют заоблачные цены до следующей стабилизации обстановки, тем самым снимая финансовые сливки с патриотов «народных земель».

Ещё одним классом местных магнатов выступают всевозможные неофициальные обменные пункты валюты, а также так называемые «карточники», обнальщики и вообще все, кто обещают помочь несчастным жителям «республик» покинуть эти самые «республики», снять деньги с банковской карточки, оформить справку переселенца или пропуск для выезда из зоны АТО. Но обо всём по порядку.

Из-за негласного запрета продавать гривны в обмен на рубли в так называемом «Республиканском банке», а также в ряде местных «жёлтых обменников», купить украинскую валюту можно только с рук на рынках или небольших площадях у «менял», разумеется, продающих её далеко не по курсу 1:2, как предписывает «законодательство ДНР». В реальности вам продадут гривны по курсу 4,7-4,8, а возможно и выше, в зависимости от необходимого объёма. Естественно, сама наличная гривна завозится в «ДНР» из Украины и обеспечивает просто невероятный доход всем финансовым туристам, таким образом зарабатывающих себе на жизнь и покупающих на эти рубли товары уже по курсу 5,0.

Примерно та же схема работает и с учтывыми девушками, «распиханнкими» по различным небольшим помещениям и ларькам Макеевки, Донецка, Харьцызска и предлагающими вам обналичить украинские банковские карточки. Примечательно, что на заре этого бизнеса «обналичка» происходила под

10%, тогда как с вытеснением этой сферы заработка продажей пропусков и увеличением числа самостоятельно выбирающихся из «зоны» предложение снизилось до 0% при значительных суммах, к примеру – 5000 гривен. Но весь подвох состоит в том, что наличные деньги вам также будут выданы в рублях по официальному курсу 1:2, то есть с 5 тысяч гривен клиент получит 10 тысяч рублей. Судьбу же списанных с вашего счёта гривен несложно себе представить: они «падают» на счёт где-нибудь в Днепрпетровске, после чего чудесным образом превращаются уже не в 10 тысяч рублей, а в 11-12, в зависимости от разницы курса на территории «ДНР» и конкретной точке Украины, – после чего валютный оборот повторяется снова. С менее же обеспеченных клиентов, снимающих с карт небольшие суммы, по-прежнему взимаются немалые проценты, что всё равно более выгодно, чем тратить эту же сумму на попытку выбраться за пределы «ДНР» и снять те же 1,5-2 тысячи гривен самостоятельно.

Следующей «золотой жилой» «республик» является оформление пропусков и справок переселенца, так сказать, не выходя из дома. Пенсионерам, всё ещё не определившимся с тем, как же им самостоятельно выбраться на украинскую территорию для получения пенсии, предлагаются все необходимые для этого услуги: 1900 гривен, и через 15 дней вы становитесь счастливым обладателем фактического адреса проживания где-нибудь в Краматорске, а также украинской пенсии, которую, впрочем, придётся снимать по описанной выше схеме. И всё это не выходя из собственной квартиры.

Но и здесь есть свои нюансы. После того, как «ДНР» наладила более-менее стабильную выплату пенсионных пособий, желающих получать столь витиеватым и мудрёным путём те же суммы, но уже в украинских банкнотах, весьма поубавилось, и услугами оформления справок переселенцев пользуются лишь те, кто желает получать пенсию в обоих местах: и в «ДНР», и в Украине. Такие случаи не так часты, но ещё в апреле из-за повальной неразберихи в «пенсионном фонде» «ДНР» многие пенсионеры получили

«задвоенную» пенсию, полагая, что этот приятный сюрприз можно продлить на неограниченный срок. Как бы там ни было, а услуги по оформлению пропусков, в том числе и электронных, на сегодняшний день – один из самых доходных бизнес-проектов «республики», обеспечивающий его владельцам не меньшие доходы, чем от небольшой торговой ниши.

К этой же сфере военного бизнеса примыкают и пассажирские перевозки, когда фактически монополист-перевозчик поднимает цены на выезд из зоны АТО, а водители получают сверхприбыли за транспортировку пассажиров, не имеющих необходимых бумаг, через украинские блокпосты. По большому счёту, до уже ставших всем известными «упрощений» в пересечении линии разграничения, – когда люди вынуждены пересекать границу буквально пешком, стоя в огромных очередях на жаре, – можно было договориться отдельно с водителем необходимого вам маршрута, который за определённую сумму брал вас в рейс без всяких документов, «отстёгивая» часть этой суммы на украинском блокпосту. С введением же «упрощений» новый виток этого бизнеса переключался в сторону частных перевозок и такси, которые только набирают обороты, паразитируя на новых бюрократических ошибках руководства страны.

Мало кто из аналитиков, освещающих события на Донбассе, акцентировал внимание на этом аспекте внутренней жизни «республики», но «ДНР» – это не только рай для спекулянтов и контрабандистов, но также и Мекка для беглых преступников и уголовников, которые могут вступить в ряды «ДНР» или просто «залечь здесь на дно» без всякого опасения, что украинская фемида сможет дотянуться до них своими избирательными руками. Зачастую эти люди пополняют ряды «ополчения» или попросту занимаются «крышеванием» бизнеса, имея так называемые «завязки» с местным криминалитетом. Сюда же, в «ДНР», для более комфортного проживания может сбежать любой, кто имеет долговые или налоговые обязательства перед украинскими банками, предприятиями и госструктурами, не опасаясь быть выданным «вражескому» государству.

Ещё одной прослойкой общества, получившей своеобразную скидку на счастливую «республиканскую» жизнь, является духовенство православной церкви Московского патриархата, что уже давно фактически стала не только официальной религией «ДНР», но и вдохновителем бойцов «ополчения» на «ратные подвиги во славу Отечества». На услуги именно этой религиозной конфессии сейчас огромный спрос на оккупированных территориях, а после слов Захарченко о том, что в «ДНР» будет всего 4 официальных религии – православие (в лице Московского патриархата), римо-католицизм, ислам и иудаизм, немногочисленные общины других конфессий и вовсе уйдут с «конкурентного рынка» перед набирающей обороты московской церковью и её духовенством.

Завершает же список «счастливиц республики» само «ополчение» и все, кто так или иначе связан со структурами самой «ДНР»: о привилегиях этих людей говорить не приходится, тогда как рядовые жители, и в особенности проукраинские патриоты, по-прежнему занимают нижние места в списке общественной иерархии «народных республик».

ВЛАДИМИР ПУТИН И ЕГО «ЭСПЕРАНТО»

Практическая реализация теории о «русском мире» воплотилась в войну на Донбассе, с тысячами жертв и десятками разрушенных городов. С тех пор не прекращаются попытки найти дипломатический выход из той почти патовой ситуации, в которую загнали себя обе стороны конфликта.

Но дипломатический язык, на котором европейские лидеры общаются с хозяином Кремля, начал приносить свои первые плоды только сейчас, после восьми месяцев многочисленных попыток нормализовать ситуацию. Да и по сей день особых сдвигов не ощущается: конфликт скорее заморожен, чем окончательно разрешен.

Возникает вопрос: а идёт ли один из самых важных диалогов в новейшей истории — на одинаковом для всех его участников языке?

В эфире одного из украинских дискуссионных телешоу известная испанская журналистка Пилар Бонет однажды задала украинским политикам риторический вопрос, который, к сожалению, остался без должного внимания. Среди прочего, анализируя и критикуя реакцию Европы на ещё тогдашние дипломатические шаги «великой России», Бонет вопросительно произнесла: «...Тогда, возможно, господин Путин — единственный мыслящий политик в Европе?»

На самом деле, чёткость, бескомпромиссность и понимание этой позиции могли бы стать одним из основных приоритетов в понимании происходящего сегодня в Донбассе.

Мысль Пилар Бонет заключалась в следующем: все дипломатические шаги современной Европы определяются исключительным прагматизмом и рамочными принципами рыночной экономики — вроде сухих бюджетных расчётов.

Для европейской политики дипломатия уже давно превратилась в разновидность бизнеса, когда минимальные риски просчитываются едва ли не на счётной машинке. Будущее европейских территорий представляется в виде немецкой педантичности и сухой логики цифр.

Совершенно же иначе мыслит хозяин Кремля.

С тех пор как идея «русского мира» и «великой России» стала набирать обороты в лице её основного выразителя, становится всё яснее та пропасть, которая отделяет современную цивилизованную Европу от человека, чьи амбиции едва ли подпадают под логику простого финансового обогащения или территориального интереса. Совершенно очевидно, что российская политическая и ментальная действительность приобретает черты фашизма. Того самого фашизма, в котором вот уже который месяц Кремль обвиняет украинскую армию и её руководство.

Достаточно просто посмотреть на основной набор «русско-мирных» месседжей:

- идея об «особой исторической миссии» русского народа;
- противопоставление его культуры и духовной среды всему западному, европейскому, выражающееся в понятии «великой России»;
- неприятие целого ряда международных норм и правил, ставящее под сомнение систему мировой коллективной безопасности через аннексию и оккупацию целого ряда территорий.

Всё это говорит о том, что концентрированный интерес Кремля выражается вовсе не в мыслях об уходе от санкций, не в спасении отечественной экономики, и тем более не в заботе о гибнущих в Донбассе российских военных.

Речь идёт о чём-то принципиально ином. Это «иное» позволяет Путину продолжать вести свою опустошающую внешнюю политику, не заботясь о каких-то личных финансовых интересах или мотивах давления на него со стороны внешних сил. В конце концов, человек, стоящий на вершине современной мировой геополитики и разделяющий это место буквально с пятью-шестью такими же, как он сам, — едва ли будет заботиться о том, чтобы к своему многомиллиардному капиталу добавить ещё пару сотен, в виде вывозимого из Донбасса угля и остатков ещё недорезанного металла; равно как и переживать о чересчур низком рейтинге в глазах западных стран.

Самые поверхностные подсчёты говорят о том, что постоянное финансирование огромной армии боевиков, расходы на социальные выплаты «республик», которые абсолютно не покрываются местным налогообложением. И вообще — один день присутствия России на территории Донбасса обходится ей куда дороже, чем любой финансовый интерес, возможный в этом регионе.

Именно в этом и заключалась мысль Бонет — о взгляде на действительность Путина сквозь призму истории, а не только бизнес-интересов, как это свойственно «глубокой озабоченности» его европейских коллег.

Безусловно, война на Донбассе и постоянная подпитка боевиков Россией — это результат мысли, а не голой прагматики. Но вопрос в совершенно ином: в какую сторону движется сама эта мысль?

На сегодняшний день вся пропагандистская машина России, в том числе работающая и через местные телеканалы Донбасса, внушает российскому народу и местным жителям совершенно отвлечённую от какого-либо прагматизма идею. Нацизм, фашизм и незаконность украинской власти под общим соусом «хунта» — лишь видимые маркеры, которыми фиксируется внешняя агрессия и очерчивается лицо врага.

Основная же идея состоит в следующем: российский народ, в широком смысле этого слова, объединяющийся цепями «русского

мира», имеет особую историческую ценность и вес — в противовес всему «загнивающему» западному обществу, разъедаемому идеями сексуальных свобод, порочной потребительской экономики и искажённых религиозных идеалов.

Представление о России как о великом государстве, у которого есть такой сильный и умный защитник, как Путин, не оставляет умы людей даже на самом низу, где соотношение пенсий и цен немногим лучше, чем в самой Украине. В отношении же нашей страны у обывателей формируется снисходительно-пренебрежительное мнение: «Без нас Украина ни на что не способна».

Фактически Путину через огромный массив российской пропаганды удалось создать искусственный медийный язык, на котором говорят без малого 140 миллионов человек. Кремлевские кукловоды успешно внушили массам мысль, которую, хотя и с иным оттенком, культивировали ещё творцы Третьего Рейха: «мы — они», «друг — враг», «русские — все остальные».

Но следует ли нам быть такими же недалёковидными, чтобы не замечать этого и на дипломатическом фронте, когда титанические усилия немецкой и французской сторон разбиваются о циничную ухмылку российского президента?

Возможно, сегодня он — единственный, кто отдаёт себе отчёт в том, что диалог идёт на совершенно разных для сторон языках.

ЛИСТ ДО СВОЄЇ ДЕРЖАВИ

Кажуть, поза часом немає людини. Я хотів би, щоб цей лист став не загальним уявленням про певні речі, а відображенням саме того часу, в який він написаний.

Бо ще рік тому ці слова були б неможливими, а через рік, дай Боже, вже будуть не варті чорнил. Дозвольте мені на правах людини, яка опанувала мистецтво війни в його найпотворнішій формі – у примиренні із самою війною, сформувати кілька тез, які якнайкраще сказали б про те, що сьогодні відбувається в думках людей з українським громадянством усередині та вмурованих у потворний ландшафт «ДНР» ззовні.

– У моїй країні нічого не змінилося.

Це важко казати, але, вибачте, це так. Дерев'яний фасад, декорація з красивої поліцейської форми та жовто-блакитних кольорів повсюди, ледь не на спідній білизні, не є тим, за що варто віддати життя. Беззаперечно тільки одне: для нас нарешті відкрилися шляхи, та поки що ними ніхто не йде. Моя країна наче завмерла перед тим світлом, якого так домагалася стільки років. Але корупція, відверта брехня, «кришування», бійки в парламенті, продажні суди, вибірковість закону – усе це нікуди не зникло, тільки тепер це роблять «свої». Той проміжок часу, який ми подолали, можливо, вимагає більше терпіння, ніж цих самих змін.

Та мене не полишає відчуття, що це може стати загальною думкою на найближчі роки, коли наш вельмишановний політикум

завжди виправдовуватиметься часом. Звичайно, тут, в окупації, відчуття правосуддя гостріше, й інколи тим небагатьом, хто дивиться сьогодні на «велику землю» лише з екранів ТБ, хотілося б разом позбутися всього, на що в Києві чи в Тернополі, можливо, і не звернули б уваги. Ми бачимо, як учорашні патріоти стають елементами бізнесу, а влада заграє з ними, неначе дитина з вогнем. Та варто запитати: чи є суспільне прагнення до свободи тією метою, за якою вже не зважають на засоби її досягнення? Бо якщо так, то є найгірша диктатура, що, вкриваючись простиратлом мертвих, уже не зважає на тих, хто живий. Тих самих мертвих, що віддали своє життя на Майдані, і тих самих живих, що й досі є тут, на Донбасі, хоча, кажучи відверто, більшість із вас уже кинули сюди по жмені землі. І звідси є друга теза.

– Моя країна швидше відмовиться від своїх громадян, аніж від своїх територій.

Будьмо відверті: Донбас – це тільки примара, у той час як більшість із вас кидає камінь провини в тих, хто їде із сірої зони степів. В очах країни ми вже винні, всі ми засуджені до певної міри, бо не змогли втримати український прапор на своїй землі, не змогли запобігти тисячам жертв, винні в тому, що хтось у Черкасах лє сльози за батьком чи братом, і навіть ті самі смерті вже тут, у Донецьку, не варті нічого, бо є лише копією справжнього болю, тільки фантомом.

Спитаємо широко: кого з вас хоч раз не навідали такі самі думки? Та ми боїмося їх, боїмося сказати їх уголос, а тому за нас їх і досі озвучує автомат. Між хлопцем, який пише цього листа в Донецьку, і тими, хто зараз сидить в окопах, завжди знайдуться десятки причин, щоб кинути в іншого камінь. Та в цьому випадку я запитую вас: чим справді тоді є Донбас? Бо не вірю, що вам потрібні лише терикони, лише величезні заводи, лише та ідейна іржа, що вчить любити абстрактну країну, без обличчя й мови. Глуху німоту. Хтозна, можливо, саме цього й прагнуть у Росії, прагнуть ще більшої ненависті навіть серед тих, у кого є спільна мета: побачити український Донецьк. Так мислить держава, але так не маємо мислити ми. Я не хочу більше мірятися трунами. Не хочу

знати, чи були ви на фронті, чи тримали колись автомат у руках і чи спали в підвалі, рятуючись від гулу ракет. Чхати на це. Вже стільки часу й крові втекло, що смертю навряд чи когось здивуєш. Тому я, мабуть, не дуже відійду від правди, якщо третьою тезою скажу:

– Моя країна потребує прощення: самої себе через себе саму.

У нас є зовнішній ворог. Беззаперечний, чіткий, зрозумілий. Та хіба ми й далі вдаватимемо, що географічне походження – це лише точки на карті й що донецький шахтар – той самий менеджер зі Львова? Ні, міста зумовлюють мислення, пропонують своїх героїв, формують інакшу картину життя. Та величезною помилкою всіх цих років було навмисно не помічати того. І тепер, під страхом смертної кари, не дай Боже сказати, що «єдина країна» – це лозунг на карті та що ми такі різні, що іноді лише карта й робить нас чимось одним. Та це недолік тільки тоді, коли ми того боїмося. Понад те, цей страх – товар, який уже багато часу нам з успіхом «штовхають» державні мужі.

Тому наприкінці я хочу сказати: чому б нам не перепросити одне в одного без усілякої рефлексії «за що», «чому», «хто винен» і т. ін.? Чому б не забути, що є «западенці», «донецькі», і не почати жити по-новому не на білбордах з усміхненим паперовим обличчям, а в справді єдиній країні, де люди такі різні, що спромоглися з цього зробити одне? Тож хочу почати із себе й перепросити в усіх тих, хто ще має честь називати себе українцем, бо в мене є мрія, хоч я і не Кінг: приїхати до такої столиці, де слово «Макіївка» вже нічого не значить чи значить не більше, ніж «Львів» чи «Франківськ».

«УКРАЇНСЬКИЙ ТИЖДЕНЬ»

11 жовтня 2015

НЕСВЯЩЕННА ВІЙНА

Усім нам відомі рядки з однієї пісні часів Другої світової: «Идёт война народная, священная война». Незважаючи на тотальну десакралізацію, властиву всім сферам радянського суспільства, війна з нацистською Німеччиною подавалася саме у вигляді священної, де не може бути ніяких компромісів, про що говорили й інші рядки з тієї самої пісні.

Сьогоднішні війни прийнято вважати гібридними: ніхто нікому їх не оголошує, ніхто не вводить збройні сили на територію іншої держави в повному обсязі, ставлячи собі за мету повне її знищення. А втім, тривають вони куди довше, ніж такі глобальні конфлікти, як дві світові війни. Прийнято думати, що логіка таких конфліктів ґрунтується насамперед на економічних міркуваннях і лише потім на ідеологічних та ідейних, а тому сама війна триває до зникнення фінансового інтересу.

Відтоді як ситуація на Донбасі з теорії про «руській мір» переросла в практику його втілення з тисячами жертв і десятками зруйнованих міст, не припиняються спроби знайти дипломатичний вихід із того майже патового становища, у яке загнали себе обидві сторони конфлікту. Але дипломатична мова, якою спілкуються європейські лідери з господарем Кремля, принесла свої перші плоди лише через майже вісім місяців після численних спроб нормалізувати ситуацію, навіть

на сьогоднішній день радше заморозивши її, ніж остаточно вирішивши.

Відколи ідея «русского міра» і «великої» Росії стала набирати обертів в особі її основного виразника, стає дедалі очевиднішою та прірва, яка відділяє сучасну цивілізовану Європу від людини, чиї амбіції заледве потрапляють під логіку простого фінансового збагачення або територіального інтересу. Цілком зрозуміло, що російська політична й ментальна дійсність набуває рис того самого фашизму, в якому ось уже котрий місяць звинувачують українську армію та її керівництво. Ідея щодо особливої історичної місії російського народу, протиставлення його культури і духовного середовища всьому західному, європейському, що втілюється в понятті «великої» Росії, неприйняття цілої низки міжнародних норм і правил, котре перекреслює або як мінімум ставить під сумнів систему світової колективної безпеки через анексію та окупацію цілої низки територій, – усе це свідчить про те, що концентрований інтерес Кремля полягає аж ніяк не в уникненні санкцій, не в порятунку вітчизняної економіки і не в турботі про російських військових, що гинуть на Донбасі.

Йдеться про щось принципово інше, що дає змогу Путіну й далі вести свою спустошливу зовнішню політику, не переймаючись якимись особистими фінансовими інтересами чи тиском на нього зовнішніх сил.

Навіть поверхові підрахунки свідчать про те, що постійне фінансування величезної армії бойовиків, витрати на соціальні виплати «республік», які далеко не покриваються місцевим оподаткуванням, і взагалі один день присутності Росії на території Донбасу обходяться їй куди дорожче, ніж будь-який фінансовий інтерес, можливий у цьому регіоні.

На сьогодні вся пропагандистська машина РФ, зокрема й та, що працює через місцеві телеканали Донбасу, втовкмачує російському народу та місцевим мешканцям абсолютно далеку від бодай якогось прагматизму ідею. Нацизм, фашизм і незаконність української влади під загальним соусом «хунта» – лише видимі маркери, якими фіксується зовнішня агресія й окреслюється

обличчя ворога. Основна ж ідея полягає в тому, що російський народ у широкому сенсі цього слова, який об'єднується ланцюгами «русского міра», має особливу історичну цінність на протигагу всьому «загниваючому» західному суспільству, яке роз'їдають ідеї сексуальних свобод, порочної споживацької економіки та спотворених релігійних ідеалів. І саме тому війну на Донбасі місцеві ідеологи, що працюють за канонами Москви, подають саме як черговий священний бій.

Уявлення про РФ як про велику державу, у якої є такий сильний і розумний захисник, як Путін, не покидає уми росіян навіть на самому низу, де співвідношення пенсій і цін лиш трохи краще, ніж у самій Україні. Фактично Путіну через величезний масив російської пропаганди вдалося створити штучну медійну мову, якою говорять трохи не 140 млн осіб, втовкмачити масам думку, яку, хоча й з іншим відтінком, культивували ще творці Третього Рейху: «ми – вони», «друг – ворог», «росіяни – решта».

Але чи варто нам бути такими самими недалекоглядними, щоб не помічати цього й на дипломатичному фронті, коли титанічні зусилля німецької та французької сторін розбиваються об цинічну посмішку людини, яка, можливо, єдина усвідомлює, що сьогоднішні невеликі поступки в питанні Донбасу не скасовують того факту, що діалог ведеться абсолютно різними для сторін мовами?

«СОВОК»: ПЕРИОД ПОЛУРАСПАДА

«Сколько ещё нам тянуть на себе этот Донбасс?» – Вопрос, частота постановки которого растёт пропорционально длящейся на Донбассе войне.

И если раньше он был сродни головной боли, которую не замечаешь от шока, когда она усугублена открытым ранением, то теперь, с активным вхождением в фазу затишья и условного перемирия, общественное сознание, особенно его рациональная часть, всё чаще требуют ответа на этот вопрос.

Ведь Донбасс – это ежедневные траты бюджета, неопределённость европейского будущего Украины, потенциальные гробы и смерти в будущих возможных боях.

Но самое главное – это неопределённость, особенно в отношении тех, кто всё ещё носит в кармане украинский паспорт, но умом и душой – за серп и молот, и красную звезду.

Трудно спорить, что главное сосредоточие того, что принято называть пренебрежительным словом «совок», сконцентрировано именно на Донбассе.

Это тысячи сепаратистов с идеями коммунизма и советской империи, комсомолы, массово возрождающиеся на оккупированной территории, сотни людей с советскими флагами, готовых умереть прямо у памятника Ленину на одноимённой площади в Донецке, лишь бы тот остался стоять.

Улицы Артёма, красноармейцев, 50-летия СССР, 40 лет Октября и XX Съезда. Да и сама «Коммунистическая партия ДНР», которая здесь вполне серьёзная сила...

И всё это на небольшом клочке украинской земли, спустя двадцать с лишним лет после того, как огромная «империя зла», казалось бы, окончательно канула в Лету. – Или нет?

Сегодняшняя война на Донбассе – это, безусловно, и война с прошлым. Какими бы ни были планы Кремля, без массовой поддержки населения на первых порах сепаратизм был бы просто невозможен.

Трудно себе представить, чтобы некто вроде Губарева влез на центральную площадь во Львове и сорвал бурю оваций при упоминании имён Сталина, Ленина или Путина.

А в марте 2014-го это не были только лишь старики и пенсионеры, как это часто принято себе представлять: здесь были и люди в возрасте 40-60 лет, прожившие весомую часть сознательной жизни уже в Украине.

Так в чём же дело? И что в действительности означает этот термин «совок», тянущий сегодня на дно украинское общество, накрывая его с юго-востока?

Наверное, лучшим примером, иллюстрирующим весь механизм реакции на слова «Сталин» и «Путин» и объясняющим эйфорию от красных флажков, будет всё тот же пресловутый памятник Ильичу, который со времён февраля 2014-го некоторые из дончан так рьяно охраняли от сноса.

Всё дело в том, что когда в Донецке говорят о Ленине, – не говорят об Ульянове.

Даже небольшой социологический опрос на донецких улицах покажет, что большинство дончан знают о фигуре Ульянова не больше, чем большинство украинцев о Степане Бандере, ограничиваясь на 90 процентов медийными стереотипами, наполняя оставшиеся 10 школьными знаниями.

Что уж говорить о личностях Артёма или Бакинских комиссаров, чьё название носят улицы города?

Ленин, гордо возвышающийся на главной площади Донецка, а сейчас — особо эффектно подсвеченный по указу местных «республиканских вождей», — это вовсе не Ульянов, основатель первых в России концентрационных лагерей и председатель Совнаркома, тиран, виновный в гибели сотен тысяч людей.

Нет. — Это мороженое «Каштан» по 28 копеек и тёплая майская демонстрация с отцом в 79-ом году.

Иными словами, глубоко интимное личное прошлое, совершенно не связанное с исторической памятью или рефлексией к гражданской войне.

Но именно в этом и кроется та глубинная связь, которая сегодня так эффективно работает на «республиканскую» пропаганду.

Идеи — продукт с ограниченным сроком годности, их меняют легко. У изотопов, как известно, есть период полураспада. Нечто похожее есть и у всех грандиозных идей.

И если бы речь шла только лишь о пропаганде социализма или демократии с российским лицом, — это бы могло не сработать.

Но намного сложнее отказаться от весомой части личного прошлого, чьё каменное олицетворение в кепке разбивают большим молотком.

Но «совок» не ограничивается исключительно психологическими ориентирами, которые опасны лишь тогда, когда неосознанны.

В идейном плане он означает и ориентацию на «светлое будущее», которое тем светлее, чем меньше усилий требует его достижение. И в этом отношении Украина наконец-то едина.

Всё дело в том, что Советский Союз передал «великой России» на хранение две национальные идеи: «Москва — третий Рим» и «свалить».

И если первая, в силу отсутствия таковой географической точки, нам не грозит, то всё чаще складывается впечатление, что членство Украины в ЕС — это «one way ticket» для большинства украинцев.

И странно ли думать, что и советский человек, озираясь вокруг обиженным взглядом, всегда видел Запад сквозь

прозрачный кристалл: все враги в соседней квартире, а «там» их не будет, просто не может быть с такими парижскими набережными.

Онтология строителя «красного будущего» тут же менялась на уже готовый объект, давно сданный в эксплуатацию.

И тогда возникает вопрос: а далеко ли ушла в таком свете «цивилизованная» часть украинского общества от ностальгирующих по «совку» донбасских «дикарей»?

Едва ли.

Да, чем западнее от Донбасса, — тем менее велика вероятность встретить человека, рыдающего при демонтаже памятника Ильичу.

Но если для жителей Донецка рай жидется в прошлом — с дешёвой колбасой и почти бесплатным проездом, — то киевляне ждут его в будущем, превращая мечту о Европе почти в национальный невроз.

Европа с её чистыми улицами и хорошей страховкой стала настолько желанной, что «европейське майбутнє» уже приобрело очертания нимба, поменяв серп и молот на окружность из звёзд.

К сожалению, мы всё ещё далеки от понимания, что Евросоюз с его относительно честным правосудием, высоким уровнем жизни и уважением к гражданским правам — это клуб первых среди равных, а вовсе не бесконечный кредит помощи умирающим.

Мы так стремимся влететь в его двери, что забываем, что в Швецию не приходила Дания, а в Чехию — Германия, и что все эти страны имеют еврочленство как следствие высокоразвитой экономики, уважения к правам человека и так далее.

Пока же украинский политикум будут наполнять бизнес-менеджеры с «распальцовкой» из 90-тых годов, раз в пять лет лишь меняя окрас, а национальной мечтой будет безвизовый перелёт Киев-Берлин (и желательно в один конец), — ментальный «совок» с его «всё и сразу» будет неистребим.

И на Западе, и на Востоке страны. Подменяя миф о грядущем счастливом коммунистическом будущем мифом об Эдеме где-то на Елисейских Полях.

НЕПРИМИРЕННІ СУПЕРЕЧНОСТІ

За минулі півтора року війна на Донбасі поставала в безлічі ракурсів. Експерти й політологи навперобій пропонували свої погляди на вирішення проблеми й причини її виникнення.

Лейтмотивом того, що відбувається, прийнято вважати геополітичний вектор: конфлікт трактують як зіткнення закостенілої російської дійсності, якій притаманне принципове неприйняття Заходу, з європейськими порухами України, що стали тепер неможливими через окупований Крим та незагойну криваву рану в містах зони АТО. Інакше кажучи, у вигляді анексованого півострова Москва отримала серйозний плацдарм для розгортання військової потужності в чорноморському регіоні, тоді як на Донбас був накинутий довгостроковий короткий повідок, що оживлятиме всілякі котли або «мар'їнки» в разі найменшого зближення України з ЄС.

Однак у самій «ДНР» мало хто мислить про те, що відбувається, саме категоріями геополітики, зводячи основні претензії на адресу української сторони до кількох заявлених інформаційних тез, котрі, втім, не втратили актуальності й нині. Прикметно, що попервах, коли конфлікт іще не набув таких колосальних масштабів, між Донецьком і Києвом кілька разів намагалися встановити телемости, де звичайні жителі двох міст могли б поговорити безпосередньо, без медійного спотворення

та інформаційних шаблонів. Проте спроба знайти спільний знаменник завжди закінчувалася тим самим: не минуло й 10 хв, як і ті, й ті починали кричати. Але впродовж цього куцого відтинку часу все-таки можна було почути кілька основних тез – настільки дзеркальних, що справді не знаходилося жодних раціональних аргументів для їх обговорення.

Теза 1: Майдан був антиконституційним переворотом, у результаті якого влада дісталася «хунті» – політичній групі людей, що взяла її революційним військовим способом. Жодної із трьох умов зміни президента (імпічмент, смерть, відставка) не було, а отже, починаючи від Турчинова, уся київська влада незаконна.

Парадокс цієї позиції полягає в тому, що навіть у березні 2014-го в Донецьку, зокрема й на тодішньому мітингу, навряд чи можна було налічити два десятки людей, які справді вимагали б повернення Януковича: у більшості останній викликав не меншу огиду, ніж сам Турчинов, і главою держави його вже майже ніхто не вважав. Іще дужче поглибилася суперечність із плином часу: коли фізично завершився термін повноважень президента-втікача, у прихильників цієї логіки раптом не виявилось жодної відповіді, хто ж тепер, на їхню думку, легітимний керівник України. Тоді мені доводилося чути геть абсурдні відповіді на це запитання: починаючи від «ніхто» й закінчуючи «та хоч би і я!».

Українська позиція була цілком протилежною: навесні 2014-го в низці міст Донбасу стався державний переворот, до влади, незаконно її захопивши, прийшла група військових (читай: та ж таки «хунта»), і вся «республіканська» влада незаконна.

Теза 2: Майдан – цілком організована Штатами акція, у якій брали участь або проплачені активісти, або люди, обдурені західною пропагандою (до останніх у Донецьку традиційно зараховують Небесну сотню).

Фраза «Донбас працює» може, либонь, непогано проілюструвати цю думку, адже в поїздах і автобусах гопників, які виїжджали з Донецька на підтримку Януковича, насправді не налічувалося й одного відсотка щиро зацікавлених у тому, щоб теліпатися

до столиці. Більшість донеччан дивилися з обуренням на події лише зі власних крісел після робочих змін. Цілковита апатичність і невіра в реалізацію висунутих у Києві гасел – ось що визначало тоді справжнє ставлення жителів регіону до Майдану.

Українська позиція і тут зворотна: події навесні 2014-го в Донецьку – цілком організована Москвою акція, яка зібрала здебільшого добре оплачених та завезених із РФ людей або місцевих, ошуканих російською пропагандою.

Теза 3: усі смерті й руйнування на Донбасі цілком на совісті ЗСУ та українського керівництва.

Ця, мабуть, найболючіша й найбільш непримиренна тема водночас є і найбільш ідейно заангажованою. У кожную смерть і згорілий будинок Донецька чи інших міст тут-таки вливався цілий коктейль пропаганди, щоб подати подію – залежно від забарвлення телеканалу – в потрібному світлі. Далека від будь-якої теоретизації, ця теза й нині стоїть просто непрохідним муром між тими, хто поховав своїх близьких під час війни, – мешканцями як Житомира, так і Горлівки чи Донецька: «аргумент смерті» змушує ігнорувати голос розуму й почувати лише ненависть до своїх опонентів.

Зрозуміло, противники «республіки» й тут притримуються протилежного: всі смерті й руйнування на Донбасі виключно вина «ополчення» й тих, хто його підтримав.

Отакий-от вигляд має сьогодні той пласт, який прийнято називати «конфліктом на Донбасі», якщо його перевести у вербальну площину, відкинувши міномети й «Гради».

«УКРАЇНСЬКИЙ ТИЖДЕНЬ»

13 грудня 2015

КІЛЬКА КАЗОК ПРО КРАЇНУ «ДНР»

Якщо говорити про стереотипи стосовно «ДНР» у мисленні моїх співгромадян, то мова буде передусім про людей, які дістають інформацію про окуповані землі з кривого дзеркала ЗМІ й ніколи не були ані в Донецьку, ані в інших нині «республіканських» містах після їх загарбання. Хоча деякі моменти стосуються й тих, хто встиг пізнати трохи специфіки «новоросійського» способу життя й досі переконаний, що від літа 2014го так нічого й не змінилося.

Перший міф умовно назвімо «вони». Його носії зазвичай апелюють до думки, що є певний загальний масив людей, об'єднаних прагненням розвалити Україну, і що він зосереджений у самій «ДНР». Так от, жодних «вони» не існує. Насправді є:

1. Люди, які стоять на сепаратистських постах, бо їм видають зарплату, вони не ризикують життям і отримують бонус від величезного потоку машин.

2. Ті, хто втекли або звільнились із лав «ополчення» і повернулися на звичне маргінальне місце, захопившись алкоголем і наркотиками.

3. Украй малий прошарок «ідейних», які починали ще зі Стрелковим у Слов'янську й досі вірять у «країну від Одеси до Харкова». Ще одна їхня важлива риса – нездатність займатися

нічим, окрім війни. Це і тримає їх досі в казармах за цілковитого невдоволення тим, що діється нині.

4. І, нарешті, абсолютно цинічне й прагматичне керівництво, якому чхати на всіх перелічених вище і яке «віджало» все, що тільки можна, підігнало під себе всі бізнес-потоки і стовідсотково виконує вказівки Москви. Йдеться не тільки про Захарченка та його найближче оточення. Говорити варто про такий собі середній прошарок, зацікавлений у війні не більше, ніж звичайний житель Бердичева, бо ж основні преференції у вигляді вкрадених вілл та чужих іномарок вона їм уже принесла. І її глобальне продовження тільки зайвий раз піддало б цих осіб невиправданим ризикам.

Звісно, я не сказав про загальну масу «ополчення» – переважно традиційних найманих робітників, що виявляють ініціативи не більше, ніж будівельники під час спорудження житла. Абияк перебиваючись від зарплати до зарплати, ці люди пішли на контрактну службу. Більшість із них кажуть відверто, що їм начхати на Одесу та Харків, а мислення багатьох не сягає і берегів Маріуполя.

Другий стереотип щодо «республіканських» земель: «там нікого вже не залишилося». Тобто людей із українськими патріотичними поглядами, які нібито стовідсотково покинули свої міста. Таке чути особливо прикро й боляче з двох причин: по-перше, бо це не так, а по-друге – бо часто цю думку озвучують журналісти, які справді виїхали колись із Донецька. У відсотковому вираженні, думаю, можна говорити як мінімум про лояльну до української влади чверть «залишенців». А через останні «проколи республіки» з виборами й газом незадоволених саме «ДНР» помітно додалося навіть порівняно з літом цього року.

Часто цей стереотип переходить тут-таки в наступний: якщо вже «нікого не залишилося», то варто обірвати геть усі зв'язки з «республікою», а відтак продовольчий, енергетичний і транспортний колапс нібито забезпечить перемогу у війні й «вони самі попросяться назад». Не попросяться. «ДНР» на 99% перейшла на ринок Росії, звідки в Донецьк завозяться не тільки необхідні

товари, а й лосось, кальмари, креветки, ікра, дороге шампанське, вина. Те саме з непродовольчою сферою, хоча ціни справді дуже б'ють по гаманцю. Приблизно ті самі процеси переорієнтації на постачальника з РФ відбуваються нині й у паливному секторі, а кожен охочий може без проблем потрапити в Україну через Росію.

Ще одне питання – безпека. Багато хто на «великій землі» вважає, що в Донецьку настали 1930-ті роки й людей мало не хапають просто на вулицях, щоб запроторити в каземати. Частка правди в цьому є, але тільки в тому сенсі, що в «ДНР» де-факто відсутня будь-яка юридична система й рівень вашої правоти у спірних питаннях вимірюється наявністю чи відсутністю на грудях автомата. Вас можуть затримати за підозрілий погляд у бік «комендантів», замкнути в підвалі через підозру в шпигунстві, а явні прояви українського (прапор, кольори національної символіки тощо) тут-таки зазнають переслідування. Але всім донеччанам про це чудово відомо, тож синьо-жовтих знамен ви тут не знайдете, біля будівель «МГБ» й «комендатури» побачите хіба що поодиноких перехожих, а в спілкуванні (навіть із друзями) відчуєте незвичну стриманість і прохолоду, зумовлені взаємною недовірою і страхом, що здадуть.

Нарешті, кілька слів про сам Донецьк: якщо з'єднати прямою лінією «Південний», залізничний вокзал і «Мотель», отримаємо вичищений і виметений до блиску трикутник, де працюють кафе, театри, торгові мережі й кілька ресторанів та нічних клубів. Далі звичайне місто, яким Донецьк був і до цієї війни. Що ближче до околиць, то частіше трапляються розбиті траси й понівечені обстрілами будинки. І лише вкраплення на кшталт Жовтневого, де життя практично немає.

У «республіканському» Донецьку в рази поменшало людей. Тут почуваєшся в постійному напруженні через кулеметну стрілянину, подеколи лунають вибухи. Правової системи та гарантій безпеки – жодних. Але стверджувати, що місто перетворилося на Сталінград чи сумновідому для нас Прип'ять, – означає Донецька просто не знати.

ДОНБАСС: 700 ДНЕЙ ОДИНОЧЕСТВА

1 февраля исполнилось 700 дней с момента дебютного сепаратистского митинга, состоявшегося на площади Ленина в Донецке в марте 2014-го.

Тогда еще мало кто знал, что унылые речи бледноватого славянофила П.Губарева, флаги военно-морского флота СССР, слезы при виде икон с образом Сталина, российские триколоры и люди в тельняшках сольются в один патриотичный поток «русского мира» и установят границу разумного по нынешней демаркационной линии и блокпостам. Впрочем, «знание – сила» – это не о здешних степях. Спустя почти два года патриотического слюноотделения на российские флаги и неистовых заклинаний с призывом к президенту РФ «прийти» – пришествия так и не произошло. Но не стало меньше и патриотичной слюны. Жизнь Донбасса по-прежнему напоминает собой крики «Путин, приди!» с той лишь разницей, что теперь их произносят потише, эдаким шепотом, исподлобья бросая обидчивый взгляд в сторону старика Ильича.

Казалось бы: два года сумасшедшей инфляции, непрерывного дефицита и обстрелов, грабительского курса и цен, репрессий, голодных зим и тщетных слез на груди у кавказцев, которым еще недавно дарились букеты цветов, могут убедить даже самых ярких сторонников «русских идей», что национальное величие России скверно сказывается на здоровье тех, кто мечтает о нем по ночам. Но «непокоренный Донбасс» по-прежнему пестрит

георгиевскими лентами в донецких маршрутках, книгами «Факел» в городских ресторанах, мечтами о «своих паспортах» и, уж как совсем вершина надежды, – о вхождении в «родную Россию», которая бы избавила от известных трех букв – «ДНР».

Эволюция политических предпочтений тех, кто обычно предпочитал ничего не желать, действительно налицо: если март 2014-го был пронизан гневом на «жидовских фашистов», гордостью от «молодого государства» и ощущением русского паспорта в кармане собственных брюк, то в 2016-й «республиканское» население вступило с известной интенцией «лишь бы не было войны». Впрочем, этот ментальный маркер на самом деле не столь наивен, как может показаться на первый взгляд: куда легче разбиваются мифы о славянском величии, чем индифферентность в отношении любой из сторон. По большому счету, безразличие и апатия, политическая аморфность и метафизический прагматизм заключены в национальном характере местного населения, которое лишь в силу колоссальной профессиональной работы российской пропаганды смогло преодолеть абсолютный ноль в сторону трехцветной окраски. Но на сегодняшний день маятник снова качнулся к нулю.

Правда, в Донбассе ноль – это всегда «только не с Украиной». Местное население может быть сколь угодно разочарованным на собственной кухне цинизмом Захарченко, наутро мимикрируя в «республиканский» окрас, но недовольство «ДНР» еще не гарантирует любви к Украине. Два года профессиональной круглосуточной пропаганды, сперва формирующей ряды «ополчения» под «Прощание славянки», а затем зарывающей людей под Шопена, заставляют все чаще слышать от тех, кто потерял на Донбассе родных, – «я уже не прощу». Умножьте количество вырытых под Донецком безымянных могил на 2–3 человека – и вы получите реальный ответ на вопрос, сколько людей в каждой семье Донецка, Тореза, Харцызска станут обвинять Украину, если война вновь полыхнет в Донбассе. Впрочем, не стоит тянуть: даже короткий диалог со вдовами «ополченцев» уже давно демонстрирует только одно: «Мой муж погиб, защищая семью и детей». Лишь в редких случаях можно услышать мысль, что «лучше бы и не начинали».

Проблема заключается в том, что социальный срез тех, кто на первых порах влился в т.н. «ополчение» и смог остаться живым спустя эти два года, совпадает с основным социальным составом Донбасса, а именно: рабоче-маргинальной средой. Люди, без преувеличения чувствовавшие себя 23 года бесправными нищими, кочуя от шахты к заводу с зарплатой, хватавшей на то, чтобы забыть о завтрашнем дне, на первых порах совершенно справедливо не почувствовали никакой разницы с приходом «русского мира», предлагавшего им вместе с уже привычными водкой с пельменями вещь, которая не просвечивалась сквозь толщу украинских национальных идей, – надежду. Надежду на то, что отныне все будет иначе, и есть шанс все изменить. Попутно заметим, что для многих вчерашних слесарей, нынешних авторитетных воров или же бывших «сидельцев» действительно все изменилось – и часть из них сегодня благополучно разъезжает по Донецку на джипах или живет в «национализированных» прокурорских усадьбах, сумев вовремя сориентироваться в столь разнородных ветрах «русской весны». Но большинство так и осталось на краю этой пропасти, перекочевав из сепаратистских постов в 2014-м в горячие точки в 2015-м и местные травматологии уже в новом, 2016-м году.

Эта экзистенциальная линия поразительным образом характеризует и кардиограмму идейных основ, имевших место здесь, в Донбассе. Первоначальная волна «имперцев», ратовавших за большую «Новороссию» от Одессы до Харькова во главе со Стрелковым, сменилась расчетливым и прагматичным руководством, центральной фигурой которого стал А.Захарченко. А обросшие легендами о «новых богатырях» отряды Стрелкова чрезвычайно быстро сменились всевозможными ЧВК и людьми без имен, вроде пресловутой «группы Вагнера», «МАР», «E.N.O.T.» и Moran Security Group. В дальнейшем осколки бывших идейных «солдат удачи» будут находить то подорванными в собственном автомобиле, то с пулей просто в центре Донецка, а то и вовсе ликвидированными целыми ротами, как это было в случае с нашумевшей в СМИ «Троей».

К слову сказать, шумно было только в украинских СМИ: невероятный по своим масштабам инцидент с зачисткой более сотни людей в самой «ДНР» не нашел ни единого выхода на местные телеканалы, равно как не был отражен и в печатных «республиканских» СМИ. Единственным внятным описанием произошедшего стало обращение представителя ОД «Донецкая республика» Е.Шабаева к А.Захарченко, в котором тот требовал от «главы ДНР» хоть каких-либо объяснений «озеряновской бойни». Как оказалось, около сотни человек личного состава исчезли самым предсказуемым образом, в лучших традициях местных степей – в мешках. В обычных черных мешках, в которые русские патриоты опустили 92 таких же патриотических тела и вывезли двумя грузовиками в неизвестном направлении, если верить все тому же Шабаеву. А не верить ему причин практически нет: едва был составлен пресловутый запрос на имя Захарченко, как официальный представитель ОД «Донецкая республика» в Российской Федерации перестал быть официальным и отправлен на почетный покой с перспективой пополнить ряды убиенных.

Примерно ту же ситуацию сегодня наблюдают и «Призрак», и целый ряд других подразделений «ЛНР»–»ДНР», членов которых массово сокращают и отправляют в бессрочные отпуска. Ситуация с финансированием крупнейших военных структур также оставляет желать лучшего: с 360 долл. в 2014-м и 240 долл. в 2015-м для рядового состава сейчас эта цифра опустилась до диапазона 7–15 тыс. руб., в зависимости от подразделений и характера выполняемых задач. Иными словами, идейный пласт «Новороссии» вполне успешно снят предприимчивыми сторонниками «особых районов», окончательно спутавших сознание местных между идеей «республики», части России и широкой автономии в составе «соседнего государства» – как на последней пресс-конференции определил Украину сам «глава «ДНР».

Надо сказать, что подобное маневрирование высшего руководства «республики» между легким подмигиванием Киеву и грозным утверждением о независимости «ДНР», отсутствие каких-либо публичных стратегических планов, секторальное

распределение бизнеса между высшей военной номенклатурой и, наконец, безапелляционная расправа со всеми несогласными – серьезно подмочили образ Захарченко, воспринимавшегося в начале своего пути как человек, крепкой рукой прижимающий к своей груди народ Донбасса в виде несчастной старушки, как его образ представлен на многочисленных пропагандистских плакатах в Донецке. Эта же тень упала и на всех преданных лидеру известных в Донецке боевиков, в особенности на подразделение «Сомали» и его печально известного лидера Гиви, не просто не поддержавшего «Трою» в момент ее ликвидации, но и открыто заявившего о сомнительности героизма и заслуг этих людей.

Разумеется, все это вызывает естественные нотки оптимизма в национальных мечтах. А между тем, все не так уж оптимистично. Мысль о том, что Россия в течение нескольких месяцев едва ли не распадется от обвалившейся нефти или уж точно забудет о своих сателлитах, подтолкнув их через минские двери к украинским ногам, может в очередной раз обойтись слишком дорого нашей стране, чей политикум, похоже, так до сих пор и не осознал главный посыл этой войны. А именно: конфликт в Донбассе – это вовсе не бюджетный расчет и не результат калькуляторной прибыли, когда убытки от содержания армии превосходят прибыль от порезанных на металл заводов и вывезенного в Россию угля, попутно приводя к мысли хозяев Кремля о прекращении войны в Донбассе.

Даже поверхностные экономические подсчеты показывают, что неделя российского присутствия в т.н. «республиках» не идет ни в какое сравнение с той микроскопической прибылью, которую «местные органы власти» еще умудряются выжимать в качестве налогов и других, менее благородных сборов из оставшегося в оккупации бизнеса. Другими словами, речь идет о долгосрочном, хорошо продуманном метафизическом проекте, чей корень лежит вовсе не в экономической целесообразности держать в Донецке Моторолу и Гиви и выплачивать мизерные пенсии «республиканским» пенсионерам. Укрепление жесткой вертикали военной диктатуры, активная пропаганда и наращивание собственных

информационных ресурсов, формирование «академий внутренних дел» с подготовкой еще вчера украинских студентов, агитация в школах и на «государственных» предприятиях, углубление экономических связей с Россией – все это говорит о том, что в течение следующих двух-трех месяцев вырисуется портрет целого года, и главный и единственный игрок в этой войне – Кремль – снова будет задавать тон ходу истории, под который мы в очередной раз будем лишь неумело подстраиваться, реагируя на инициативы Москвы.

Не стоит обольщаться и с растоптанным имиджем господина Захарченко. Как показывает практика, ментальность Донбасса демонстрирует удивительные пируэты между поясными поклонами и полным безразличием к тому, кто сброшен более сильной рукой. После ухода из Донецка Стрелкова, успешного за несколько месяцев стать здесь буквально легендой, многие, включая военных, испытывали нескрываемый шок и считали, что Донбасс снова «сливают». Но если Стрелков ушел по-английски, – то Захарченко с таким же английским акцентом пришел на его место, ровным счетом ничего не поясняя о том, кто он такой и куда же делась «легенда». «Кушать подано» – местные съели. Ровно это же и произойдет в случае, если в Москве примут решение заменить Захарченко на кого-то не столь молчаливого: «Донбасс работает», и задавать лишние вопросы здесь не принято.

К тому же не стоит сбрасывать со счетов и то, что можно назвать фактором «Х» в Донбассе. Все дело в том, что мнение, будто «ДНР» и «ЛНР» полностью подконтрольны Кремлю, не вполне верно. Разумеется, Мозговой, «Троя», «Одесса», а также целый ряд «казачьих» подразделений, с которыми еще недавно приходилось «решать вопрос», это в некотором роде отклонения в заранее заданном алгоритме движений. Но дело даже не в них.

Ликвидационные моменты в работе с «местным персоналом» всегда были неотъемлемой частью «молодых государств» еще со времен Гиркина и его путешествия из Славянска в Донецк, где на одной из баз его уже поджидали боевики Ходаковского, готовые дать залп по «своим». В самой среде «ополчения» это называют

«рабочими моментами» — правда, лишь те, кто в итоге не оказывается в черных мешках. Но важнее другое. Зачистка неугодных подразделений — вовсе не часть сложных планов Кремля. Процветающая еще со времен Иловайского котла торговля оружием, часть которого, по некоторым данным, идет на Кавказ, а также «фильтр» поставляемых из России товаров в зависимости от размера «таможенных пошлин», заплаченных первым лицам «республики», требуют должного уровня военной поддержки в среде, где любой конкурент имеет свой батальон за спиной. А в «ДНР» конкурента сейчас только два: Ходаковский с Захарченко. И когда появляются те, кто вспоминает о «святой Новороссии» и планах «очистить Донбасс», — появляется и прекрасный повод лишний раз ослабить «партнера» по «русскому миру», попутно скрыв от «московских» «концы». Не случайно в расположении «Трои» проводили обыск именно люди Ходаковского, в реальности осуществляя разведку перед предстоявшим штурмом, несмотря на то, что однажды Захарченко уже попытался его предотвратить.

Другими словами, речь идет о все тех же банальных ОПГ, масштабы которых разрослись в государство на фоне общей идейной платформы, идущей из Кремля. И в этой связи тактика местных «князьков» вполне может оказаться более прочной в сравнении с общей стратегией, даже если та даст коренной сдвиг в сторону минских бумаг.

Что касается последних, то здесь наконец-то можно констатировать полное согласие всех участников «театра абсурда»: ни идейные «республиканцы», ни немногочисленное проукраинское население, ни «ополчение», ни даже высшее руководство, лишь на словах поддерживающее «минский формат», не верят в реализацию тех положений, даже первые пункты которых о полном прекращении огня до сих пор так и не удается выполнить. Более того, в самом Донецке уже активным ходом идет подготовка к местным, разумеется, «республиканским» выборам с уже готовыми конкурентами на пост «мэра» Донецка и распределенными квотами в зависимости от того, кто возьмет основной приз. Стоит ли говорить, что украинское законодательство и отечественные

политические силы не будут иметь к данному процессу никакого отношения, по-видимому, в очередной раз сотрясая головами в сторону вероломных террористов, нарушивших «минский формат»?

Справедливости ради к этому процессу едва ли будет иметь отношение и само местное население: не только по причине фактического тоталитаризма, установившегося в «свободной стране». Большинство из дончан вполне уже сыты предыдущим избирательным опытом, когда весь город был обклеен рекламой о наступившем моменте взять будущее в свои руки и отдать свой голос за «счастливый Донбасс», пока не выяснилось, что выборы отменены. Отменены молча, без объяснений, как это любят творцы «ДНР».

За кулисами геополитики остается лишь мелочь: бездомные старики, в последнее время снова заполонившие магазины Донецка; дончане, все еще считающие себя украинцами, по-прежнему веря, что жить в родном городе — это не стыдно; люди, неспособные выехать в силу различных причин, и вообще те, кто уже два года как выброшен на отмель истории под поражающую своей беспросветностью уверенность на «большой земле», что именно этого здесь все и хотели...

В 1967-м увидел свет роман колумбийского писателя Гарсия Маркеса «Сто лет одиночества». Каждый из его героев, как бы он ни поступал, в конечном итоге оказывался в кругу одиночества, в котором и проводил всю свою жизнь. 700 дней назад Донбасс собственноручно начал чертить этот круг, но завершают его явно снаружи.

ЩО ДАЛІ?

Відокремлення Донбасу-«годувальника» не призвело до руйнування України: як виявилось, старенька якось справляється й без нас; бізнес великих східних олігархів як був, так і є, навіть при «ДНР»; для політичних еліт окупація – чудовий козир, яким завжди можна збивати сльозу в тих, хто ще вірить хоча б у щось; біженці за майже два роки вже почали нове життя, обжившись в інших містах, а в багатьох у «ДНР» просто фізично нічого не лишилося; більшість українців цілком справедливо переживають, радше, про своїх близьких в окопах, ніж про український прапор над цією «ватною» Макіївкою.

Так, є там ще якісь андрееви, іванови, васіни та інші динозаври дотрикопної епохи, що перетворилися, швидше, на музейний експонат, на який дивишся й не розумієш, що ж автор хотів сказати. Але ми про них пам'ятаємо, так само як і про Крим. Можна навіть на знак пам'яті чергову блокадку влаштувати, мовляв, усе заради вас, патріотів, коли-небудь, але таки повернемо своє. Проте на ділі – лише спізнала й рідко коли ефективна реакція на справді продумані кроки Кремля.

У певному сенсі ми стали заручниками навіть тієї убогої – на тлі російської – пропаганди, на яку все ж спромоглася національна думка: цілодобове мовлення про «перемоги» й про

те, що «все буде добре», затьмарює критичність в оцінці реального стану справ. А стан справ такий: перспектива повернути Крим відкладається до смерті самого Путіна, що робить усі ці блокади стрілянням по поїзду з рогатки; повернення Донбасу лише військовим кидком неможливе без цілковитого перетворення всіх окупованих міст на пустелі та Нагасакі; мінські домовленості не мають жодних перспектив підняти жовто-блакитний над Донецькою ОДА; «республіканські» держструктури й пропаганда дедалі глибше пускають тут коріння, сформувавши в місцевих умовний рефлекс вдячності навіть у період тотального дефіциту, блокад і космічних цін на їжу. При цьому російська пропаганда, що «облажалася» по повній із розіп'ятим хлопчиком, анітрохи від цього не втратила, і невеликі хрести з немовлятами й у майбутньому тишитимуть око невібагливих прибічників російських ідей. А останніх підростає ціле покоління, адже, поки доблесний Київ обіцяє 84-й раз за останні два роки запустити телевізійне мовлення на окупованих територіях, там уже підростають захаровці, комсомольці та юні члени бригади «Призрак», що вміло складають віршики дяді Льоші, він же Олексій Мозговий. І чи варто дивуватися, коли років через п'ять це «бідне дитя, якому просто забили голову», стане до зброї разом із тисячами нових «ополченців», готових мститися за батька, брата чи просто «святу Русь»?

Але, вочевидь, вітри апокаліпсису, що насуваються, ще недостатні для вирішення конфлікту на Донбасі. Власне, недостатньо й наявності тут таких, як я, кому негласно пропонується або переїжджати на контрольовану територію, або нарікати на себе. Але ті, хто лишився, не головні жертви спокійного сну нашого шоколадного короля, якому нарешті вдалося зупинити безперервний потік крові й підвісити ситуацію в повітрі, попутно запевняючи на «плюсах», ніби це і є відповідь. Головні потерпілі – це наші бійці, що сидять на метр нижче від землі при мінус 17 і чекають незрозуміло чого. Саме ці хлопці мають право на основне запитання: скільки ще і що далі?

Хтось може заперечити, що сидять і по той бік. Але це не зовсім так. Справа в тому, що психотип «республіканських» бійців

зовсім інший, ніж в українській армії. Більшість триколірних окопів наповнюють собою маргінали, для яких із приходом війни за великим рахунком нічого й не змінилося: ці люди не мали майбутнього до неї, нічого їм втрачати й тепер. Образ «солдатів удачі», що живуть одним днем і з'їхалися на Донбас звідусіль, цілком застосовний і до нинішніх реалій «республіканських» гвардій, бригад та частин. Це не люди, які полишили престижну роботу разом із дорогим авто в гаражі приватного будинку й чекають не дочекаються, коли ж ситуація вирішиться і вони знову поїдуть додому. Навпаки, їхнє життя – то і є війна, і сидіти вони готові тут вічно. Звісно, й українська армія не лицарі в білих обладунках, але загальна картина на тлі «республіки» куди ближча до поняття норми.

«АТО має тривати години, а не місяці» – від цієї фрази нашого президента колись також віяло наївною надією, і багато хто, зокрема і я, пов'язував із нею своє майбутнє «вільне» життя. У підсумку два роки нескінченних боїв, десятки листів із задзеркалля і Донбас, поділений між нині спочилим Мішкою Косим, Рінатом, «Захаром» і свіжими цукерками ROSHEN, що просочуються в Донецьк, поки їх споживачі, похрумуючи, як і раніше, вірять, що від них бодай щось залежить. І що лишається тим, хто тримається за свою землю міцніше, ніж сама держава, і не бажає покидати свій дім тільки для того, щоб у Києві комусь легше спалося? Що ж, «пишіть письма» – так і чується основний рецепт майбутнього від нашої влади...

«УКРАЇНСЬКИЙ ТИЖДЕНЬ»

6 березня 2016

А ЧИ Є ДНО?

Часто від багатьох моїх співгромадян із «великої землі» доводиться чути формулювання на кшталт «ви ж хотіли в Росію? Ну то й маєте її». Хотів би в цьому листі дещо розвіяти міф, згідно з яким Донецьк зараз чимось схожий на суміш Ростова з Рязанню.

Ну, по-перше, ні про яку Росію в так званій ДНР навіть не йдеться. Вже давно. І ні для кого з місцевих, хто здатен принаймні на поверховий аналіз того, що відбувається, це вже не секрет. Росія тут закінчилася рівно тоді, коли на площу Леніна викотилася величезна кількість абсолютно неадекватних літніх дам у бузкових шапочках з іконками Сталіна в золотому мундирі та лисуватою головою Владіміра Ільча. Тобто, за великим рахунком, хоч як дивно це звучить, у своєму чистому, імперському вигляді Росія в степах Донбасу так і не почалася.

Вся річ у тім, що єдиним зв'язком між подіями на Донбасі й тим, що відбувається в самій Росії, є той факт, що і там, і там надзвичайно точно й філігранно грають на найтемніших, найглибинніших очікуваннях та сподіваннях народної душі. І Путін, і Захарченко однаковою мірою є продовженням самого народу, який чекає манни небесної у вигляді міцної руки всіма своїми 82 відсотками. Але на цьому подібність закінчується. Те, на що сьогодні перетворився Донецьк, як і вся «ДНР», – 30-ті роки минулого століття з відповідною ідеологією та соціальними орієнтирами, які не мають

нічого спільного з білими лайковими рукавичками російського імперіалізму, що сьогодні йде з Москви. Кілька наочних прикладів.

Передусім прибічники Росії в Донецьку наполягають на автентичності становища інформаційних фронтів: 90% медіа-простору РФ займають лояльні до режиму ЗМІ. Але, перепошую, у Росії є телеканал «Дождь», є радіо «Эхо Москвы», є Невзоров і Шлосберг, які критикують у пух і прах панівну верхівку Кремля. Так, вони ледве втискаються в ці 5–10% ефірного часу, але ж таки є. У «ДНР» немає нічого. Тут немає жодної опозиційної газети, тут немає самої опозиції, тут немає жодного телеканалу, який не оспівував би відкриття консервного заводу та чергового рекорду в надоях «республіканських» корів. Зате є найвища міра покарання у вигляді розстрілу за шпіонаж і роботу на українські спецслужби, яку абсолютно точно «повісять» на кожного, хто займатиметься опозиційною режиму журналістикою в самій «ДНР».

До речі, про цю нещодавню новацію. Розстрільні списки і 30-річні терміни теж навряд чи можна порівняти з російською дійсністю, навіть не беручи до уваги той факт, що особливо неугодні режиму співгромадяни «списуються» без будь-яких санкцій суду під виглядом усім відомих розборок із «троянцями» й величезної кількості зниклих тут безвісти людей навіть порівняно з 1990-ми. На бодай якусь правову основу можна розраховувати лише у випадку дрібної крадіжки. Решта побудована за общинно-родовим принципом зв'язків, «замазок», «маз» та іншої тюремної атрибутики, що накрила багатостраждальний Донецьк.

Щодо єдиного вільного вікна у світ інформації – інтернету, то «республіканські» комп'ютерні умільці постаралися й тут: за останні два місяці особисто я втратив доступ через звичайний браузер до основних українських ЗМІ, таких як Радіо Свобода, «Тиждень», «Острів» і «Дзеркало тижня». Так, цю заборону досить легко обійти, але сам факт тотальної диктатури, що вторгається не тільки в соціальний, економічний і культурний, а й в особистий простір, очевидний.

Не має рівних «республіка» й за масштабами репресій: будь-яке інакомислення останнім часом у Донецьку переслідується

особливо жорстко, виливаючись, зокрема, і в арешти всім відомих людей, до яких досі не допустили адвокатів та яким не висунуто жодного офіційного звинувачення. Тоді як кримінальному кодексу «ДНР» ніщо не заважає їх просто стратити.

У всіх цих моментах сучасний Донецьк нагадує радше Чечню з традиційно-родовою ментальністю та повагою до особистого авторитету й сили, ніж дещо рафіновану Москву чи Пітер. Та й основна ідея «республік» ой яка далека для самих росіян, що плекають нині мрію про царя або «верховного правителя» (як цю посаду назвав Владімір Жириновскій) та аж ніяк не ідею бутерброда з ковбасою, завернутого в піонерський галстук.

Взагалі, звісно, сьогодні доводиться дивуватися навіть тим, хто розраховував побачити в червонуватій фізіономії «ДНР» увесь спектр репресій і бажань бути вишмаганими міцною рукою. Невільно запитуєш себе: а чи є взагалі дно в цьому тепер уже безкінечному падінні в безодню ординських часів? Зрештою, будь-яке відхилення теж має межу, не можна ж усе життя молитися на Леніна й обстоювати ще більшу кількість розстрільних списків, щоб «навчити республіканських ворогів». Але, як показує практика, дна ще не видно, й імперське минуле Росії проростає на Донбасі корінням хрущовських часів.

КУЛЬТУРНА ЖИЗНЬ В ОККУПАЦІИ: ГОРОД ДОНЕЦК

Жизнь оккупированной части Донбасса, по наблюдениям горожан, дуалистична. Не является исключением и культурная среда на территории, которую контролирует группировка «ДНР». Подавляющее число культурных учреждений и мероприятий на неподконтрольной Киеву территории сосредоточено именно в Донецке. В других городах — Макеевке, Харцызске или Горловке — культурное пространство ограничивается местным ДК. Но в Донецке всё по-другому. В городе полноценно работают театры, кино, филармония. Они и являются маркером того, что на самом деле волнует здесь людей.

В учреждениях на землях группировки «ДНР» установлен жёсткий идеологический фильтр. Официальная линия так называемых «министерств» культуры и образования «ДНР» — это культивирование советского прошлого во всех его проявлениях. Всё, что связано с бюджетным финансированием в Донецке культурных мероприятий, — будь то выставки или фотопказы, — должно отражать героизм советских солдат, работников промышленности, величие русской истории. Всё это можно найти в местных школах, ВУЗах и краеведческих музеях.

Но едва речь заходит о коммерческом интересе, как «советизация» отменяется. Вопреки официальной «линии партии»,

в донецких кинотеатрах, в филармонии, в драматическом театре идут картины и постановки, которые были здесь и до оккупации. И финансовый сектор в этом смысле демонстрирует реальные вкусы местной интеллигенции.

В донецком драматическом театре с успехом проходят постановки Дюма, Слэйда, Синклера, Гибсона, Эрве, Клода Манье. Да, там есть и Гоголь, и Чехов, и Булгаков. Но никаких идеологических перегибов или даже попыток развернуть того же Булгакова советской стороной нет. Это я говорю как зритель. Особенно же популярна постановка «Шоу продолжается». В ней художественно обыгрываются и исполняются западные хиты Стинга, Queen, Лары Фабиан и других. Но при этом — и об этом мне тоже хорошо известно — сами исполнители и актёры в большинстве своём пророссийски настроены, они также активные сторонники «ДНР».

Примерно та же ситуация и в донецкой филармонии, и в кинотеатрах. Так, например, в конце октября в филармонии симфонический оркестр будет исполнять исключительно западные рок-хиты того же Меркьюри, «Нирваны», «Scorpions». И это при том, что рядом с филармонией все рекламные щиты оклеены портретами Захарченко, Сталина, который рекламирует один из ресторанов, а также информацией в духе «победили деды — победим и мы». Что касается донецких кинотеатров, — вроде «Звёздочки» или кинотеатра Шевченко, — то здесь вообще идут исключительно западные фильмы. И ни на что другое зритель здесь просто не пойдёт.

Другими словами, в Донецке сейчас существует две реальности. Одна направлена на пропаганду всего советского в школах и ВУЗах, где не допускается никакого альтернативного мнения. Здесь акцент делается именно на молодое поколение, чьи взгляды ещё не сформированы. А другая реальность связана исключительно с финансовой прибылью, которая отражает реальные, западные вкусы местного потребителя. Ничего напрямую связанного с Украиной здесь не допускают. Но на западное вполне закрывают глаза.

ГРОМАДЯНИ БЕЗ ГРОМАДЯНСТВА

Після розпаду СРСР багато ще вчорашніх радянських людей так і не могли зрозуміти, хто вони тепер у новій дійсності. Ця невизначеність тліла в головах тим довше, чим слабшою була національна політика держави, особливо в регіонах, де націоналізм був чужорідним тілом на тлі величезної кількості національних меншин. Звісно, у нашій, українській державі таким регіоном виявився Донбас.

На Донбасі навіть через понад 20 років українська самосвідомість так і не пустила міцного коріння, ставши помітною переважно в умах нового, народженого вже в Україні покоління, як раптом засяяв триколон. І нехай би російський – із цим пазлом орієнтована на ще стару ідейну лампочку «радянських людей» місцева свідомість вপরалася б, десь у своїх глибинах пригадуючи, що «радянський» насправді все ж таки завжди означав «російський». Але засяяв ніякий не російський, а «республіканський» триколон, до того ж розбавлений незрозумілим прапорцем американських конфедератів, тільки без звичних зірок на хресті. На такий стимул реакції не було, і звична слина патріотизму застрягла десь між імперськими амбіціями Стрелкова, який мріяв чи не про Росію часів Ніколая II, і кадіровцями, що кричали на площі Леніна «Ля іляха ілля Ллах!».

І все ж таки сьогодні, через півтора року, ці люди досі мислять себе ким завгодно, тільки не українцями. Я кажу «ці люди», бо маю на увазі виключно прибічників «ДНР», до яких не належу ні сам, ні багато з тих, хто все ще перебуває зі мною тут, у Донецьку. Я кажу «ким завгодно», бо питання про те, хто ж вони такі – деенерівці, новоросівці, а може, новоросіяни чи просто жителі абстрактної країни – ще лишається відкритим.

Ні, наша країна не була Швецією чи Данією, і до «ДНР» тут вистачало проблем. Але під час розмов із нинішніми «республіканцями», мирними жителями, які ніколи не брали до рук зброї, виникає враження, що замість «радянських людей» був створений абсолютно інший тип – тип особистостей, чия ідеологія – така собі неваляшка, що повертається в те саме положення, хоч би якою була сила ззовні. Ти кажеш їм: «Погляньте, Новоросії більше немає, її нашивки забороняють навіть носити. Де ваша велика країна від Одеси до Харкова? Де танки, які беруть Маріуполь? Де Росія і братній народ, який тільки те й робить, що розпилює на брухт ще не розграбовані заводи, і де на Донбасі «Кримнаш»?

Ні, кажуть вони, нехай «Новоросію злили». Нехай у нас мізерні пенсії та зарплати, а харчі дорожчі, ніж в Україні. Нехай ми не знаємо, як точно назватися: республіканцями, росіянами чи новоросівцями, тільки б не так, як у них, українців, тому що ми не вони. Це «не вони» прививалося тут довго. Говорячи про донбаську ідентичність, варто згадати не лише архетипи колективної психології радянської епохи, а й Партію регіонів, і практичну відмову від національної політики всього періоду незалежності, коли у Львові нікому не треба було роз'яснювати, хто вони такі, бо ж це вгадувалося в яскравих вишиванках, а Донецьк потребував їх, як ковтка води. Це, звісно, не означає, що образа, помножена на глупство, знімає з когось вину. Зрештою, я й сам маю безліч претензій до своєї держави й часом зовсім не розумію, що відбувається в головах у людей, які ділять зі мною ті самі жовто-блакитні кольори. А втім, живучи вже півтора року під величезним масивом пропаганди, переживши кілька потужних обстрілів та відчувши на собі всю злиденність нашого колись

багатого краю, я не дозволив собі взяти в руки зброю й піти вбивати тих, у кого в паспорті стоїть та сама країна.

До речі, паспорти «ці люди» також не змінили, хоча один час і була мода на триколірні тугі обкладинки в передчутті швидкого звільнення всієї «республіканської» землі. Захарченко вже вкотре анонсував видачу перших паспортів «республіки», намічену тепер на кінець березня, але особлива ейфорія від їх отримання навряд чи очікується навіть за умови, що з ними стане можливий в'їзд до РФ. На останнє, вочевидь, ця заява й розрахована, оскільки ще недавно очільник «ДНР» дещо іронізував над паспортизацією своїх неповноцінних колег із «ЛНР», стверджуючи, що не витратиме «народні» гроші на документ, який ніхто не визнає. І ось тепер такий поспіх. Хай там як, а важливий не формальний, а сутнісний бік питання, адже отримання «республіканського» паспорта – це чергове цементування маразму й хаосу в головах людей.

З кожним днем ідея «республіки» дедалі ефемерніша. І з кожним днем все більше враження, що це one way ticket для тих, хто поки що смикає за нитки долі людей, які все ще лишаються на цій землі. У будь-якому разі політ колись закінчиться, могили, як зазвичай, поростуть травною, а ті, хто сьогодні все ще ходить донецькими вулицями з думкою «Росія, прийди», знову стануть всотувати «ворожий» їм світ: з українською пенсією, з бурчанням про президента-зрадника та з нормальними цінами замість московських у рублях.

«ДЗЕРКАЛО ТИЖНЯ»

8 квітня 2016

НОМО DONBASSUS, ИЛИ ЧТО ИЗМЕНИЛА ВОЙНА

Если раньше все дороги вели в вечный Рим, то в Макеевке дороги обычно уходят на север. Это вовсе не означает, что в городе плохо с коммуникациями: просто основной промышленный потенциал, а значит, и рабочий маршрут уходит туда.

Здесь же лежит и одно из местных «чудес»: трехкилометровая бетонная стена с облезшей побелкой и надписями о непокоренном Донбассе, которую видит каждый рабочий изо дня в день всю свою жизнь. Едете ли вы на сам ММЗ, растянувшийся на 5 км, или пытаетесь попасть на шахты и пищевые склады, – так или иначе, сидя по правому борту маршрутки, вы смотрите на сие полотно. Часто пейзаж сопровождает группа людей, которых легко перепутать друг с другом: уставшие лица, однообразная потертая «джинсовка» и черные куртки, обычный дешевый пакет. Скромно ютятся у остановок, они так же безмолвно бредут со своей смены, как молчаливо движетесь вы на нее. Это Номо Donbassus – человек, населяющий эти края. Чем-то этот пейзаж напоминает стену чекистов, у которой казнили людей. Впрочем, если вы захотите повернуть голову, то по левую сторону сперва промелькнет террикон, затем – исполинские бетонные сваи, упавшие на такой же бетонный овал, ну а дальше – ДК им. Кирова, если повезет свернуть на соседний маршрут.

Я не случайно начал именно с этого образа, ведь понимание трансформаций местной ментальности невозможно без этой стены. Так или иначе, она есть в каждом городе, будь то Донецк

или Торез. И большая часть населения Донбасса представлена именно теми, кто буквально вываливается из проходной после полусуточной смены, а вовсе не журналистами, писателями или интеллигенцией, в большинстве своем занявшей проукраинскую сторону. Все дело в том, что с началом войны эту стену начали двигать все дальше и украшать позолотой, возводя из нее едва ли не храм. Донецк времен Украины с песнями о шахтерском труде превратился в сплошную хвалебную песнь усталости, которая и без того наполняла здесь каждый бульвар. И чтобы понять, потерял ли Донецк для нашей страны навсегда, следует, прежде всего, спросить: а был ли он «найден» под угольной пылью в то время, когда здесь все еще пестрела украинская власть?

Часто приходится слышать: «Но шахты есть и во Львове», когда имеется в виду сам регион. Это действительно так. Но там есть прямая связь между тем, что вы рискуете жизнью за 3 тыс. грн, и человеком, который возглавляет страну. В Донбассе в это не верят. Эта «шахта» здесь вечна, вне зависимости от лица, ее воплощающего. Не лишним в этом ключе будет вспомнить И.Бродского, который в 16 лет, работая на заводе «Арсенал», стал свидетелем митинга в поддержку Египта и борьбы с капитализмом, чем и объяснялась необходимость выйти на субботник. И тут «встал человек (а это было тогда довольно страшное время, 1956-й), слесарь в моем цеху и сказал: «А какая мне разница — капиталист мой хозяин или коммунист мой хозяин? Один дьявол, мне надо вставать в 7 утра». Примерно так мыслит Донбасс. Этот «слесарь» здесь никуда не исчез: за 60 лет он забился под кожу, передался по генам вместе с чертами лица, в него верят больше, чем в Господа Бога. Этот принцип глубокой разочарованности и безразличия — то, что «надо помнить при всех этих разговорах о новом обществе и западных моделях или уже черт знает о чем» (цитата И.Бродского. — С.В.). В конце концов, «услышьте Донбасс» — фраза, являющаяся примером тех самых граблей, разбивающих лоб, — это вовсе не наивные лозунги о родном языке, которые действительно заслужили иронию. Это диалог между рабочим, часть жизни проведенным на глубине километра, и человеком, который всю свою жизнь спокойно смотрел на солнечный свет. На глубине вещи видятся проще.

И война их упростила еще. Сегодняшний Донецк — это, без сомнения, уже другой город. Из Петербурга опять сделали Ленинград. Комсомольцы, пионеры, «захаровцы», упаковки масла с мороженым, чей дизайн взят из «застойных» 70-х, плакаты о славе «республики» и произведенном в цехах «ДНР» молоке. Но главная трансформация все же не в этом. Как всегда, видимое глазу — лишь отпечаток того, что происходит внутри. Внимательный зритель заметит, что на «республиканской» сцене не так много актеров. Да, некоторые с успехом мимикрировали в «республиканский» окрас, добросовестно играя роль пионервожатых и политруков в строительстве «молодых государств». Но с большинством произошло нечто иное.

Это «иное» вымыло остатки наслоений, которые обычно определяют людей. Референдум в Голландии, офшоры, коррупция власти — топ-темы украинской реальности целиком поглощаются сахаром в гуманитарном кульке. Желтеющие по всему городу фонды помощи Рината Ахметова — сейчас те самые маячки, определяющие жизнь горожан. Если и можно в Донецке увидеть длинную очередь, то именно у таких вот «штабов» или отделений «республиканского банка», выманивающих под залпы орудий людей из облезших квартир. Здесь никого не смущает, что Ахметов клеймил позором «республику», что этот сахар «фашистский» и в какой-то степени — плата за все, что происходит сейчас. Что треклятую стену строил в том числе и Ахметов, что пейзажи разрухи даже в мирное время — отчасти и та опрометчивость, с которой сейчас так же рьяно разбирают пакеты с мукой. Никакой политики. Никакой идеологии. Nothing personal. Только вы и пакет.

Очень емко эту ситуацию характеризует ответ одного пенсионера, которого я однажды спросил об этих вещах: «Ой, сынок, ну а шо ж тепер, не жравши ложиться?». Здесь перепуталось все. Современный Донецк — это точно не Украина: любые упоминания о «жовто-блакитном» тут же наталкиваются на воронки от мин. Но и «республиканского» здесь не так много. В большинстве своем город напоминает голодного военнопленного, которому бросят кусок то «эти», то «те». Обгоревшими пальцами он поднимает его, проклиная обоих.

И под эти проклятья сегодня маршируют сотни курсантов с нашивками «МО ДНР». Эти мальчишки, которые должны были в будущем носить украинскую форму, теперь с гордостью носят форму «республики», изо дня в день все более впитывая в себя «республиканский» флажок. Безвозвратно теряется не территория. Безвозвратно утрачено время, за которое вырастят тех, кто не вспомнит, каким был Донецк до войны. 10–15 лет для такого конфликта абсолютно реальны, чтобы уже навсегда потерять этот город и его население, что принесет больше жертв, чем в итоге война.

Но Homo Donbassus здесь лишь начинается. Если не верящий ни во что местный дончанин худо-бедно продолжает мастерить свою жизнь на привычной земле, то покинувшие город украинские патриоты зачастую не спешат тосковать. Две стороны одной медали, своеобразный вензель из желания выжить и желания жить, более не привязывая себя ни к чему.

И именно здесь, как грибы, начинают прорастать местные космополиты. «Нет, — говорят они, — нам не важно, где жить: будет это Бердянск, Киев или Житомир. Да и город мы никогда не любили — нечего привязываться к фонарным столбам и едкому смогу». Но донбасский космополитизм — космополитизм особый. Такая родственная связь с американскими хиппи тех, кто еще недавно с гордостью назывались «донецкие», в своем существовании есть не что иное, как все та же усталость от каторжной смены в цеху, после которой не волнует ни геополитика, ни революция, ни земля под ногами. И вот тут возникает весьма неприятный пейзаж: тысячи уничтоженных сторонников «русского мира», чьими телами будет (уже?) усыпан свободный Донбасс, сотни тысяч адептов «единства», не готовых вернуться обратно, и один террикон, одиноко чернеющий посреди освобожденной степи. Голое поле, которым грозит обернуться свободный, а потому пока эфемерный Донбасс, — есть лишь следствие такой же девственной почвы сознания, пустой, не относящей себя ни к чему: ни к региону, ни к городу, ни к этой скамье. И действительно, скверы есть даже в Бердичеве...

Пожалуй, эти люди — поистине европейцы, которым так же комфортно жить в Лондоне, как и в Берлине или Нью-Йорке.

Это именно их центробежная сила делает сегодняшнюю Европу будущей Азией, и именно они, вероятно, первыми и покинут страну, перешагнув, в случае чего, и через государственный труп. Искренни ли они в своих мыслях, или их заставляет так думать обида и злость — слишком сложный вопрос.

Я всегда ненавидел Макеевку — город, который стал для меня почти живым существом. Но стоило мне однажды ненадолго оказаться в столице, как стало понятно, что Макеевка во мне никуда не исчезла, и что это не просто абстракция, которую можно заменить конструкцией букв. Это все тот же серый и ржавый завод, все та же усталость, скептицизм и цинизм, та же пыль на зубах и ботинках, которые не смываются даже в приятных столичных кафе. Можно ли всерьез говорить, что это все «поправимо», едва стоит сесть в плацкартный вагон? Действительно ли нет разницы между человеком, выросшим на макеевских шахтах, и тем, кто смотрел на пейзажи Карпат?

Примечательно, что «я уже не вернусь» звучит не менее категорично, чем «я не прощу» — это вещи одного лексического класса. Без компромиссов, кратко и прямо — как и привыкли употреблять здесь язык. И вновь обретший себя донбасский космополит тем самым лишь больше доказывает свою связь с этой набережной, от которой так пытается откеститься.

Конечно, по всей вероятности, эти люди действительно уже не вернуться. Ведь возвращение будет сродни бегству, на которое однажды их уже обрекла эта война: проданные в Донецке квартиры и купленное на «большой земле» жилье; детский сад для ребенка; работа и вновь выстроенная карьера; в конце концов — личная жизнь, возможно, завязанная именно на «той» географии, где все еще развивается украинский флаг. Вновь отказаться от этого ради привычного сквера, даже если рядом не будет трещать пулемет? Едва ли. И так город пустеет все больше. Так «своя правда» определяет общий для всех нас абсурд.

Впрочем, Донецк был богат и другими, ныне мигрировавшими, но не менее интересными персонажами. Мне вспоминается, как в мае 2014-го, когда процессы сепаратизма только набирали

свой ход, я сидел на донецкой набережной с одним из тех, кого принято называть «патриоты». И на вопрос «а пошел бы ты воевать?» этот человек сказал мне буквально следующее: «Ты знаешь, за Украину я бы воевать не стал, а вот за эту набережную – наверное». Справедливости ради заметим, что человек этот не стал воевать ни за набережную, ни за кусты – вообще ни за что, а благополучно перебрался на юг, поближе к Одессе. И все-таки фраза «Україна понад усе» уже тогда была чужеродным телом в местных наречиях, звуча примерно так же, как призыв на субботник ради борьбы с США. Здесь всегда конкретность вытесняла абстракцию, а пустой холодильник – географические координаты «единой страны».

Как бы там ни было, пока Донбасс – лишь известная контрацепция, принимающая весь удар на себя, дабы вирус «русского мира» не дошел до Житомира, контрацепция, имеющая одноразовую ценность, – никакой артиллерией этот вопрос не решить. Риторика о «рабстве» и «быдле» от тех, кто никогда не держал в руках молотка, и нежелание очнуться от сна о «нацистах» – футбольный мяч, который вот уже больше двух лет национальная мысль катает от ворот до ворот. Трезвый взгляд говорит, что Донецк для Украины потерян. Потерян ментально, потерян физически, со всеми последствиями, о которых еще предстоит лишь узнать. Галоп национальной мысли к европейскому будущему сквозь оккупацию Крыма, потери Донбасса, волынский янтарь и офшоры скорее напоминают смертельно раненого солдата, который изо всех сил напоследок тянется к бокалу дорогого вина.

Но во всем этом хаосе и неразберихе мы забыли упомянуть еще об одной генетической ветви Homo Donbassus – тех, кто все еще здесь. Украинцы Донецка все еще существуют. С каждым днем их все меньше: кто-то стал эмигрантом, фактически выехав в другую страну, а кто-то поверил в «республику», и такие случаи тоже не редкость. Многие все еще верят и борются. Но большинство просто ждут. Ждут, что однажды о них все-таки вспомнят, не предлагая позорно бежать из родных городов.

«УКРАЇНСЬКИЙ ТИЖДЕНЬ»

15 травня 2016

ПРО ВЕЛИКДЕНЬ І НЕ ТІЛЬКИ

З біг у часі Великодня зі святкуванням 1 травня поставив цього року вельми цікавий експеримент: який колір більше заповнює мозок нинішніх цінителів усього «ісконно русского». Власне, варіантів тут лише два: червоний і (вдаючись до термінології відомого викраденого в Донецьку вченого) колір містико-релігійної туманності.

Останній, звісно, властивий не тільки мешканцям терапіуму під назвою «русскій мір», «ДНР» etc., а й більшості наших співвітчизників, чия цнотлива свідомість пов'язує назву «Пасха» з відомим смаколикком. І той факт, що «песах» буквально означає «проходити мимо», нікого не хвилює, як і питання, хто й куди, власне, йшов. Однак лише в «ДНР» православ'я звели до такого абсурдного ступеня, що скоро георгіївські стрічки й різні бородаті дядьки на прапорах можуть змінитися значками з Ісусом Христом. У цьому, власне, і полягає вся пікантність питання: що ж важливіше – пам'ять про дешеву радянську ковбасу, до якої незмінно повертає нас червоний прапорець «трудящих», чи воскресіння Господнє?

У «ДНР» примудрилися створити черговий симбіоз. Але не поспішаймо засуджувати цих людей, над чією свідомістю ось уже понад два роки цілодобово проводять експеримент із виліплювання голему з червонуваної глини з пасхальною присипкою, що так чи інакше супроводжує все, що тут відбувається. Справді, роль православної церкви Московського патріархату в цьому

конфлікті важко переоцінити. Чого вартий сам факт припинення служби в центральному соборі Донецька, коли туди навідується головний «республіканець» Захарченко.

Створивши образ «святих синків» з іконкою в кишені й «50 cent» у навушниках на блокпосту, РПЦ МП так само віртуозно проковтнула й незручний момент із соціалістичним святом, із яким цього року їй довелося конкурувати.

Утім, до ринкової конкуренції не дійшло. Що може лисуватий вождь пролетаріату, який лежить під кришкою бозна за скільки кілометрів від Донбасу, коли в цей самий час триває Великодня служба з обов'язковою проповіддю про перемогу у «великій війні»? Так, якщо постояти на нічній святковій службі десь у Макіївці й вдумливо вслухатися в лепет священика, то виходить, що всі ми ось уже третій рік хоч-не-хоч «протистоїмо вселенському злу на рідній землі». При цьому 15-хвилинна промова така віртуозна й слизька, що абсолютно ніде не уточнюється, що ж то за «зло» й хто це «всі». Утім, пояснення тут справді зайві: «ополченці», які мирно стояли в кутках храму, і без того мимоволі відповідають на це запитання. Адже саме для них та їхніх сімей промовляються всі ті слова, які повинні зміцнити їх у вірі, оскільки, як відомо, «з нами правда, з нами Бог». Одним словом, Великодня ніч плавно перетікає в пролетарський лікбез із цитатою про бджіл і трудову дисципліну.

Але пропаганда на цьому аж ніяк не закінчується. Якщо ви вирішили лишитися вдома й провести ніч біля телеекранів, то куди краще було б усе ж таки піти до храму. Чому? Все дуже просто: через засилля російських і «республіканських» телеканалів по ТБ на Великдень можна було побачити ту саму РПЦ МП, тільки куди витонченішу, з пропагандою професіоналів на кшталт патріарха Кірілла, а не жалюгідних любителів із місцевих церков. У 70% випадків місцеве телебачення транслювало богослужіння з Москви із відповідними коментарями про велич «русского духу» та іншу «духовноскрепну» патоку, якої й без того вистачає в «ДНР».

І лише на ранок стомлені, але оновлені та з остаточно промитими мізками «республіканці» стали раптом згадувати,

що сьогодні, виявляється, ще й 1 травня, яке посідає перше місце в списку радянських гріхів. Гріх не відзначити. Так із нічної духовної хвилі й читань Євангелій усі раптом перестрибнули на хвилю червонувату – з шашликами й прапорцями на площі в дусі «Ленін усе ще живий». Враховуючи загальний тренд «back in USSR», що офіційно просувається по всій «республіці», несподівана поява бородатих голів Маркса й Енгельса поряд із розп'яттям бачилася цілком ефектно. Як і плутана мова народця, який був добряче напідпитку і який на «Христос воскрес!» нерідко відповідав «із 1 травня!». Утім, деякі з «республіканських» лідерів примудрилися в цілком тверезому стані об'єднати ці два святі слогани, як було в Луганську, де «глава федерації профспілок ЛНР» звернувся до «трудящих» зі словами: «Христос воскрес! Вітаю вас із днем Міжнародної солідарності трудящих!». Так би мовити, на ваш смак.

Так у цілковитому хаосі й сумбурі знову оживили «радянські люди» Донецька, Макіївки, Тореза та інших окупованих міст нарешті докотилися до найважливішого та найсвятішого – шашликів, водночас з'ясувавши, що смажити їх ніде. Річ у тім, що в «ДНР» цілодобово мовлять про українські ДРГ та встановлені ними розтяжки, особливо в лісосмугах і на кладовищах. Саме тому географія більшості «маївок» обмежилася кущами під власним під'їздом, де поруч із пасками були пляшки з горілкою, пивом і шматочки обсмаженого м'яса, – усе це, ймовірно, колись і помістять на офіційний герб «ДНР».

РАЗРУХА В ГОЛОВАХ: КАК ВОСПРИНИМАЮТ ДОНБАССКИЙ КОНФЛИКТ В ОККУПАЦИИ

На территории, подконтрольной группировке «ДНР», близится то, что здесь называют почти расстрельным словом «праймериз». Почему расстрельным? Потому что всё, что связано с чем-то западным, здесь вызывает отторжение и неприятие. Одно из подтверждений: на Дне города в Донецке, когда со сцены начали петь западный хит, группа молодежи начала требовать от хрупкой девочки, которая бегала с микрофоном по сцене, чтобы она пела по-русски. Я плохо себе представляю, как звучит Фредди Меркьюри в переводе, но, тем не менее, эти бритые ребята требовали именно этого. Итак, в приближении «праймериз» весь Донецк оклеен листовками, в очередной раз сообщаящими о приближении чего-то торжественного. А в так называемой «ДНР» к этому слову относятся особенно трепетно. Здесь торжественно всё: торжественны мероприятия, торжественны балы, торжественны концерты, поздравления и даже дни греческой культуры.

И эти торжества, и пропаганда, и обстановка в целом, рожают в умах людей определенный образ мыслей. И об одном поклоннике сепаратизма я хотел бы рассказать.

Он в какой-то степени является символом того сумбура и хаоса, который есть на сегодняшний день – уже спустя два с половиной года – в головах у местного населения. Сразу скажу, что это бывший боевик, начинал он ещё с Безлером, затем перевёлся уже в так называемые «официальные» военные структуры. Потом благополучно уволился из незаконных военных формирований и сейчас работает грузчиком. В силу того, что этого человека я знаю как себя – столько же времени – у меня с ним довольно доверительные отношения, и, часто встречая его на улице, иногда я пытаюсь донести до него то, о чём кричит уже само время. И каждый раз этот человек – при том, что он всё больше и больше оттаивает от этого сепаратистского льда – всё-таки пытается объяснить, почему он всё ещё на этой стороне.

Вообще, должен сказать, что у бывших боевиков из числа местной молодёжи большая проблема – у многих из них недействителен украинский паспорт по причине того, что они не клеили туда фото после 25 лет, и сейчас они не могут выехать даже в Россию, оказавшись запертыми в той тюрьме, которую сами же и создавали, под названием группировка «ДНР». Многие из них находятся на социальном дне, и у этого человека, о котором идёт речь, положение не лучше. Но каждый раз, в том числе и на днях, он говорит мне одну и ту же избитую фразу: «Моя страна – это Россия». Когда у него спрашиваешь, что же так отталкивает от Украины после двух с половиной лет, когда Донецк заняли откровенные уголовники (с чем он, кстати, согласен), когда здесь не висят российские флаги, а такие, как он, выброшены на отмель истории, – в ответ можно услышать что-то невнятное о нацистах, которые бы уничтожили здесь всех русских, если бы такие, как он, не взяли в руки автомат.

«Человек всё равно искренне верит в угрозу нацизма и переживает, чтобы не скинули Ленина»

– На этот раз я ответил ему, что только очень недалёкие люди до сих пор не понимают, что здесь не будет крымского сценария, что здесь не будет никакой России, что, к примеру, приднестровский конфликт длится уже больше 20 лет и что если

он хочет в 46 проснуться грузчиком в Донецке с паспортом, который из «иностранных» стран даст возможность посетить одну так называемую «ЛНР» – тогда можно и дальше бояться нацистов. Но, в отличие от него, я бываю и в Киеве, и в Днепре, и в Полтаве, не говоря уже о прифронтовых городах, подконтрольных Украине. И могу сказать, что горожан вытесняет сельское население, которому до нацизма есть дело не больше, чем нам – до Албании. Это видно и по манерам поведения, и по языку с преобладанием суржика, и по одежде, и по отношению к городу, которое совсем не позитивно (я имею в виду чистоту, например). Поэтому бояться нацистов можно, только круглосуточно смотря «Оплот.ТВ» или «Россия 24». Что, кстати сказать, здесь и происходит.

И, несмотря на всё это, этот человек всё равно искренне верит в угрозу нацизма, переживает, чтобы не скинули памятник Ленину в Донецке, и также искренне убеждён, что грузчиком он бы сейчас был и при украинской власти в Макеевке, – что, кстати сказать, вполне вероятно. А в таком случае, он заключает, что ничего и не потерял, зато не пустил «фашистов», как он выражается.

Такая зеркальная картинка восприятия происходящего свойственна здесь не только тем, кто прошёл фронт, но и семьям боевиков, о чём очень красноречиво рассказали ролики Михаила Полынькова. Это человек, который начинал в Славянске со Стрелковым (российским полковником Игорем Гиркиным – ред.) На этих роликах местное население, в том числе жёны и матери погибших боевиков, благодарят Стрелкова и Россию за пакеты с крупой, не отдавая себе отчёта в том, что, как выразился сам Гиркин, «спусковой курок войны» нажал именно он.

«ДЗЕРКАЛО ТИЖНЯ»

20 травня 2016

О ЧЕМ МОЛЧИТ ПИГМАЛИОН

Как известно, один из древнегреческих мифов повествует о некоем скульпторе Пигмалионе, который создал такую прекрасную статую, что влюбился в нее и стал тайне желать ее оживления. Желание это было столь сильным, навязчивым и постоянным, что однажды Афродита таки сжалилась над несчастным безумцем и оживила созданный им истукан.

Этот миф прекрасно подходит в качестве инструмента для препарирования нашей политической реальности, сложившейся вокруг Донбасса. Причем трупный запах тем ближе, чем ближе летний период, на который теоретически должны приходиться и выборы на оккупированной территории, и (как недавно оказалось) амнистия, требуемая боевиками взамен освобождения украинских заложников. Собственно, для вскрытия всего минского процесса, как и в анатомии, достаточно лишь одной его части. Именно в этом ключе амнистия так важна на сегодняшний день.

Дискуссия о государственных индальгенциях для «оступившихся» длится уже довольно давно. Будучи внесенной в «дорожную карту», она служит прекрасным раздражителем, вызывающим национальную головную боль, – и таким же великолепным поводом для манипуляций любителей георгиевских лент. Последние, в лице главного «республиканца» А.Захарченко,

за период минских торгов успели наговорить столько откровенных вещей, что могли бы уже составить антологию «антиминска». В их число входит и постоянная мантра о том, что Украина – враждебное государство, и что «ДНР» не имеет к ней никакого отношения, и что парламент должен согласовать с «Народным советом» украинскую Конституцию, и прочее, прочее, прочее... Сюда же входят и последние заявления об амнистии при постоянной работе орудий в районе ДАП и Авдеевки. И это уже не говоря о том, что требовать амнистии от государства, которое считаешь иностранным, – все равно как изменять проститутке с женой. Ситуация уж слишком сильно напоминает сентенцию «она не хочет, а мне и не надо».

Тонкость лезвия, с которой когда-то начинался дипломатический «Минск», в срезе амнистии превратилась в абсурд и тупик, равно как и любой из пунктов единственного на сегодняшний день национального плана.

Здесь стоит сделать небольшой экскурс в историю. А что, собственно, за публика сейчас наполняет собой «вооруженные силы «ДНР»? Попытавшись ответить на этот вопрос, мы поймем, сколь далека идея амнистии от реального положения дел, – равно как далек от него и сам «Минск», отдающий запахом белорусских болот.

Как и летом 14-го, доблестные войска «русского мира» наполняют три класса людей: местные, приезжие наемники и регулярные части РФ. В процентном соотношении доля местных упала в разы: согласно классическим великодержавным рецептам, их использовали в роли «пушечного мяса», затыкая дыры на фронте на протяжении всего 2014-го – начала 2015-го. Отсюда – весьма печальная социология. Если гробы «отпускников» «почетно» отправляются обратно в Россию, а прочие любители острых ощущений из РФ пополняют донецкие кладбища, то местных часто-густо просто зарывают экскаваторным ковшом где-нибудь в районе донецкого коксохимзавода. Несмотря на это, именно местный контингент и составляет основной амнистированный электорат: так или иначе, от украинского паспорта их еще

никто не избавлял. Но вот парадокс: амнистия для большинства выживших местных важна не больше, чем переименованный Радой макеевский микрорайон.

Почему? Все очень просто. Большинство вчерашних «ополченцев» Макеевки, Донецка или Тореза уже полгода как с успехом оставили свои части, дезертировав либо уволившись и окунувшись с головой в одну из наиболее значимых «скреп» – запой. Каждый из них вернулся к привычной форме своего довоенного существования, и теперь по 12 часов отдает работе с зарплатой в 6200 руб., дабы иметь возможность в оставшиеся 12 напиваться до такой степени, чтобы не помнить о завтрашнем дне. Амнистия, открывающая путь к украинским реалиям, никоим образом эти реалии не изменяет, осознание чего просачивается даже в пропитый мозг потенциально амнистируемых.

Вчерашний шахтер, внезапно начавший толкать колесо истории в 14-м, а затем вернувшийся на родную шахту в 16-м, в последнюю очередь думает о перспективе быть прощенным и начать новую жизнь, не считая себя ни виновным, ни способным к этой самой новой жизни. За два года войны едва ли хоть раз пришлось слышать об искреннем раскаянии или ошибке, тогда как у многих уволившись из рядов «ополчения» действительно был шанс прийти с повинной по программе СБУ. Но все предпочли грузить фуры и чинить сливные бачки – в зависимости от того, кто в чем нашел себя «на гражданке».

Что, кстати, не снимает вопросов и к государству, оказавшемуся не способным предоставить такого уж качественного различия между украинским Бахмутом и оккупированной Макеевкой.

Как бы там ни было, но большинству представителей местного контингента наплевать на обещаемую индульгенцию. Кто-то действительно не прочь получить прощение разве что для того, чтобы иметь возможность беспрепятственно выезжать в тот же Бахмут за дешевыми «нацистскими» колбасой и сосисками.

Во вторую группу входят и вовсе заезжие гости: это люди, которые приехали в Донбасс на сафари. Не стоит думать, что это

исключительно россияне. Есть здесь и сербские четники, и «воины Аллаха», и французские социалисты, и даже пара американцев, считающих Обаму международным преступником, если верить репортажам LifeNews. Находится и вовсе специфический контингент из Латинской Америки, почему-то считающий себя «воинами Вальгаллы». К слову, базируются бразильские скандинавы в «русскомирной» Макеевке. Но российских гостей все же больше всего. Рассортировать эту публику по любому критерию едва ли представляется возможным, разве что поместив их всех вместе в категорию экспонатов идейной кунсткамеры. Что уж говорить о том, кто из них совершал преступления, а кто – нет, и до кого дотянется изрядно замлевшая рука украинского правосудия, а кто продолжит ненавидеть Обаму где-то в Сан-Паулу?

И, наконец, наиболее щепетильный момент. Речь о бойцах регулярных частей РФ, щеголяющих в камуфляже без нашивок и спрашивающих, как доехать до остановки в трехстах метрах от них. Несмотря на то, что многие из них известны поименно, требование амнистии для всех участников конфликта превращает возможный международный трибунал в игру в одни ворота. В игру, в которой циничное «их там нет» превратится в издевательское «так вы всех простили».

Разумеется, все эти соображения даже не затрагивают самого существа вопроса, касаясь лишь формальной его стороны. Дьявол войны всегда в сатанинских деталях. Макеевский кровельщик, оказавшийся командиром «Града», положившим целый взвод наших бойцов, а затем продолживший карьеру местного грузчика, на вопрос «А не жалко тебе было украинских бойцов?» ответил просто: «Мне было жалко стадо коров, которых мы положили вместе с их взводом...». Видны ли в Минске эти детали, или там лишь переставляют фигурки, не вникая в истинные правила игры?

Иногда создается абсурдное впечатление, что единственная стратегия против Кремля – это следование его стратегии, ведь этот случай, кажется, даже не рассматривается Москвой. Невозможно себе представить, чтобы мы выполнили «Минск» в той его безумной трактовке, которую навязывает нам Кремль:

амнистия – при ежедневных обстрелах, выборы – при поступающих в Харцызск вагонах ракет.

И вот здесь на сцену выходит наш миф. Если присмотреться повнимательнее, то станет очевидно: потерять цель для одержимого так же фатально, как и достигнуть ее. Все разговоры об амнистии, выборах и изменениях в Конституцию важны лишь в той части, в которой они невозможны, – и именно в их невозможности и состоит главный козырь Кремля. Как бы слезно Пигмалион ни умолял Афродиту оживить его статую, втайне он готов вечно просить. О чем греки тактично умалчивают.

АТМОСФЕРА ВЕЧІРНИХ АЛЕЙОК

Війна й окупація завжди є калейдоскопом вражень: це настільки тонкі й індивідуальні речі, що зводить їх до єдиного цілого було б нерозумно. За два роки я бачив тих, хто просто впадав у паніку й втискався з перекошеним обличчям у крісло, почувши найменші звуки артилерії, і тих, хто, навпаки, підбігав ближче до поля подивитися, як працює «Град».

Один не проживе і дня, не зазирнувши в якісь «сводкі от ополчення», ментально потребуючи цього наркотику, а інший не вмикав свого телевізора від початку «русской весни». При цьому й перші, й другі можуть як підтримувати триколори (російський чи «республіканський»), так і бути патріотами, хоча останнім часом із цим тут, в окупації, дедалі більше проблем.

І все-таки щось спільне можна знайти для всіх. Насамперед гнітюче діють не так обстріли, як атмосфера «після війни». Річ у тім, що цілодобове шипіння «Градів» та звуки вибухів поступово адаптують психіку до сприйняття їх як належного, й особисто в мене був один із найдивніших досвідів життя, коли різке зниження темпів обстрілів спричинило головний біль. Виходячи на вулицю, я буквально дратувався від навислої довкруг відносної тиші, коли зрідка і звіддалік, як-то кажуть, пострілювали, замість того щоб створювати звичне шумове тло.

І все-таки війна дається знаки зовсім не так очевидно. Куди гнітючіше діє «атмосфера вечірніх алейок», як я сам для себе окреслив цей аспект. Мова про те, що в неділю надвечір ви можете підніматися чисто виметеною алеєю та сквером, скажімо, за готелем «Вікторія» в самому центрі Донецька, обернутись – і не побачити взагалі нікого. Тобто перед вами новенька бруківка, акуратні урни, світять усі до одного ліхтарі. Поруч пролягає широка й довга траса, що огинає «Донбас Арену». Фактично стоїте на узвишші й перед вами відкривається приголомшливий краєвид, але немає взагалі нікого. Ні машин, ні людей – анікогісінько! Восьма вечора, десь із боку аеропорту чути залпи гармат, і ви геть самі. Місто вимерло.

Однак є специфіка й для тих, хто все ще вважає себе українцем, принагідно в різній формі виявляючи власну позицію (хоча б такими-от статтями). Тут не йдеться безпосередньо про параною чи необхідність озиратися щоразу, відчиняючи під'їзд. Але зрозуміти те, про що я кажу, можна лише проживши тут довгий час і виїхавши бодай на день на контрольовану територію. Тільки-но перетинаю блокпост, як із мене тут-таки скочується величезний психологічний тягар і я розумію, що в «ДНР» перебуваю під постійним тиском. Так, я не думаю про смерть чи перспективу потрапити «на підвал» щогодини. Але варто опинитися на «великій землі» – і з'ясовується, що в Донецьку ці думки стоять за плечима точно так само безперервно, як у пустих парках зависає війна. Це принципово інший психологічний досвід. Так, я знаю, що й тут, у Краматорську, мене можуть пограбувати чи навіть спробувати вбити. Але в Донецьку все це норма й за те ніхто не поплатиться, якщо немає зв'язків із людьми в камуфляжі. Цю ситуацію добре ілюструє нещодавнє роззброєння однієї з макіївських баз, коли посеред дня близько десятка бойовиків було поставлено навколішки двома десятками таких самих, але з бетеерами й гранатометами. Господар об'єкта, чие приміщення здане в оренду, завжди прикривався автоматами цих парубків, вирішуючи власні питання. Але ось з'явилися ті, у кого є більший калібр, і ця особа пішла в небуття.

Хоч як дивно, але одним із найсерйозніших викликів людям, які залишилися тут, в окупації, є й порада виїхати. І я кажу зовсім не про тих, хто шанує «ідеали республіки»: цей контингент зрозумілий і так. «Республіканці» були б тільки раді, якби тут справді нікого не залишилося, як у цьому з якимось звіриним завзяттям нас намагаються переконати в соціальних мережах. Ні. Я кажу про тиск українців – тих, хто сам звідси, але вже давно покинув рідні місця, або тих, хто в принципі ніколи не бував на Донбасі. І мова не лише про побутові нюанси на кшталт описаних. У цьому сенсі все всім зрозуміло й так. Але тим, хто залишився, постійно доводиться чути про докорінну помилку: залишатися на землі окупантів так само неправильно, як і продовжувати з ними торгівлю. Втім, аргументи бувають тут різними: не варто витрачати своє життя на те, чого не повернеш; зміни у психіці; безвихідь такого існування «в тіні», де в найкращому разі ти й залишишся тінню. Хай там що, але цей тиск лише зростає в міру того, як міцнішає коріння війни.

Та, зрештою, згадаймо й очевидне – саму пропаганду, яку ніхто не скасовував навіть для тих, хто від початку не зносив «ДНР». Так чи так, але всі ми потрапляємо під цей потік інформації: розклеєні по місту заклики захищати свою батьківщину; «безсмертні полки» та «герої», що нависають над зупинками; телефонні номери військкоматів; реклама досягнень «республіки» в транспорті й супермаркетах, де постійно курсують повідомлення про ДРГ та «нацистів», – усе це схоже на тисячі крапель, які одного разу все-таки підточать граніт.

«ДЗЕРКАЛО ТИЖНЯ»
17 червня 2016

QUID PRODEST?

Вспоминается один из моих немногочисленных выездов на контролируемую территорию. Это было еще осенью 2015-го, когда я приехал в столицу. В личном метро, на какой-то станции, спросил, как мне добраться до одной из точек города, после чего мой собеседник вежливо поинтересовался, откуда я сам. Ответ «из Донецка» явно его удивил, но лично меня куда сильнее удивила следующая его ремарка: «И как там – в Донецке, постреливают или тихо сейчас?». Помню, в тот момент я подумал, что мы действительно с ним из разной страны. И речь не идет об Украине. Эта страна – страна здравого смысла. Кто-то из нас – я так и не ответил себе, кто – явно за гранью этого «государства».

Это были первые сутки моего пребывания в Киеве. Еще вчера я покидал Донецк под оглушительный гром ночной канонады, раздававшейся у аэропорта, а четыре часа перед рассветом в очереди у блокпоста то и дело сопровождалось треском пулеметов. Окраины Донецка в тот день в очередной раз были обстреляны, а мы снова потеряли бойцов, – но и боевики сообщали о трех погибших. Просидев несколько часов в морозной ночной очереди посреди поля, многие так и не решились выйти из автомобиля в туалет, потому что вместо уборных вокруг были

редкие проржавевшие таблички – «мины». Все это пронеслось перед моими глазами буквально за секунду, пока я обдумывал, что же ответить человеку, который искренне спрашивает, «постреливают» ли в Донецке сейчас.

Мысль о войне так и не просочилась в национальное сознание. И, как ни странно, ее диффузия обеспечивается именно «той» стороной. Ярким примером этому стали последние события, начиная с 8 июня, когда произошла одна из самых существенных эскалаций за этот год. На следующий день, 9 июня, мне позвонили с одного из киевских телеканалов, и девушка наивно спросила: «А почему такой шум вокруг сегодняшней ночи в сепаратистских сетях? У вас там действительно что-то существенное?».

Накануне ночью в Донецке стоял сплошной шумовой занавес: на окраинах разрывались снаряды, в центре воздух пружинил от тяжелых орудий, а небо сверкало от вспышек зениток, которыми прямо над моим домом пытались сбивать беспилотники ВСУ. То и дело гас свет. Когда все это закончилось, наутро выяснилось, что досталось не только Донецку: на окраинах Макеевки были разрушены или повреждены более десятка домов; железные столбы во дворах были насквозь прошиты осколками, словно чем-то горячим просто прожгли мягкую ткань; 15 гражданских получили ранения и одна женщина погибла; мы потеряли несколько бойцов, а через пару дней – еще шестерых, часть которых выгребали из-под бетонных завалов. В следующие ночи канонада только усилилась, а за Донецком камеры местных снимали огромный пожар. В последнее время так здесь проходит почти каждая ночь. Существенно ли это? Думаю, да.

Но тут же напрашивается и еще один, не менее существенный вопрос: *quid prodest*, кому это выгодно? Кто в очередной раз обстрелял Донецк и Макеевку, намеренно целясь по мирным кварталам? Казалось бы, это вопрос, который даже не стоит себе задавать: в зависимости от вашей политической окраски ответ на него очевиден. Но те, кто все еще считают себя здесь украинцами, знают, что за более чем два года оккупации ответ на него – своеобразный экзамен на понимание этой войны.

Ни для кого не секрет, что военные базы боевиков располагаются преимущественно в жилых кварталах. Как однажды остроумно заметил А.Невзоров, эти люди действительно прячутся за продавцами крыжовника и торговками в фартуках. В конце 2014-го по Горняцкому району Макеевки был нанесен самый тяжелый удар. При том что Макеевка, как здесь любят иногда говорить, находится в центре урагана, в котором всегда тишина, – удар «Градом» был настолько существенным, что на фоне и без того гремящего фронта обсуждался больше недели. Но дело было еще и в том, что сам я находился буквально в километре от упавших ракет.

В то время я зарабатывал на жизнь тем, что грузил мороженую рыбу в одном из магазинов Макеевки. Вставать мне нужно было в 5.30 утра, но всех разбудили чуть раньше. В начале второго ночи в моей комнате стало светло, как днем. Старые, не пластиковые окна лоджии открылись настежь, а на улице стоял такой грохот, что в полусне я подумал, будто снаряды падают просто у моего окна. Буквально в считанные секунды я выскочил из кровати в прихожую, лег на пол, за стену, и пролежал так до тех пор, пока не утих страшный грохот. Следующие четыре часа я пролежал в кровати одетым на случай, если вдруг обстрел повторится, и придется выбегать на мороз. Но с этого день лишь начинался.

Макеевчане знают, что недалеко от места обстрела еще до недавнего времени у нас располагался блокпост боевиков, известный как «4/13» – это развилка на Харцызск и поселок Ханженково. Так вот, уже выехав на работу и проехав блокпост, я попал еще и под минометный обстрел: на улице было темно, и все, что можно было разобрать за окном, – это яркие вспышки и глухие хлопки. Ничего нельзя было сделать: вокруг – степь с терриконом, и маршрутка ехала дальше, останавливаясь и подбирая пассажиров, которые просто молча заходили в салон. Единственное, что я заметил, – это какой-то стыд на лицах, т.к. приходилось чувствовать себя сумасшедшими, не замечающими вообще ничего.

Для чего я привел оба эти примера? Уже днем «республиканские» СМИ раструбили об очередном обстреле «республики»

со стороны ВСУ. И они были правы. Все дело в том, что удар «Градом» пришелся по одной из баз боевиков, где сейчас располагается ангар с техникой. А целью мин был как раз тот самый блокпост, который мы миновали. Но в итоге «Град» лишь зацепил базу, частично разрушив жилой дом, а мины просто упали на поле, не навредив никому.

И нечто похожее здесь происходит регулярно. Просто потому, что по-другому – никак. Кладбище «Лесное» изрыто украинскими снарядами лишь потому, что в ста метрах вот уже две недели – «республиканская» САУ, бьющая в сторону Ясиноватой и забирающая жизни наших бойцов. Обстрелянный поселок Октябрьский в Макеевке, в котором еще недавно пропаганда сообщала о «маячках украинской ДРГ», артиллерии важен не больше, чем деревни Китая, но именно здесь, среди домов, находится база, с которой подвозят БК. И весь вопрос в том, как вы смотрите на эту войну.

Пытаюсь ли я этим сказать, что данные примеры исчерпывают ситуацию? Разумеется, нет. Есть и более худшие вещи. И они есть с обеих сторон. Все в том же 2014-м с поля, просто за моим окном, постоянно работали «Грады» – они били в сторону аэропорта, и мне достаточно было выйти на балкон, чтобы стоять буквально в 200 метрах от них. Но иногда заходили и гаубицы и били ровно в другую сторону, просто вглубь города. Буквально через минуту после одного из таких обстрелов мне позвонил друг и сказал, что дом рядом с ним разрушен, а сам он лежит на полу в бронезилете, который купил себе еще в начале войны. Я сказал, что орудие работает с нашего поля, и что бьет «ДНР», но было уже бесполезно: он был убежден, что обстреливают его ВСУ. В ту ночь на его улице погиб гражданский, а днем начался высочайший цинизм.

Смерть – лучшая пропаганда. И в Москве это знают. Пока мы всей страной силится дать хоть какую-то «чесну відповідь брехні із Кремля», здесь просто складировать трупы. А больше ничего и не требуется. Стоит кому-то в оккупированном Донецке, Макеевке или Торезе уснуть все еще безразличным ко всем

и всему, а проснуться на улице, с осколками «Града» на кухонном столе, – и в мире адептов «русской весны» опять прибавление. Особенно, если речь идет о смерти близкого вам человека. Нет никаких шансов убедить кого-то, потерявшего за ночь дочь или мать, что это дело рук «ДНР».

Да и что перевесит этот бронезилет? Выпуск «ТСН» на «плюсах», где улыбчивая девочка с дорогим макияжем скромно и сдержанно скажет о том, что «боевики в очередной раз обстреляли жилые кварталы Макеевки»? Вряд ли. Ее здесь никто не услышит. Будем реалистами: этот опыт – опыт ночей на полу – будет подхвачен и отточен Россией, ее лучшими пропагандистами, которые даже не позволят вам усомниться, что направление обстрела – это глубокий тыл «ДНР». Если будет надо, вас убедят, что снаряды упали из Космоса, но ни за что не позволят забыть эту ночь и чью-то смерть. И это совсем не ирония, я знаю, о чем говорю. Человек, спавший в ту ночь в бронезилете, до сих пор перечисляет деньги «ВСДНР» – тем самым «ВС», которые едва не отправили его на тот свет. И это лишь ночь – без смерти отца или сына и со счастливым билетом в виде целого дома, тогда как в ста метрах лежала груда камней.

Случалось ли нечто похожее со стороны ВСУ? Да, такое бывало. Год назад я говорил по телефону с человеком, который прошел Зеленополье: тогда наших ребят «Градами» просто смешали с землей. Этот человек все еще приходил в себя после увиденного и спросил, все ли верят в Донецке, что их обстреливают ВСУ. Я ответил, что таких большинство, и иногда они бывают правы, – но ведь наши бойцы не стреляют без точек и целей. Я был поражен, когда услышал в ответ: «Да ты знаешь, Стас, бывает и так». Поражен честностью и откровенностью офицера, а не тем, что такое случается. Он сказал, что после пережитого психика у многих сдает – и часто не ждут координат из Генштаба.

На каких весах можно взвесить эту войну? «Республиканца», который разворачивает гаубицу в сторону «родного города», одним залпом сжигая чей-то дом и одновременно обеспечивая «пожертвование» от того, кто лежит рядом в бронезилете? Или бойца ВСУ,

на чьих глазах только что разорвало на части его побратима? Когда отдираешь своего лучшего друга от расплавленного БТРа, никто не может сказать, что можно считать аморальным после такого. Выстрел по Донецку из гаубицы без координат? Возможно. Но нас не было там, не было рядом с этими трупами и запахом, который, говорят, не выветривается даже через годы войны. Но так скажут и те, рядом с кем через минуту в Донецке упадет этот снаряд...

На любой войне смерть неизбежна. Но не на многих ей устанавливают памятник и каждый день приносят цветы. В «ДНР» — именно так. Каждая смерть здесь становится гостем эфира: как и покойника, ее омывают, приводят в порядок и делают готовый телевизионный продукт. А потом вспоминают. Изю дня в день, круглосуточно, неделями по каналам LifeNews и «Оплот. ТВ» кружат сюжеты с крупным планом детей в донецкой травматологии, с их матерями, в слезах проклиняющими «украинских нацистов», с трупами в сожженных прифронтовых городах. И на этом все не заканчивается. «Аллея ангелов», посвященная погибшим детям Донбасса, расклеенные по всему Донецку плакаты с улыбочивыми молодыми парнями с гитарой из «бессмертного полка» батальона «Восток», даже березы, высаженные в центральном парке Донецка в память о «павших защитниках Новороссии», о чем говорят гранитные книги-таблички у каждой из них... Все это — уже готовый ответ. Ответ на вопрос, кто в следующий раз лишит вас квартиры, дома, работы, любимых людей. Здесь, в «ДНР», ответ уже знают. Знаем его и мы, те, кто «остался» среди тех, кто «и был».

Возвращаясь к последним, июньским обстрелам, так уж случайно вышло, что они совпали с митингом против нарушения Минских соглашений и вооруженной миссии ОБСЕ. Такие «совпадения» здесь не редкость. Двухлетняя традиция сбора «пожертвованных» не изменилась, и их все еще собирают, подливая масла в огонь. И тем, кому известно о предстоящих встречах в белорусской столице или очередных шествиях в центре Донецка, остается лишь сложить два и два и набрать побольше воды, потому что завтра ее снова не будет. Завтра снова повредят станцию, снова

сровняют с землей пару домов, снова распнут очередного младенца. Потому что именно это — топливо, которым питается эта война. Здесь все четко и ясно. Впрочем, тонкая грань между тем, кому это выгодно, и тем, кто виноват, видна не всегда. Но даже здесь за чертой остается главный вопрос войны.

Иногда меня спрашивают, что бы сказал я, если бы в одном из обстрелов погибла моя мать, которая сейчас работает недалеко от базы «Сомали»? Что, если бы стреляли по базе, а попали в нее, и ее тело в буквальном смысле пришлось бы собирать по частям? Я не знаю, как ответить на этот вопрос. Но одно знаю точно: я бы предпочел, чтобы в этот момент меня не спросили.

«ОСТАВШИЕСЯ»: НЕИЗВЕСТНЫЙ БОСХ В «ДНР»

С егодняшний Донецк — это, без сомнения, картина Иеронима Босха. Во всяком случае, один из её сюжетов, обычно — как наиболее извращённый — притаившийся где-то в углу полотна. Пока вы смотрите на центральный образ и пытаетесь нагромоздить в уме массу оценок и осуждений, от вас ускользает бездна деталей, без которых вся суть не видна. Как для современников Босха его картины были наделены значительно большим смыслом, чем для нынешнего зрителя, — так и общий взгляд на Донецк киевскими глазами куда абстрактнее его приближённой картины.

Вообще, трагедия Босха, конечно, состояла в том, что он не был знаком с Захарченко: человечество потеряло не менее дюжины образов, которые великий художник смог бы воплотить на полотне. Нет, пожирающих человеческую плоть птицеподобных существ сегодняшний зритель в Донецке, конечно, не встретит. Пятьсот лет эволюции homo облекли их в оранжевые очки, короткую стрижку, заправленную в камуфляжные штаны чёрную футболку с надписью «я русская» — и огромные чёрные берцы, в которых это существо гордо шагает по центральным проспектам и площадям. Тут же, рядом с центральной фигурой, можно встретить и многочисленных нищих, сидящих у переходов и парков,

а также вполне прилично одетого молодого мужчину, вынужденного зарабатывать на жизнь пением в городских трамваях местного хита о спящих курганах. Тем удивительнее такой образ, что пение это невероятно напоминает оперное, и голос действительно просто блестящ. На небольшом клочке полотна можно заметить и чёрные «Мерседесы», дам в дорогих платьях с чихуахуа и дым из кальянных, застилающий собой длинный бульвар. Это — рай. Он же — бульвар Пушкина, еще одна часть знаменитого диптиха. Ну а окружает всё это своеобразие сейчас уже редкая канонада, дорогие продукты и люди с пистолетами, шныряющие по городу в поисках врагов народа.

Деталей можно добавить не менее сотни: каждый из нынешних обитателей города расскажет что-то своё. Но вот чего не заметит ни один даже внимательный зритель, смотрящий на картину со стороны, — так это «оставшихся». Их здесь как бы и нет. Наверное, сам Босх изобразил бы их в виде теней загробного мира, призванных оттенять основные сюжеты картины.

Категория «оставшиеся» вообще уникальна: сама по себе война ещё не повод для её появления. Здесь требуется глубокая работа общественной мысли, дабы вырезать из общей глыбы конфликта людей, которые предпочли остаться «на дне», да ещё и сами оказались в этом виноваты. Разумеется, речь идёт не обо всех обитателях нашей картины, если уж и дальше эксплуатировать этот образ. Многие из населяющих сегодня Донецк, Макеевку, Харцызск и другие оккупированные города скажут вам, что нигде они не оставались, — они здесь были всегда. «Те, кто был» = «лоялен Кремлю». Их вы найдёте по всему полотну.

С «оставшимися» другая проблема. Уже само слово «остаться» ставит вас перед выбором, а это означает, что что-то не так. Речь идёт о людях, которые вопреки всему остаются здесь, в оккупации, с украинскими взглядами, продолжая жить среди описанных выше существ. И это далеко не абстракция. Было время, когда поездка в Донецк из Макеевки чем-то напоминала сегодняшнее путешествие из оккупации на материк. На улице Горностаевской, разделяющей Донецк и Макеевку, стоял

укреплённый тяжёлыми плитами пост с десятком вооружённых боевиков. В соседней лесополосе были вырыты окопы и установлен пулемёт. Вокруг стоял гул от «Градов» и тянулись ручейки чёрного дыма со стороны аэропорта. Случалось, что в такой атмосфере вы ехали вдвоём или втроём в фактически пустом автобусе, и на самом блокпосту вас досматривали тщательнее, чем на сегодняшних КПП. Спрашивали всё: пропуск, цель поездки в Донецк, место работы и прочее, совмещая допрос с обыском легковых автомобилей, когда забирали на нужды «республики» даже домашнюю живность и квас. И это при том, что до самого города от центра Макеевки каких-то семь километров.

А самому Донецку в 2014-м позавидовал бы даже Босх: фактически вымерший город с беспрестанной канонадой, закрытыми магазинами и дефицитом еды. Собственно, ехать туда и вправду не было смысла, поэтому летом 2014-го в Макеевке о Донецке ходили легенды не хуже, чем в Средневековье: немногочисленные макеевчане, посещавшие город, с ужасом говорили, что «всем нам ещё повезло». Оставаться в такой атмосфере и вправду способны немногие, и нужно хорошо понимать, ради чего ты рискуешь собой.

Но как бы там ни было, именно на это время и приходится основная волна эмиграции. Или миграции. Тут уж каждый решал сам для себя, как относиться к тому, что он покидает. Некоторые, кто имел семьи с маленькими детьми и просыпался от работы «Града» под окнами, говорили, что это уже не Украина, – и дело не только в войне. Война для этих людей стала следствием блеска в глазах соседей, искренне веривших, что «Грады» необходимы, ибо всего в нескольких километрах стоит «украинский нацист». Тот факт, что орудия били с детских площадок, никого не смущал. Этот абсурд и стал катализатором для первой волны эмигрантов, покинувших «ДНР» ради «большой земли».

Сейчас эти люди говорят, что уже никогда не вернуться обратно. Во-первых, не верят в то, что соседский взгляд хоть немного просветлел. Во-вторых, Донецка для них больше не существует: даже редкие посещения города с целью забрать вещи или перевезти кота убеждают их в том, что украинского здесь ничего

уже нет. В-третьих, два года они создавали реальность с нуля: работа, карьера, жильё, детский сад для ребёнка, новые знакомства и «чистый воздух», как часто описывают идейную атмосферу те, кто бежал от «русского мира» в Киев и другие места. И Донбасса для них больше не существует: идентичность размыта, и им всё равно, в какой точке страны пребывать. Важен комфорт, – и их можно понять.

Слегка оправившись от шока 2014-го, словно бредущие в рай из чистилища, «на материк» собрались вторые – те, кто, прожив в оккупации год, решали, что эта война уже навсегда. И неважно, когда она кончится: объективно картина складывается не в пользу даже ближайших 2–5 лет. Но и потом придётся годами отстраивать заново всё, что разрушено, включая и сами умы. Это работа уже для следующих поколений, а у тех, кто прожил в «ДНР» даже год, больше времени нет.

Наконец, 2016-й наиболее ясно очертил общий контур картины. Сомневающимся почти нет. Есть те, «кто и были», – и те, кто остались несмотря ни на что. Первые – как рыба в воде. Правда, в изрядно протухшей. Это те самые дамы, щеголяющие в футболках «я русская»; те самые «homo soveticus», для которых абстрактный Бандера страшнее конкретных пушек под окнами их домов; те самые нищие и бомонд в «Мерседесах», которые одинаково не чувствуют времени вне и во время войны. С ними всё ясно – они населяют собой полотно.

Но как быть с тенями? С теми, кого в равной степени ненавидят здесь, в «ДНР», – и не понимают на «большой Украине»? В «республике» их считают врагами, и Захарченко то и дело говорит о селекции, о «справедливом подходе» к отбору таких персонажей: одних следует провести через огонь «МГБ», других – «понять и простить».

Но лучше ли дело обстоит в Украине? Вряд ли. Государство забыло о них. Забыло с тех пор, как сказало, что неспособно гарантировать их права и свободы на неопределённый жизненный срок. Тем самым фактически расписавшись в своей импотенции: у вас ещё есть шанс, если вы побежите в 2016-м, как бежали

другие до вас. Но если нет – барабан револьвера и ежедневный щелчок. Бросайте всё и начинайте жить заново – вот единственный возможный ответ. Ответ, за которым страна всё ещё скромно дописывает «но Донбасс – это все-таки Украина». Видимо, для большей иронии, считая Украиной голую степь.

Но, несмотря на двухлетнее «скорей уезжайте», в оккупации есть целая каста людей, которые прожили здесь вот уже больше двух лет, сохраняя украинские взгляды. Последнее само по себе уже чудо: пропаганда «ДНР» работает как часы – безотказно и четко, причём круглосуточно. И только те, кто остался, могут понять, чего стоило пронести здравый смысл сквозь телевизионный ящик «республики». Однако дело даже не в нём.

Наличие таких людей в зараженном теле «республики» – это как пенициллин для страны. Об этих людях не принято упоминать в эфирах ток-шоу и радиостанций: нам проще от них отвернуться, так как ответов в этой плоскости нет. Совсем упрощённо можно сказать, что они сами виноваты, и никто не заставляет сидеть их именно «там», а не «здесь». Это и так, и не так.

Здесь сквозь общие грабли страны просачиваются тысячи судеб, не попадающих под шаблонный ответ. Кто-то здесь, в оккупации – инвалид или пенсионер, у которого нет ни родных, ни близких. Продукты приносят всё те же соседи, поскольку человек уже годами не выходит на улицу, и для него выехать из «ДНР» так же невозможно, как и пойти на «референдум», в котором он по умолчанию виноват, раз всё ещё здесь. Кто-то, в противовес переселенцам, говорит, что это – всё ещё дом, несмотря на гротескность общей картины, и что мы проиграем не в поле, а когда «ДНР» покинет последний, кто жил с «украинской мечтой». Для кого-то неясно, как можно бежать, оставив за спиной 40–60 лет жизни. Да, молодёжь способна на это. Но начать новую жизнь в 60... – есть ли хоть в каком-то законе ответ: как и с чего начинать? Оставить работу, к которой шёл многие годы, которых у тебя уже нет? Или семью, часть которой – по своим, только им понятным причинам – ни за что не уедет отсюда? Навещать жену или брата, словно в зоне, по особо памятным дням?

Часто слышно вдогонку – «за что»? Украинцы здесь не понимают, почему должны бежать из родных городов, когда первым бежало из них государство в виде внутренних войск и спецслужб, с автоматами разбежавшихся от людей, у которых поначалу были только дубинки и камни. А теперь нам предлагают всё тот же рецепт – те же грабли, на которые однажды ступила наша страна? И отказ становиться на них вменяют в вину...

Впрочем, те, кто остались, платят за это не только бытом, но и собственной психикой, душой. Очень удачно это выразил один из дончан, сказавший, что вот уже два года словно обколот новокаином – и перестал чувствовать, что бы ни происходило вокруг. Несмотря на иммунитет к пропаганде, изменения в психике порой необратимы, особенно у молодого поколения, которому лишь предстояло сформировать себя, пока не началась эта война. Апатия и безразличие к социальным процессам, которые были обычно свойственны выходцам из местных степей, сегодня перешли на уровень более ценностный, фильтруя приоритеты от новых айфонов или брендовой обуви к банальному «лишь бы прожить этот день». И эта максима не может не отражаться на людях, когда чужие страдания – лишь проекция собственных, к которым уже безразличен.

Но есть специфика и для тех, кто всё ещё считают себя украинцами. Здесь речь не идёт напрямую о паранойе или необходимости оглядываться каждый раз, открывая подъезд. Но понять то, о чём идёт речь, можно лишь прожив здесь долгое время и выехав хотя бы на день на контролируруемую территорию. Едва пересекаешь блокпост и проезжаешь несколько километров по украинской земле, как со многих тут же скатывается огромный психологический груз, и становится ясно, что в «ДНР» вы находитесь под постоянным давлением. Это принципиально иной психологический опыт. Да, и в Краматорске вас могут ограбить или даже попытаться убить. Но в Донецке всё это норма, и за ней ничего не стоит, если нет связей с людьми в камуфляже. Эту ситуацию хорошо иллюстрирует недавнее разоружение одной из макеевских баз, когда среди бела дня около десятка боевиков

были поставлены на колени двумя десятками таких же бойцов, но с БТРами и гранатомётами. Хозяин базы, чьё помещение сдавалось в аренду, всегда прикрывался автоматами этих парней, решая свои вопросы. Но вот пришли те, у кого есть калибр покрупнее, – и этот человек ушёл в небытие. Одним словом, в оккупации перспектива быть замученным где-то в подвале или попасть под гранатомётный обстрел определяет жизнь и давит на психику даже тогда, когда кажется, что «всё хорошо».

Но вернёмся к пенициллину. Мало кто понимает реальную значимость тех, кто выбрал остаться на «малой земле». Во-первых, за два года на оккупированном Донбассе сложился абсолютно уникальный, замешанный на слепом прагматизме патриотизм. Парадоксально, но то, что заставляло многих из местных бежать от пуль или «Градов», ища слепой практической выгоды, – сегодня заставляет «оставшихся» пребывать всё ещё здесь. Разница состоит лишь в дискуссии о стратегии с тактикой. Бежать в 2014-ом – было тактическим выводом. Но в долгосрочной стратегии лишь сохранение украинской ментальности, способа мысли и приверженности – до абсурда с упрямством, несмотря ни на что – тем ценностям, которые были здесь ещё до войны, – единственный шанс этой земли стать по-настоящему украинской. Ведь украинский флаг однажды уже развивался над этой землёй – и это не помогло. Мы потеряли его не над мэрией или в Славянске, – а, в первую очередь, в наших умах, когда где-то тактично молчали, а где-то не вышли на митинг, посчитав, что всё решится без нас. Этого не случилось. И лишь единицы здесь могут сказать откровенно «я сделал всё, что мог сделать тогда». Да, украинская армия способна теперь отстоять нашу землю, – но не она ответ на вопрос, что делать с курсантами, шагающими сегодня под гимн «ДНР». Этим ответом являются те, кто и дальше растят здесь детей, водят их в «республиканские» школы и ВУЗы и объясняя, что всё это – всего лишь сон. Спят они, а не мы, и однажды им придётся проснуться. И это уже происходит: в трамваях, на лестничных клетках, где всё чаще можно услышать в свой адрес «а в чём-то тогда ты был прав».

Разве это не стоит того, чтобы остаться? Два года ненависти сменились молчанием, а затем – по крупницам – начался диалог. Сплошные возгласы «слава республике» всё чаще теперь разбавляются «да был уже ваш референдум», и это «ваш» – заслуга таких вот «теней». Мы привыкли слишком буквально смотреть на реальность, искренне веря, что всё дело в количестве танков на передовой. Проблемы Донбасса начались здесь, на Донбассе, и здесь же они должны завершиться, как бы банально это порой ни звучало. Это вовсе не значит, что на фронте должны стоять только местные, – но если фронт понимать, как борьбу за умы, то иных антител для борьбы с этим вирусом просто здесь не найти. Именно прописка и два года обстрелов дают право начинать разговор. Иначе вас даже слушать не станут. Остаться и ждать, когда вирус «русского мира» начнёт выдыхаться и можно будет сказать: «Это наша земля». Наверное, с этого (наряду с, увы, необходимой войной) начнется настоящая реинтеграция.

В конце концов, мы не должны позволить и государству отмахнуться от нас, как это было в Крыму. Пока мы всё ещё здесь, пока тысячи украинцев всё ещё борются – разными методами – за возвращение украинского флага, будет политическим самоубийством однажды всерьёз заявить, что там никого уже нет. А это даёт надежду, что однажды голос Донбасса всё же услышат, и он не будет повторять триколор. Полотно ещё не окончено, кисть художника всё ещё в краске, – и только от нас зависит, станем ли мы лишь пятном.

ОРУЖИЕ В ТЕРНОВНИКЕ

Когда-то давно Иосиф Бродский в своем автобиографическом очерке описал одну замечательную вещицу. Это была синяя горизонтальная полоска, которая тянулась по центру стены. Ниже нее шла сплошная зеленая краска, а выше – побелка. И более ничего. «Никто никогда не спросил, почему это так. Никто бы и не ответил». Пройдя через все советские стены – от школьных столовых до фабрик, – позднее этот «пейзаж» стал символом тюрем и подвалов НКВД.

В Донецке такая линия есть и по сей день.

Во-первых, ее действительно можно встретить в подъездах домов середины прошлого века. Рачительные жильцы по-прежнему выкрашивают стены темно-зеленой краской, проводя над ней узкую синюю линию, хотя двери в подъезд уже давно открывают электронным ключом. Но дело, разумеется, не в архитектурных нюансах. Многие из тех, кто выходили на улицы в начале 2014-го, скажут вам, что искренне хотели здесь перемен. Им не нужна была эта линия. Не нужен им был и сине-желтый флаг. Их желания ограничивались чувством нового и эйфорией, за что многие в то время действительно готовы были отдать свою жизнь. Но то, во что сегодня превратились Луганск и Донецк вместе с их немногочисленными «провинциями», – можно назвать своеобразным финалом, даже если сказка о «Новороссии» продлится здесь еще

много лет. Почему? Все очень просто: эта линия стала сплошной. Оккупированные территории, наконец, сбросили все свои маски даже для самых ярых их почитателей, – и в «республиках» началась череда классических тоталитарных репрессий, в которых больше нет ни своих, ни чужих.

Понять, что происходит в среде уголовников, именующих себя «ЛДНР», не всегда могут даже те, кто вышел из этой среды. Периоды театральных премьер и огней филармоний сменяются взрывами на центральных проспектах и тотальными чистками среди тех, кто еще вчера был столпом «русской весны». Донецк в этом смысле начал чуточку раньше Луганска, но вины города в этом нет. «Донецких» слегка подтолкнули: московские кураторы стали закручивать гайки здешним «чекистам», требуя от них результат.

А началось все с очередного покушения на Захарченко, о котором было объявлено 22 августа. Покушение, естественно, провалилось, а виновных так и не нашли. Через два дня, в День независимости Украины, в Донецке прозвучал украинский гимн. Причем прозвучал в двух центральных районах города, включая набережную, где на асфальте была оставлена надпись «Донецк. Украина. 24.08.16». Не успел отзвучать украинский гимн, как 25-го в Донецке прогремел мощный взрыв. Прогремел в «правительственном квартале», как называют сами горожане те территории. В этом районе живет печально известный всем Моторола, а также «вице-премьер ДНР». Но не успели отойти от этого взрыва, как в ночь на 27-е произошел новый «теракт»: на этот раз у «республиканского» военкомата, недалеко от одной из военных баз. Вновь сообщили об устройстве с часовым механизмом. В сентябре тему подрывов военкоматов продолжили Шахтерск и Харцызск, в котором взрывчатку удалось обезвредить. И все это – не считая украинского флага на макеевском терриконе, сине-желтых листовок в Донецке и покрашенных триколоров прямо у здания «МГБ».

Разумеется, должен был последовать хоть какой-нибудь адекватный ответ, симулирующий работу силовых ведомств

«республики». И он тут же был найден. А вот с адекватностью у обеих «республик» всегда был пробел. Сначала главный спикер Донецка, Эдуард Басурин, объявил о террористической группе из трех женщин, одна из которых оказалась сторонницей «русской весны». Затем героически была задержана «диверсионная группа» из малолетних детей, на которых «повесили» все, кроме убийства Кеннеди. Как оказалось, эти дети еще с 14 лет взрывали составы с углем, иномарки бизнесменов, якобы задолжавших украинским спецслужбам, мастерски обращались с различными видами бомб, — ну, а полученные за работу деньги тратили на сауны и проституток.

Такой голливудский сюжет показался здесь недостаточным, и вот уже недавно в Донецке задержали своих. «На подвал» бросили известный в «ДНР» «гуманитарный батальон «Ангелы» вместе с его лидером, Алексеем Смирновым. Человек этот прославился не только своими «гуманитарными» подвигами, но и сюжетом, который был снят им в расположении уже забытого «ОСПН Троя». Тогда Смирнов утверждал, что Захарченко и руководство «республики» вполне благоразумны, и разговоры о вывезенных в черных мешках «тройках» — полная ложь. И вот теперь г-н Смирнов сам одной ногой в этом мешке.

Обвинения «ангелам» от «МГБ» удивительны: незаконное ношение оружия и использование фиктивных удостоверений. При том, что с этими «правонарушениями» «ангелы» разъезжали по «ДНР» уже многие месяцы, и никому в голову не приходило задерживать их. И вот теперь Алексей искренне кается и призывает всех граждан сдавать в «МГБ» «даже патроны».

Но вершина репрессий в Донецке еще не взята. Все дело в том, что билет «на подвал» готовятся выдать совсем уж потрясающему персонажу. Речь идет о недавно переданном по обмену пленными Евгении Косяке, чья фамилия в Донецке становится нарицательной. И действительно: не успел человек снять наручники СБУ и вернуться в родную «республику», — как тут же был объявлен «украинским националистом», с требованием на «парламентской сессии» «ДНР» «найти, арестовать и привлечь к суду».

Такую нелюбовь к Косяку подытожил один из «парламентариев», заявив: «Мы обменяли сотрудника СБУ на сотрудника СБУ». Как выяснилось, г-н Косяк в свое время арестовывал Павла Губарева, о чем тот, где-то с задворок истории, высказался в своем блоге. Тоже, кстати, перемолотый «ДНР» персонаж. Тонкая синяя линия продолжает свой путь.

Не отстает в деле репрессий и «ЛНР». Здесь «курс молодого чекиста» пошел по ускоренной программе, и за неделю решили похоронить сразу всех. После самого таинственного госпереворота в истории Плотницкий начал массовые чистки, для которых действительно есть ряд причин. Как однажды справедливо заметил один из дончан после посещения Луганска: «У меня вообще такое ощущение, что в «ЛНР» по сравнению с «ДНР» каменный век: люди ходят с дубинами, а власти нет никакой». Отчасти это соответствует действительности. Те из россиян, кто воевал в Донбассе в 2014-м и 2015-м и имел возможность принять участие в боях в обеих «республиках», рассказывают, что в «ЛНР» был хаос в чистом виде. Если разрозненные банды Славянска, Макеевки и Донецка еще связывал хоть какой-то общий командный центр и стратегия, — то в «ЛНР» зачастую на один город приходилось по 3–4 казачьих группировки, не подчинявшихся никому. Эта модель осталась «ЛНР» по наследству, в 2016-м, когда уже, казалось бы, установлена четкая вертикаль.

Вовремя выдав билет всем своим оппонентам — кому в РФ, а кому на донецкое кладбище, — Захарченко сумел сформировать жесткую военную диктатуру, оставшись в Донецке фактически единоличным «царем». Плотницкому повезло меньше. Он еще в 2015-м погряз в бесконечных войнах с местными казаками без серьезной опоры в тылу. Кроме того, имеет значение и антураж. В «ДНР» — при всем мраке 1937-го — то и дело устраивают выставки, работают театры, филармонии, открываются новые рестораны. Все это сосредоточено на небольшом клочке в центральном Донецке, но людей здесь пытаются хоть как-то отвлечь. За подстриженными газонами и высаженными розами не сразу замечаешь темно-зеленый оттенок НКВД.

В Луганске все по-другому. Город и сама «ЛНР» окончательно погрузились во тьму советских времен с нищим даже «партийным» руководством и традиционно недовольными казаками, которым надоело отстреливать бродячих собак. Нужно ли удивляться, что время от времени недовольных зачищают под видом «угроз государственного переворота»? Ну, и совсем уж никого не волнует, что «круг лиц», назначенных виновными, по официальной версии готовил переворот еще с 2014 года, встречаясь друг с другом на протяжении двух долгих лет...

Одним из первых в немилость попал Алексей Карякин, теперь уже бывший «глава парламента ЛНР», объявленный в Луганске в розыск. Он успел «воспользоваться личным оружием» и скрыться. Впрочем, недалеко: по некоторым данным, он уже задержан ФСБ в Ростове. Вслед за ним ко дну пошел товарищ Цыпкалов, советник Плотницкого, повесившийся, «осознав тяжесть совершенного преступления». Показательно, что в одном из крупнейших сепаратистских пабликов выложили пост одного из боевиков, где тот рассказывает об избиении до смерти «раскаявшегося» советника перед тем, как на него надели петлю. На свет божий вытащили живого и молчаливого Виталия Киселева, известного в «ЛНР» не только допросами украинских пленных, но и фирменной кепкой чекиста с красной звездой. Вытащили только для того, чтобы показать, что он жив, — но арестован, как и «глава МВД ЛНР» товарищ Корнет. «На подвал» бросили и Дениса Колесникова, занимавшего в «ЛНР» пост «главы комитета по вопросам законодательной деятельности». Но ведь так всегда и бывает, когда сажаешь в один вагон уголовников и «политических»: финки и заточки по-прежнему определяют будущее «ЛДНР».

И все было бы ясно, если бы не одна небольшая деталь: из Донецка в Луганск для чего-то отправили «Спарту» во главе с Моторолой. И это при том, что в распоряжении Плотницкого — 2-й армейский корпус, который уж точно в состоянии справиться с парой десятков не вполне патриотичных людей. Здесь версии две.

Согласно первой, «донецкие» еще со взрыва Плотницкого в его же авто, вбивают кол в «ЛНР», и были бы не против

«добровольной помощи республике», в перспективе заняв пустой трон. И, отправляя Моторолу в Луганск, а также проведывая Плотницкого в больнице, Захарченко просто пускает пыль в глаза, на самом деле рассчитывая однажды занять его место. Не случайно, сразу же после покушения на «главу ЛНР», последняя подняла волну в интернет-СМИ в духе «Саша, забери нас к себе!», имея в виду Захарченко и вхождение «ЛНР» в «ДНР». Но такой исход событий маловероятен по той простой причине, что и Плотницкий, и сам Захарченко — всего лишь марионетки, и их замена возможна лишь с отмашки Кремля. В случае же форс-мажора — вроде гибели Игоря Венедиктовича — в Москве уже наверняка готова кандидатура на его замену, как и на случай смерти Захарченко.

Скорее всего, прибытие «Спарты» в Луганск объясняется проще: полнейшая неспособность управлять даже теми, кто стоит за спиной, привели Плотницкого к тому, что он больше не может доверять никому, включая собственные, подчиненные ему подразделения. Отсюда — страх, тотальный террор и аресты, в которых сегодня погряз и Луганск.

Что же имеем в итоге? Есть такая легенда — о птице, которая поет лишь раз в своей жизни. Она покидает родное гнездо «и летит искать куст терновника и не успокоится, пока не найдет. Среди колючих ветвей запеваает она песню и бросается грудью на самый длинный, самый острый шип». И, согласно легенде, лишь тогда эта песня становится самой красивой на свете. Но реальность как всегда прозаичнее: покинуть страну и найти острый шип оказалось возможно. А вот вместо песни у Донбасса получились лишь стоны и крик.

«ПРАЙМЕРИЗ» В ОККУПАЦИИ: КАК ЭТО БЫЛО

В воскресенье на территориях, контролируемых группировками «ДНР» и «ЛНР», проходило то, что лидер луганских сепаратистов Игорь Плотницкий уже извинительно назвал «не совсем нашим словом». Речь, конечно же, идёт о «праймериз». Как это было в Донецке – вполне могу описать, поскольку и сам участвовал в этом «театре абсурда».

Я пришёл на один из избирательных участков, чтобы посмотреть, что вообще там происходит. Во-первых, могу сказать, что, к моему большому сожалению, люди там всё-таки были. Хотя я наивно полагал, что после двух с половиной лет надувательства под названием «ДНР» хотя бы с «выборами» уже всё понятно. Кроме того, приблизительно за месяц до «праймериз» весь Донецк был оклеен листовками с призывом не пропустить это событие.

Эти листовки клеились на окна и двери ресторанов, ими оклеивали общественный транспорт, дома, магазины. И я знал, как ненавидят владельцы квартир и заведений весь этот театр. Именно поэтому думал, что никто не придёт.

Оказалось иначе: в половину третьего дня на участке в одной из донецких школ я насчитал 15 человек. Правда, специфика была в том, что все они были пенсионерами. В холле школы дежурила полиция, и были развешены программы так

называемых «кандидатов». Но интерес здесь скорее представляли не программы, а сами «кандидаты», которые выглядели как «братки» из «лихих 90-ых». Естественно, голосовать я не собирался, меня интересовал совсем другой вопрос. Поскольку прописка у меня не донецкая, я спросил, могу ли я вообще голосовать здесь. Мне тут же ответили, что могу, и для таких случаев у них предусмотрен резервный список. Специфика списка состояла в том, что вы сами же его и формируете. Поскольку за «резервным» столом никого не оказалось, мне сказали самому записаться и ждать. Через пару минут вышел какой-то паренёк, посмотрел мой паспорт и, даже не взглянув на то, что я там ему записал, выдал мне три бюллетеня. Я зашёл в кабинку, немного там постоял, после чего бросил в урну пустые бюллетени.

Но на этом самое интересное только начиналось.

Приблизительно через час после этого я оказался в другом районе Донецка, поблизости от ещё одного избирательного участка. Ради любопытства я зашёл и туда. И что бы вы думали? – Да, и там я тоже смог «проголосовать». Причём на этом участке, возле которого я даже не живу (не говоря уже о прописке в паспорте), всё было совсем печально. Во-первых, контингент избирателей там был ещё старше. Это были старушки под 70, которым в полутьме коридоров пытались что-то объяснить о написанном в бюллетенях. Во-вторых, здесь у меня даже не проверили паспорт: я просто назвал адрес поблизости, расписался и получил бюллетени. И так можно было бы «голосовать» целый день.

Почему? Потому что всё очень просто: никого вообще не интересуется, за кого вы собрались голосовать. Здесь не может быть никаких подтасовок просто потому, что подтасовано уже всё, давно и заранее. И даже те показательные дебаты, которые были устроены накануне между действующим так называемым «мэром» Донецка Мартыновым и его оппонентом, – это просто пыль в глаза. Здесь экзамен был в другом: это был тест на адекватность дончан спустя два с половиной года тотального цирка. Тест, который они, на мой взгляд, в очередной раз провалили.

ПРОПАГАНДА НА ДОНЕЦКИХ УЛИЦАХ

Сегоднешний Донецк визуально представляет собой слепок сплошной пропаганды. В каком бы районе города вы не находились, вы наткнётесь хотя бы на один рекламный щит, который будет прославлять либо группировку «ДНР», либо её руководство. Наибольшее число пропагандистских элементов находится в центральном, Ворошиловском районе города. Здесь сосредоточены основные места отдыха дончан, а также заведения, которые посещают лидеры боевиков.

Сама пропаганда имеет двоякую направленность. С одной стороны, это культивация советского прошлого, особенно связанного с победой во Второй мировой войне. По всему Донецку до сих пор расклеены плакаты с лозунгами к 9 мая, а также Дню освобождения Донбасса. При этом проводится параллель между сегодняшними боевиками и бойцами, которые защищали эту территорию в 40-х годах прошлого века. На огромных плакатах, порой занимающих целые высотные здания, высятся фотографии советских солдат, которые обнимают своих жён. И тут же, несколько ниже, такой же сюжет, но уже с местными боевиками. И подпись: «Победили тогда – победим и сейчас». На некоторых зданиях можно встретить граффити с вооруженными мятежниками, которые дарят цветы детям, либо держат их на руках.

Вторая ветвь пропаганды связана уже с нынешним временем, самой группировкой «ДНР» и с Россией. В Донецке на многих зданиях – российские триколоры, а в центре города ещё недавно были плакаты «Спасибо, Россия!», в которых благодарили за «гуманитарный груз». Остальное информационное поле отведено уже под саму «ДНР». Рекламные щиты прославляют лидера сепаратистов Захарченко – здесь выстроен целый культ, так как ни один из руководителей боевиков больше не занимает рекламных площадей. Кроме того, повсюду размещена информация о достижениях промышленности, счастливых семьях и студентах, которые рекламируют учёбу в местных «ВУЗах».

Но есть и привилегированные участники пропагандистской гонки, вроде подразделения «Оплот». Теперь такое же название носит и «общественное движение». На одном из бывших студенческих общежитий в самом центре Донецка вывешен огромный рекламный баннер боевиков «Оплота». Место, в котором он вывешен, вообще можно назвать «стеной пропаганды», так как слева от баннера находится реклама «Феникса» – местного интернет-провайдера и мобильного оператора боевиков. А справа – еще одна часть пропагандистской мозаики. Здесь размещён портрет Олеся Бузины с датой его смерти со словами «...для победы нужно быть не только правым, но и сильным». Для большего эффекта слова эти закрашены красным, что должно имитировать кровь. По поводу Бузины могу сказать, что появление его портрета в центре Донецка для самих дончан стало большим сюрпризом, так как многие здесь просто даже не знали о нём. А те, кто слышал его имя, вряд ли понимали, за что, собственно, его убили и какие взгляды он исповедовал.

РЕАЛИИ ОККУПАЦИИ: ХАРЦЫЗСК

Жизнь на неподконтрольной территории можно сравнить со светом тусклого фонаря. В самом центре вы ещё можете обнаружить яркость и даже разнообразие. Но чем дальше от источника света, тем более он рассеивается, и становится всё темнее. Достаточно отъехать на несколько километров от центра Донецка, в котором действительно много работающих кафе, ресторанов, театров, – и вы получите совершенно иную картину. Эта картина будет складываться из звуков пулемётных очередей, разбитых дорог, воронок от мин и очень бедно одетых людей.

И чем дальше от центра, тем ситуация ещё более печальна. Харцызск лишь открывает периферию депрессивности и заброшенности, которая уходит вглубь неподконтрольных территорий. Хотя в чём-то город копирует Донецк. Центр в километре от автовокзала – достаточно спокойный и чистый. Население Харцызска и до войны было небольшим, а после её начала город опустел, и жизнь здесь сосредотачивается вокруг небольших «островков», вроде местного ДК или супермаркета «Обжора». Некоторые из жителей даже иронично называют бывшее «АТБ», а ныне «Первый республиканский» «центром мира».

Но отдалённые районы Харцызска представляют собой стагнацию в чистом виде. Причём речь идёт не только об экономике:

ввиду обилия промзон Харцызск стал сплошной военной базой, в которой боевики держат свою технику и личный состав. Это же отражается и на местном населении: часть мужчин в таких посёлках, как «Коммунист», уходит в незаконные вооружённые формирования, где хоть что-то платят. Остальные просто пьют и сдают остатки того металлолома, который ещё не вырезали сами боевики. Большая часть промышленных предприятий здесь либо разграблена, либо работает в половину мощности. Местные говорят, что, к примеру, на «Харцызском трубном заводе» – некогда одном из мощнейших предприятий Донбасса – в октябре выплатили зарплату лишь за июль. Если вы пройдёте по городу, то среди объявлений практически не найдёте предложений о трудоустройстве: большинство объявлений посвящено выезду в Российскую Федерацию, Крым, а также оформлению пенсий на неподконтрольной территории.

Очень красноречиво о положении Харцызска говорит местный железнодорожный вокзал. Из 15 путей сейчас активно используются только два. Причём на первый приходит едва ли не единственная здесь электричка – «Ясиноватая-Иловайск», всего с четырьмя вагонами. А второй занят товарным составом с местным углём. Вот только вагоны в этом составе – российского производства, и уголь также предназначен для вывоза в Россию. Так, на вагонах с харцызским углём можно прочесть «РЖД. Собственник открытое акционерное общество «ВЗБ-Лизинг». А дальше идёт номер телефона с кодом Москвы.

Но куда больше впечатляют остальные железнодорожные пути, а они не пустуют. Здесь размещено более десятка пустых ржавых железнодорожных составов украинского производства. Причём дно некоторых из вагонов проржавело до дыр, так что уголь туда в принципе невозможно насыпать. Собственно, и насыпать нечего, так как большая часть шахт закрыта. А тот минимум угледобычи, который ещё удаётся сохранять в оккупации, уходит новыми вагонами в Российскую Федерацию.

ЦЕ СОЛОДКЕ СЛОВО «ВІЙНА»

Війна на Донбасі якнайкраще демонструє ті кілометри підземних тунелів, які існують сьогодні в політичній реальності нашої країни. З одного боку, є зовнішній ворог, що окупував частину території України. Тільки-но Україна намагається демонструвати найменші рухи в бік євроінтеграції, рана, що ледь затяглася, знову починає кровоточити.

Такою бачиться зовнішня фабула цієї війни.

А всередині все набагато прозаїчніше. Проза життя дає тут про себе знати через пишномовність слів про патріотизм і національні інтереси. Але на ділі виявляється, що єдина вілла в Донецьку, яку не зайняли, належить Рінатові Ахметову, котрий уже давно затаврував «республіканців» ганьбою, але ледве уникнув строку за фінансування бойовиків. У регіоні, де кожен третій пенсіонер вижив узимку завдяки пакункам із харчами від «гуманітарного фонду», відчувши на собі всю «любов» і «турботу» від блокади офіційної влади, вже не здається все таким очевидним і викачані гроші з промислових свердловин цілком можуть спрямовуватися однаковою мірою як на кулі, так і на рис.

Тут ненавидять Порошенка й такою самою мірою «поважають Ріната»; тут можна зустріти «диванних вождів», які знають усі шляхи до перемоги, і звичайних людей, які мовчки перераховують із Донецька 50 грн на армію. В умовах блокади тут досі комфортно

почувається український виробник, а ще в 2015-му на полицях лежали свіжі цукерки ROSHEN.

Якщо в 2015-му сюди просочувалися лише «обрані», то під кінець 2016-го в «ДНР» через українські блокпости тоннами завозять сири, соки, шоколад, кетчуп та іншу продукцію. У донецьких «Амсторах» у великій кількості можна побачити соки «Садочок» і Sandora, на яких зазначена та сама українська адреса виробництва: Миколаївська область, Жовтневий район, село Миколаївське. А ось ціна на українські соки вже зовсім не українська: літр «Садочка» стартує від 73 руб., літр Sandora – 50 грн за місцевим курсом. Не відстає й український шоколад. Переважно в супермаркетах Донецька можна натрапити на торгові марки «Корона» й Milka. Виробнича адреса на шоколаді «Корона» – Тростянець Сумської області. Вартість 20-грамової молочної шоколадки без наповнень – 48 руб. Це одна з найдемократичніших цін. Загалом шоколад тут мало хто може собі дозволити, оскільки українська продукція з наповнювачами (на кшталт горіхів чи родзинок) потягне до 150 руб. за плитку.

Якщо ви проїдетеся донецьким «Амстором», то побачите кілька видів українських сирів. Серед них «Пирятин», «Добряна» й «Шостка». Поряд із ціною в дужках вказана країна виробництва – Україна. А от штрих-код стоїть не український. Тобто номінально ви купуєте українську продукцію, але проводиться вона не як з України. У випадку з ковбасами іноді навіть ставиться український штрих-код, а на етикетці вся інформація зазначається лише українською мовою. Але 90% виробників з окупованої території.

Найприбутковіший сегмент української контрабанди в окупації – ювелірні вироби. При цьому будь-який виріб продається з двома бирками: «вироблено в Україні» та двоголовим орлом із написом «міністерство фінансів ДНР».

Словом, війна на Донбасі нагадує радше випадковість, покривало, під яким і далі відбуваються бізнес-процеси, що пов'язують окупований регіон із «великою землею».

Проте якщо місцеві «князьки» та нечисті на руку українські політики зацікавлені у війні як дрібних преференціях і хабарах,

то наполегливе розтягування «мінської гуми» нагорі не може не наштовхувати на думку про вигоду крихкого миру для Банкової. Розуміючи, що питання Криму всерйоз вдасться порушити не раніше, ніж помре «господар Кремля», що Росія не піде з Донбасу й де-факто продовжить над ним свій контроль, президент і його оточення наполегливо переконують нас у неминучій користі мінських папірців. У самій «ДНР» ті папери то називають «актами іноземної держави», то оголошують про власне їх трактування.

Річ у тім, що коли у свідомості суспільства присутній зовнішній ворог, відбувається консолідація здебільшого саме на ненависті до нього, переносячи агресію зі внутрішніх проблем та їхніх джерел на зовнішній подразник. І, хоч як парадоксально це прозвучить, якщо такий «зовнішній ворог» не використає максимуму «все або нічого», навзамін нагадуючи трохи відкриту рану, його присутність всередині держави може бути цілком виправдана логікою самих правлячих еліт. У такій ситуації завжди можна кивнути в бік фронту, скинувши в окопи тарифи, дороги, курс долара, що повзе вгору, і навіть корупцію, яка після Майдану стала сприйматися ніби як особисто, нагадуючи про сотні смертей. Але війна психологічно переважає все, коли навіть з уст крайніх правих за всього їхнього невдоволення нинішньою владою чути репліки «зараз не час відкривати другий фронт».

І справді, зараз не час. Але парадокс у тому, що невизначеність із Донбасом намагаються перетворити на закономірність, привчаючи суспільство до думки, що 30 годин із Донецька до Києва, холодні ночі в полях, хабарі та бійки на блокпостах, час від часу загибель бійців – усе це норма, з якою треба змиритися. І, можливо, ця війна вже давно віддає не тільки запахом «руського міра» та бурятських онуч, а й містом Липецьком із його безневинною «Подільською Стрілою».

РАДІО СВОБОДА
18 листопада 2016

ГДЕ ОТДЫХАЕТ ЭЛИТА ОККУПИРОВАННОГО ДОНЕЦКА

Современный Донецк принято рассматривать как город обстрелов и разрушений. От огня в основном страдают южные и северные окраины. Трудовские, Октябрьский, Ветка, Старомихайловка, аэропорт. Но есть и обратная сторона города. Донецк можно рассматривать не по воронкам от мин, а по новым «Мерседесам» и джипам, припаркованным в определённых местах. В городе существует негласный список ресторанов и клубов, в которых проводят досуг высокопоставленные боевики и донецкая «золотая молодёжь». Как правило, последняя также связана с так называемой «ДНР»: это либо дети всё тех же боевиков и политического руководства, либо владельцы ресторанов и их друзья, которые тесно связаны с местной элитой.

Первое место в этом списке может занять ресторан «Пушкин» на одноимённом бульваре, рядом с которым находится проспект Маяковского. Знаменит этот проспект тем, что, кроме запрещённого здесь проезда, на нём располагается администрация лидера группировки Захарченко «ДНР», из-за чего на улице круглосуточно дежурят четверо вооружённых боевиков. Двое из них как раз и наполняют панораму ресторана, если смотреть

на улицу из окна. Впрочем, гостей это не смущает, так как в «Пушкине» ужинают исключительно люди из различных министерств группировки «ДНР». Не так давно мне довелось общаться с одним из представителей ОБСЕ в гостинице Park Inn, которая находится буквально в ста метрах от «Пушкина». Как выяснилось, ресторан не посещает даже ОБСЕ, поскольку живая музыка и салат из сырного ассорти за 1200 рублей негласно считаются достоянием именно местных чиновников.

Кстати, о ценах. «Пушкин» – слишком дорогой ресторан даже для местных мажоров. Так, ризотто с креветками обойдётся в 1400 рублей или 540 гривен, тартар из тунца – в 950 рублей, греческий салат – 375 рублей, а обычный винегрет – 364 рубля (это 140 гривен). Чашка эспрессо будет стоить 75 рублей, а горячий шоколад – 310 рублей. Учитывая цены, за ужин элита Донецка оставляет от 800 до 3 тысяч рублей (или сумму от 300 до 1100 гривен).

На условном втором месте открытый не так давно ресторан «Клод Моне» – так назывался и ресторан в русском сериале. Донецкий же «Клод Моне» уже успел сменить полный состав персонала. Всё дело в том, что первоначально довольно демократичные цены в меню быстро сменились заоблачными для большинства горожан. Из-за чего возник отток клиентов и прибыли. «Клод Моне» наряду с «Пушкиным» – едва ли не единственные заведения, которые выдержаны в классическом западном ресторанном интерьере и выглядят очень эффектно. Видимо, отсюда взяты и цены. Греческий салат здесь будет стоить уже 250 рублей или около 100 гривен, фуа-гра – 850 рублей, мясные блюда – в пределах 500-600 рублей, ну а 150 грамм рисового гарнира – 125 рублей или 50 гривен. При том, что килограмм риса в Донецке стоит 40 рублей.

К ещё одному знаковому месту можно отнести бар Golden Lion, в котором традиционно отдыхает руководство так называемого «министерства финансов ДНР». Заметить обитателей закрытых кабинетов несложно: в таких случаях у входа припаркованы два чёрных джипа с одинаковыми украинскими номерами,

а по периметру, включая чёрный вход, выставлены четверо до зубов вооружённых боевиков. Цены здесь несколько ниже, чем в «Пушкине». Так, одним из самых дорогих блюд являются тигровые креветки за 540 рублей (это чуть больше 200 гривен), а также салат из морепродуктов за 590 рублей. Чашка эспрессо обойдётся в 54 рубля или 20 гривен.

Наконец, центром отдыха «золотой молодёжи» является ресторан «Барберри», сочетающий в себе клубные элементы, вроде кальяна и ди-джея. Салат с огурцом и помидором здесь стоит 175 рублей или почти 70 гривен, «Цезарь с креветками» – 495 рублей, фуа-гра – 750 рублей, блюдо с сырами – около 600 рублей (это 230 гривен). Если же вы захотите обычную стограммовую нарезку из болгарского перца в качестве дополнения к блюду, то это обойдётся в 150 рублей или 60 гривен. Располагается «Барберри» в самом центре бульвара Пушкина и возле него всегда припаркованы только дорогие иномарки с российскими или местными номерами образца так называемой «ДНР».

ДОНЕЦК: ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО «ОТЖАТЫМ» МЕСТАМ

На сегодняшний день Донецк, как и другие неподконтрольные Украине города на Донбасе, фактически превращён в одну сплошную военную базу – часть административных построек города теперь переоборудованы под казармы и места размещения главарей боевиков. Список присвоенных и приспособленных под военные нужды объектов в Донецке открывает мясокомбинат, давно попавший в новостные сводки благодаря своей «фирменной» колючей проволоке. Центральный вход мясокомбината, а также прилегающая к нему автостоянка обтянуты по периметру проволокой и приспособлены для военной техники, а также для легковых авто самих боевиков. Склады, находящиеся позади мясокомбината, всё ещё функционируют, и именно здесь работает значительная часть тех, кто предпочитает мирную работу грузчика опасной жизни военного наемника.

В центральном же, Ворошиловском, районе города просто Клондайк для военного гида. Во-первых, примечателен проспект Маяковского, который перекрыт с обеих сторон, и на который запускают лишь авто так называемых «министерств». Здесь находится «администрация» Александра Захарченко, лидера

контролируемой Россией группировки «ДНР», которую охраняют четверо вооружённых боевиков за шлагбаумом. Проход разрешён только с левой стороны проспекта, если двигаться к бульвару Пушкина.

Часть улицы Розы Люксембург, на которой находятся общежития Донецкого университета, также ещё недавно была перекрыта. Здесь стояли бетонные плиты, военные «Уралы», и находился военный блокпост. Тогда как сами здания общежития университета были отданы под казармы. Не так давно проезд здесь освободили, убрав блокпост. Однако здания всё ещё используются наемниками, о чём красноречиво говорит расписанный в триколор первый этаж одного из зданий.

По проспекту Богдана Хмельницкого находится присвоенное сепаратистами здание Донецкого Национального технического университета, в котором сейчас располагается «Академия внутренних дел» так называемого «МВД ДНР». Здесь же, по соседству, на проспекте Ватутина, находится и элитный новострой, квартиры в котором не так давно были отданы особо отличившимся пророссийским боевикам. В одной из квартир должен был жить «Моторола» (убитый недавно взрывом в лифте боевик «ДНР», гражданин России – ред.).

Поднимаемся выше, на Университетскую 54-а, и видим присвоенный боевиками отель «Оптима», на территории которого стоит БТР. Сам отель оснащён теперь КПП со шлагбаумом и дежурным. По некоторым данным, гостиница частенько принимает у себя россиян. Не отстаёт от «Оптима» и «Виктория» – ставший известным ещё с 14-го года отель. Сейчас у его въезда располагается один из самых серьёзно оборудованных КПП, на котором досматривают все авто, заезжающие на территорию отеля, а находящиеся здесь наемники – в касках, бронежилетах и с автоматами Калашникова. В самой «Виктории», по неподтверждённым данным, останавливаются российские кураторы группировки «ДНР».

ПОГРУЖЕНИЕ В ВОЙНУ

Обычный парень, с хорошей улыбкой. На вид – чуть больше двадцати, с загоревшим лицом и кровоподтеком под ногтем – частой травмой у местных работяг. Это Андрей, житель Макеевки. До войны он подпевал «Бумбоксу» и работал на стройке. В 2014-м начал слушать «Русский русскому помощи» и переделся в камуфляж. Но улыбаться с тех пор он стал реже.

Его друг Сергей, как и Андрей, был таким же обычным рабочим, столь же не искусственным в политике. Летом 14-го взял автомат и попал в Иловайск. С тех пор Сергею снятся кошмары. Позже к ним присоединился их общий знакомый – Антон. До войны он успел отсидеть и вышел в аккурат ко времени, когда Андрей и Сергей уже готовились отправиться в отряд «Беса». Антон еще успел немного хватить рабочей жизни после отсидки, но быстро сообразил, что бесплатная еда, выпивка и «калаш» – выгодная альтернатива пакету мелочи, выдаваемому на шахте. В 14-м бумажных купюр почти не осталось, и многие шахтеры получали остатки зарплаты грудой монет. Выглядело это эффектно, но на жизнь не хватало. К тому же шахтеры то и дело оставались без вентиляции на глубине полкилометра из-за обстрелов. Поэтому Антон охотно пополнил ряды защитников «русского мира».

Затем к этим троицам прибилось еще около дюжины человек, все с похожими судьбами, некоторые – с «криминалом» в биографии. Сражаться «за идею» собирался только Андрей. Остальные воевали за выпивку и еду, а позже – за деньги. Многим просто импонировало амплу «солдата удачи» (Сергею, например, очень нравились военная форма и дорогой длинный нож). Всех их несло одним общим потоком, в котором смешались рассказы родителей о «великом Союзе» с фильмами «Брат» и «Брат-2». Форс «реальных пацанов», воспитанных на традициях, густо замешанных на тюремной романтике, подталкивал к драке, хотя они и не вполне понимали, за что. Российская пропаганда и русские танки ускорили выбор. Они отправились «защищать» внезапно возникший «народ Донбасса».

Из дома, в котором жил Андрей, за оружие взялся 21 человек. Часть осела у «Беса», часть – у казаков, некоторые в составе разных подразделений попали под Донецкий аэропорт. Были и те, кому повезло, они прописались на окрестных блокпостах и беззаботно «отжимали» домашнюю живность, которые местные везли из Макеевки в соседний Донецк.

Военная романтика развеялась быстро. Из 21 новоявленного защитника «русского мира» к декабрю 2016-го только трое продолжают держать в руках оружие. Одни уволились, другие дезертировали, третьи упокоились на кладбище. Кто-то живет однодневными заработками, кто-то побирается по знакомым, многие пьют горькую. На «русский мир» им теперь наплевать. Как и до войны.

Сергей ушел на гражданку сразу после боев за Иловайск. Он поменял свой любимый нож на билет до Анапы, где добросовестно чистил бассейны. Но не прижился – вернулся в Макеевку. Пару недель жил смутными мыслями о вояже в стреляющую Сирию, но в итоге очутился в придорожном кафе, с облегчением поменяв автомат на шампуры. Антон продержался дольше, и его уход из рядов «рыцарей «новороссии» был эффектным: в очередном увольнении он напился до такой степени, что пришел в себя лишь на третий день. Позвонив комвзводу, обнаружил, что уже числится

дезертиром и может к месту службы не являться. Впрочем, «на подвал» его бросать не стали, махнули рукой, не один такой.

Андрей уже почти год как работает грузчиком, сменив 17 тыс. рублей военной зарплаты на 10 тыс. рабочей. Перед тем из отряда «Беса» перекочевал в «республиканские» силовые структуры. Он был из тех немногих, местных и пришлых, кто грезил великой малорусской страной. Осенью 14-го Андрей, чью форму украшала нашивка с флагом «новороссии», все еще с улыбкой убеждал меня, что они вот-вот возьмут Мариуполь. А потом выйдут к границам Донецкой области и станут ждать. Ждать, когда в Запорожье проведут «референдум», и можно будет войти и туда...

Но прошел год, и в своем подразделении он оказался последним из «старой гвардии». Оставшиеся в живых идеалисты увольнялись один за другим. Вчерашние «герои» превращались в грузчиков и охранников в погонах. Они сторожили виллы людей из окружения Захарченко и регулярно разгружали составы с боеприпасами, приходившие из «великой» России в «новую». Со словами «я не за это шел воевать» Андрей уволился из рядов «ВС ДНР». Теперь он разгружает не снаряды, а колбасу.

А на место его и таких, как он, приходят новобранцы. Те, кого привлекает форма, автомат с подствольником, длинный дорогой нож, возможность «отжима». И, разумеется, стабильный заработок. Для многих – единственно доступный. Особенности экономики «молодой республики» обеспечивают кадровый ресурс ее армии.

После ухода на гражданку Андрей, кажется, стал ненавидеть все украинское еще больше. Но почти так же сильно он и такие, как он, ненавидят Захарченко и его окружение. Когда спрашиваешь о «республике», вам откровенно ответят: не стали бы воевать за то, во что превратилась эта война. «Моя страна – это Россия, – твердит ставший неулыбчивым Андрей. – Не может быть, чтобы так было всегда. Когда-нибудь мы все равно должны стать частью России. Будет большая война».

В возвращение «большой войны» верят и многие «коренные имперцы», вернувшиеся домой, но мечтающие о возвращении

в Донбасс. Боец бригады «Пятнашка», известный боевик Александр Васин около месяца тому написал в социальных сетях: «Уже более полугода продолжается недовоейна, на которой нам нет места. Наши места идейных ополченцев заняли охотники за деньгами. (...) Бородай правильно сказал, что нам пора уходить, но уходить не навсегда! Война не окончена, мы уходим, чтобы прийти, прийти тогда, когда Украина пойдет вперед, и все эти охотники за деньгами побегут во все стороны. Вот тогда мы и вернемся...».

Упоминание Бородая – неслучайное. Именно он курирует «Союз добровольцев Донбасса», куда входят и многие члены «Пятнашки», подразделения, в котором процент выходцев из России (съехавшихся на войну отовсюду – от Абхазии до Крайнего Севера) был едва ли не самым высоким. Именно Бородай вместе с Гиркиным, Безлером, Пургиным и Ходаковским играют роль своеобразной «оппозиции», постоянно критикующей Захарченко и его окружение, обвиняющей руководство «ДНР» в «предательстве идеалов». Поэтому враждебность и подозрительность «лидера республики» к немногочисленным сохранившимся «идейным» в рядах «ВС ДНР» объяснима. «Вождь» ныне крайне непопулярен среди ветеранов. Но угрозы власти подобное недовольство не несет. У местных чекистов всегда есть способ закрыть рот недовольным.

Тех, кто бредит «большой войной» и мечтает вернуться в окопы, в России, похоже, больше, чем в самих «молодых республиках». Здесь большинство уже наелось войной. Но в «ДНР» всегда найдут, кого одеть в камуфляж. В донецких маршрутках постоянно встречаешь курсантов в новеньких шинелях с блестящими золотыми пуговицами. Их глаза сверкают, как пуговицы – от гордости, что теперь они – курсанты военных лицеев «ВС ДНР», наследники героев обороны «республики». Это те, кто придет на смену Андрею и таким, как он.

Их путь в строй начинается с флага и герба «республики» в холле каждой из школ. Иногда атрибуты «молодых государств» размещают повторно и на других этажах, чтобы, как выразился один из местных учителей, «не забыли, пока поднимутся

на второй этаж». Их путь начинается со стенда «Выпускники школы – герои ДНР». С «урока гражданственности», с «пяти-минутки», посвященной дню георгиевской ленты. С учебной программы, в которой – ничего, связанного с Украиной, даже география заканчивается Донецкой областью. С поощрительной поездки в Москву, Санкт-Петербург или Ростов (регулярные рейсы учащихся организуются еще с 2015-го). С конкурсов «Лето Господне» и «Русский медвежонок». С соревнований по стрельбе и военно-патриотических игр, во время которых опытные старшие товарищи (иногда – в инвалидных колясках) расскажут, как правильно нажать на спусковой крючок.

Так по нитке шьется эта шинель с фальшивыми золотыми пуговицами.

Многие из тех, кому сегодня 15 лет, завтра легко станут в строй. Убежденные, что пополняют ряды «самых достойных», как убеждают их учителя в школах и динамики в торговых сетях.

Никто не знает, кем они станут послезавтра. Разочарованными неулыбчивыми грузчиками. Или «грузом 200» в новеньких «разгрузках» с георгиевской лентой.

«ДЗЕРКАЛО ТИЖНЯ»

28 грудня 2016

ДОНБАСС-2017: ТРИ СЦЕНАРИЯ

Аналитическое прогнозирование украинской действительности превратилось сегодня в одну из разновидностей хобби: это одновременно и сложно, и невероятно легко.

С одной стороны, переменные такого анализа используют в своих прогнозах как политики, так и рядовой «житель» социальных сетей, фактически перетасовывая их, как колоду карт. С другой – результат, как правило, не так важен, как сам процесс: отчасти последний даже определяется первым. Такой парадокс стал возможен лишь потому, что прогноз в Украине превратился в отдельный вид заработка, а конгломерат экспертов становится едва ли не особой социальной прослойкой.

Однако простота заканчивается там, где начинаются блокпосты. Надписи «ЛДНР» означают не только отсутствие основных прав и свобод, опасность для жизни, – но и неопределенность будущего, где переменные меняются с такой скоростью, что спрогнозировать завтра порой не легче, чем разобраться в том, что было вчера. Но попытаемся все же выделить три сценария возможного будущего оккупированных территорий, оценив их вероятность, исходя из нынешнего положения дел.

Прежде чем перейти к самим сценариям, следует ответить на вопрос о том, кто сегодня наполняет собой оккупацию. Что касается социального среза, то он довольно прост: в большинстве своем

это представители рабочего класса. Общеизвестно, что интеллигенция Донбасса преимущественно мигрировала в другие регионы страны с началом сепаратистских волнений. Речь идет не только о преподавателях и учителях, но также и о журналистах, писателях, музыкантах, ученых, которые вполне прочно закрепились в столице и крупных областных городах. Правда, в оккупации тут же были созданы некие суррогаты, вроде «Союза писателей ДНР», которые заняли места прежних участников интеллектуальных процессов.

Более сложен и важен идейный портрет. Несмотря на расхожее мнение, он не столь однозначен. Неоднозначности, как ни странно, ему добавляет сама «ДНР». Идейный мотив «Новороссии» от Одессы до Харькова окончательно канул в Лету. Объединение «ЛНР» с «ДНР» в нечто единое – менее популярная, но присутствующая здесь мысль – нереально в свете того, что ни одно из квазиобразований не вышло к границам, в которых мыслит себя. Стало быть, и объединять нечего. Ощущение себя частью «великой России» хоть и медленно, но уходит вслед за самой «Новороссией», то есть – в небытие. Постоянные заявления министра Лаврова о принадлежности Донбасса к Украине, а также отсутствие российского гражданства все больше убеждают вчерашних «республиканцев» в той самой «зраде», на которую так любят ссылаться по ту сторону блокпостов. Гордиться «молодыми республиками» как таковыми вообще не приходится: тотальная коррупция, цинизм и воровство оккупационной власти заставили махнуть рукой за кухонными столами даже тех, кто еще недавно возил колбасу с самогоном в казармы своим сыновьям.

Таким образом, рядовой обыватель оккупированного Донбасса – это обиженный настоящим житель советского прошлого, которое нет-нет да и блеснет в привычных митингах и очередях. Это отнюдь не открытие. Интересно другое. Едва речь заходит о возвращении в Украину, – первое, на что соскальзывает мысль таких людей, совсем не «нацисты». Это – тарифы. Иными словами, бродящий в лабиринтах трехцветных флажков обнаруживает вполне торговый склад мысли, в котором первое место будет – «за сколько?», а не – за «кто?»

Не следует сбрасывать со счетов и тот факт, что те, кто остались, – прожили худшее здесь. По разным причинам эти люди не покинули территорию, даже когда фронт пролегал прямо через дома. Вряд ли это можно отнести к чисто идейным мотивам: скорее, речь идет о том, что намного тверже любой из идей.

Наконец, есть здесь и те, кто вернулся. Эти люди представляют собой отдельный срез общества, еще более укорененный в местной реальности, чем «старожилы». В отличие от последних, вернувшиеся дважды начали новую жизнь: когда решили оставить все в оккупации, – и когда пришлось бросить все уже там, с той стороны блокпостов. Возвращение назад – не менее вынужденная мера, чем бегство отсюда. В большинстве своем эти люди все еще исповедуют идеи единой страны, хотя энтузиазм здесь быстро сменяет прагматика – и уже через полгода их с трудом отличишь от рядового «мне все равно».

Таков общий портрет среднего класса. Теперь перейдем к буржуа. За последние годы донецкий истеблишмент серьезно сменил свой фасад. «Arber» теперь стал тельняшкой, «носочок» – георгиевским крестом. Целые лабиринты тоннелей из дизайнерских студий и спа-салонов, выводивших к областной администрации и далее, в глубь частных закрытых поместий, – вдруг рухнули. А на их место – с таким трудом пробиваясь сквозь ливень снарядов – пришли те, у кого был приклад. Эта простая вещица – одновременно и символ донецкого бизнеса, и инструмент дипломатии. Любой вопрос отныне вращается вокруг пресловутого «на подвал». Эта же схема обеспечивает и принадлежность к «элите». От прошлой – «донецких» – ее отличает две вещи: калибр орудий и списки. Те самые, в которых мелькает «от 7 до 15 лет». Парадокс, но именно это обстоятельство заставляет «элиту в тельняшках» не обращать внимания вообще ни на что. Зная, что пути назад нет, вчерашние люмпены грубо и жестко разделили и порезали все, что раньше строилось на тончайших связях и переговорах за высоким забором, – вроде того, что до сих пор белеет на донецком «Дубке». Отныне все в городе принадлежит если не Захарченко, то его жене. Если

не жене – то «Ташкенту». Если не «Ташкенту» – дальше по списку... Члены «Народного Совета», «МГБ», полиции, комендатур, администраций – все, кто составляют современную ткань донецкой «элиты» – так или иначе «засвечены» в различного рода списках. И для этих людей пути назад нет.

А теперь, собственно, о сценариях.

СЦЕНАРИЙ 1. БОЛЬШАЯ ВОЙНА.

Тот случай, когда достоверный прогноз практически невозможен. На сегодняшний день положение в «ДНР» таково. Военный штат фактически укомплектован, хотя и идет постоянный набор. Техника заходит в разы реже в сравнении даже с летом 16-го, но идет постоянный приток боеприпасов и ГСМ. Оккупированная территория превращена в одну сплошную военную базу, в которой достаточно техники с личным составом для полноценных активных боев. Не будем забывать и о бесконтрольной границе с РФ, через которую в любой момент может зайти все что угодно. Но силовой вариант все же разбивается о логику цифр: последние события на Светлодарской дуге показали, что для выхода к административным границам Донецкой области с захватом всех контролируемых ВСУ городов потребуются переступить даже через моральный рубеж предыдущих двух лет и опустить планку потерь до уровня кампаний Чечни. А возможно – и ниже.

Кроме того, нужен серьезный повод. Таким поводом могло бы стать признание независимости «ЛДНР» со стороны РФ, с последующим включением их в состав России. В этом случае законодательная логика Федерации пришла бы к мысли о том, что ныне подконтрольная ВСУ территория – часть России и оккупирована Украиной. И за нее пришлось бы вести войну. Не в последнюю очередь именно эти соображения служат аргументом в пользу того, что такого признания со стороны РФ никогда не будет.

Но если бы это произошло, мы бы, несомненно, увидели новый эмоциональный подъем. Те, кто уже три года блуждали между непризнанным статусом и украинским паспортом, снова бы вспомнили об «особом пути русских», который теперь

действительно приобрел бы ясные очертания кремлевской звезды, а не донецкого флага. Полномасштабная война стала бы шансом и для тех «ветеранов», которые сейчас прозябают в местных барах и кабаках, равно как и для тех добровольцев РФ, которые покинули Донбасс еще в начале 16-го.

А вот для «элиты» настали бы не лучшие времена. Никто так не боится войны, как мечтающий о взятии Киева, он же – Захарченко и компания. Все дело в том, что все эти люди обросли тепличным жирком из потока финансов, который удастся сейчас иметь со статуса-кво. Война для «элиты» означает неоправданный риск – свое они уже получили. Ни Гиви, ни Захарченко, ни «Ташкент», ни Кононов не заинтересованы в том, чтобы менять теплые кабинеты с «отстегнутыми» пачками денег за налаженную контрабанду и бизнес на влажный, холодный окоп. Но выбора у них здесь не будет: издержки подводной лодки, с которой, как известно, далеко не уйти.

СЦЕНАРИЙ 2. ВЫБОРЫ.

Еще менее вероятный вариант, чем большая война. Постоянная риторика Захарченко о «молодом государстве» с подписью в Минске в качестве представителя ОРДЛО даже в Донецке вызывает ухмылку: всерьез этого персонажа не воспринимает никто. Очевидно, что указ из Москвы за сутки может превратить гибрид кареты и тыквы окончательно в овощ – и в «республике» всем объяснят, что нужно собраться на митинг. Теперь уже за то, что так удачно остановили «братоубийственную войну». В общем, «ЛДНР» в данном случае не проблема: люди здесь привыкли ходить строем. Выйдут и в этот раз.

«Проблема», а на деле – единственная надежда – это гражданское общество, которое лишь зарождается в нашей стране. Допустить участие в выборах (пусть и по украинским законам) представителей ОРДЛО – еще больший сюрреализм, чем прямой штурм Мариуполя. Сложно себе представить, как можно переиграть в этом вопросе Москву, которая загнала отечественную дипломатию в тупик. Ведь с одной стороны – тысячи жертв,

положенных за то, чтобы такие персонажи, как Захарченко с Гиви, никогда не имели отношения к нашей стране. Разве что в качестве ее заключенных. А с другой – сотни танков, «Градов», десятки тысяч военных, которые наполняют оккупированный Донбасс и служат аргументом для «прямых переговоров с представителями Донбасса».

Как бы там ни было, легитимация ОРДЛО в рамках украинского законодательства совершенно точно будет проглочена местными со вздохом показательного облегчения «окончания мук». А максима об «особом пути русских» будет ждать своей следующей «русской весны», когда подрастет поколение тех, кто три года ходил в лицеистских шинелях. Без финансовой поддержки Москвы даже та буря негодования, которая поднимется в этом случае среди местных боевиков, очень быстро пойдет на спад. Собственно, произойдет ровно то, что произошло и в 14-м: всем предложат перекраситься в другие цвета. А особо идейные будут вынуждены искать себя на просторах «великой России». В практическом отношении для местного военного контингента вряд ли что-то изменится – за исключением вывода регулярных войск обратно в РФ. Все остальные в этом случае сменили бы только название, попав под амнистию.

Но главным камнем в ботинке была бы все же «элита», которая ежедневно раздражала бы глаз. Сложно себе представить, кем в случае выборов станут Захарченко, Гиви, «Ташкент» и прочие персонажи. Но попадание их в украинский политикум может справедливо считаться самым крупным разочарованием в нашей стране за все 25 лет.

СЦЕНАРИЙ 3. НЕ ИЗМЕНИТСЯ НИЧЕГО.

То, что, скорее всего, и произойдет. И дело даже не в «безальтернативности Минска», который и означает колючую проволоку на десять и более лет. Дело в том, что не менять ничего – здесь оптимальный вариант для всех. Мы уже знаем, как ощущает себя здесь «элита», творящая в «ЛДНР» беспредел. Этим людям не нужны перемены: они на самой вершине, и любое движение

будет означать движение вниз. А направление влево и вправо не так уж и важно.

Местные? Что ж, за два с половиной года войны патриоты из тех, кто остался, и сами в большинстве уверены в том, что «ЛДНР» – это уже навсегда. Все остальные давно нашли себя в качестве жителей тех территорий, которым в Википедии посвящают отдельный раздел. В редкие дни пробуждения, когда приходится стоять на морозе по восемь часов, они могут вспомнить, что живут в придуманном мире, которого не существует на карте. Но в остальном – все закончится, едва через посты провезут колбасу.

Военные? С обеих сторон идет миллионная контрабанда. Для следующей эволюционной цепи предусмотрены очереди: здесь можно пожить чуть меньше, но все же. А Светлодарск возникает всего раз в году. Даст Бог, пронесет.

Политики? «В країні війна»: именно так часто объясняют тарифы, дороги, курс доллара. Все это в окопах, – ищите, мол, всё где-то там. Да и ручьи контрабанды берут начало где-то в столице, прежде чем стать целым морем здесь, на войне.

Остальная страна? Война давно стала личной и живет в домах тех, чьи близкие на передовой. Для остальных украинцев Донбасс возникает не чаще, чем сюжет ТСН. С потерей Донецка смирились, как смирились с потерей Крыма, о возвращении которого в ближайшие годы не рискнет заявить ни один серьезный эксперт.

Возможно, где-то есть и четвертый вариант под названием «чудо». Но в заглавии сценариев – всего три.

ГРУППИРОВКА «ДНР» И РЕЛИГИЯ

Религиозная составляющая в войне на Донбассе проявляет себя на протяжении всего конфликта. Надо сказать, что к концу 2016-го религиозные мотивы среди боевиков отошли на второй план и не носят такого тотального характера, как это было в 2014-м. Здесь достаточно вспомнить, что именно в 2014-м на одном из макеевских блокпостов боевиков, известном как «4/13», к столбу была прибита икона Христа, и на этом же блокпосту стоял один из моих знакомых. Примечательно, что человек этот стоял в наушниках, в которых слушал исключительно западный рэп. Но в кармане у него была одна из иконок, которые взводу «казачков» раздал местный священник во время освящения их автоматов.

Православие, как известно, в среде «казачества» играет особую роль, и те, кто ещё вчера работали в шахтах, а сегодня недели папахи, были вынуждены совмещать привычный для местных рэп с иконами Богородицы.

Но такой эклектикой дело не ограничивается. Несмотря на спад религиозной пропаганды в местных СМИ, православие Московского патриархата по-прежнему считается одним из столпов так называемой «борьбы против фашизма». Достаточно сказать, что в редкие визиты Захарченко в Свято-Преображенский

собор в центре Донецка в храме останавливается служба, если главарь группировки «ДНР» не заявляет о своём визите заранее.

Такой пиетет является взаимным, и в самой группировке «ДНР» Захарченко обещал жёстко бороться с сектантами, к числу которых отнёс и буддистов. Так, главарь группировки, которая в Украине признана террористической, заявил, что для него есть всего четыре конфессии: «Я православный, хожу в церковь, для себя считаю, что единственная церковь для человека, который верит в Бога, — это Московского патриархата... Признаю 4 основные конфессии — это православие, это римо-католицизм, это мусульманство и это иудаизм». Брошенный «на подвал» известный украинский учёный Игорь Козловский первоначально обвинялся как раз в создании «радикальной религиозной группировки», которая якобы угрожала безопасности «ДНР». Но потом об этом говорить перестали.

Но пропаганда «русского мира» среди оставшегося здесь духовенства всё же ведётся. Я бываю в церкви не часто, но на Пасху мне уже дважды — в 2015-м и 2016-м — приходилось слышать в проповеди священника о «священной борьбе», которую «ведёт наш народ против врага». Всё это говорится невероятно расплывчато и абстрактно, но стоящие вокруг люди в камуфляже довольно чётко дают понять, к кому обращены эти слова и кто в стенах этой церкви враг.

Хотя некоторые из священников позволяют себе говорить прямо. К их числу относится известный как на Донбассе, так и в целом в русском православии протоиерей Андрей Ткачёв, чьи вечерние проповеди на телеканале КРТ до войны имели большую популярность в регионе. Хорошо образованный богослов в одно мгновение стал говорить о настоящей и ненастоящей, то есть — нынешней, по его мнению, Украине и призывать верующих терпеть те испытания, которые пришли с началом Майдана. Сам Ткачёв ещё летом 2014-го переехал в Москву.

КАК БОЕВИКИ ГОТОВЯТ ДЕТЕЙ ДЛЯ НЕЗАКОННЫХ ВООРУЖЕННЫХ ФОРМИРОВАНИЙ

В группировке «ДНР» создана мощная система так называемого «военно-патриотического» воспитания молодёжи, которая воспитывает детей в духе идеалов «русского мира» и ненависти ко всему украинскому. Работа эта проводится на всех уровнях образовательного процесса. Однако существует ряд заведений, которые целенаправленно готовят новые кадры для военных структур группировки и фронтов.

К их числу относится лицей-интернат с усиленной военно-физической подготовкой имени Берегового, который сейчас находится под юрисдикцией так называемого «министерства обороны» группировки «ДНР». В лицей зачисляются юношей после 9-го класса, готовят кадры для пополнения рядов незаконных вооружённых формирований.

Надо сказать, что на подобного рода военные образовательные учреждения средства действительно выделяются — даже в сравнении с уже сформированными военными частями, где зачастую не хватает необходимого. Детей же обеспечивают питанием, новой формой и активно воспитывают в духе «антифашизма», то и дело приглашая ветеранов Второй мировой и проводя параллели между вермахтом и ВСУ.

Здесь же проводятся балы лицеистов, одетых в белую форму с ремнями георгиевской расцветки и советской звездой на пряжке. С осени 2016-го лицей был реорганизован путём присоединения к ещё одному военно-образовательному учреждению — «Донецкому высшему общеобразовательному командному училищу» («ДонВОКУ»).

«Часть молодёжи уже практикуется на блокпостах по особо памятным дням»

Так называемое «ДонВОКУ» — это следующая ступень в идеологической обработке молодёжи группировки «ДНР». Курсантов этого училища в последнее время можно встретить в большом количестве по всему Донецку, и их число только растёт. Что неудивительно, так как для местных это что-то вроде Суворовского училища, и поступить в «ДонВОКУ» пытаются даже из группировки «ЛНР».

К тому же здесь готовят кадры для будущего командного состава боевиков по четырём направлениям: разведка, танковые войска, пехота и отделение замполитов. На сегодняшний день выплачивается денежное пособие в размере около полутора тысяч рублей. А по завершении обучения выпускники получают звание лейтенанта. Идеологическая обработка здесь уже на порядок выше, так как речь идёт о тех, кто в будущем сам станет обрабатывать новых новобранцев для борьбы с мифическим «украинским нацизмом».

Наконец, одним из наиболее закрытых является и так называемая «академия министерства внутренних дел» группировки «ДНР», которая расположилась в «отжатом» корпусе бывшего Университета информатики и искусственного интеллекта. Здесь, кроме будущих прокуроров и полицейских, готовят и кадры для так называемого «МГБ ДНР». Учатся здесь по протекции от тех, кто уже занимает серьёзные должности в группировке «ДНР».

В «академии» готовят не просто руководящие кадры для всей полицейской системы, но и обучают методам допроса и получения информации. Что гарантирует приход новой смены тем, кому сейчас по 17-20 лет. Часть молодёжи отсюда уже практикуется на блокпостах по особо памятным дням, когда в группировке «ДНР» особенно ждут приезда украинских диверсантов и шпионов. В таких случаях опытным чекистам помогают вчерашние дети.

«Я ВОЕВАЛ»: СУДЬБА ТЕХ, КТО ПОКИНУЛ РЯДЫ ГРУППИРОВОК НА ОККУПИРОВАННОМ ДОНБАССЕ

Конец 2016-го для многих из местных, кто принимал участие в боях на Донбассе в рядах незаконных вооружённых формирований, ознаменовался и концом их военной «карьеры». Так называемые «ветераны» «Новороссии», как многие из них сами себя называют, в большинстве своём покинули ряды боевиков и вернулись к привычной мирной жизни. Однако причины, побудившие их уйти «на гражданку», а также дальнейшая судьба далеко не однородны.

Летом 2014-го в ряды боевиков вступила почти вся мужская часть нашего дома в Макеевке в возрасте от 20 до 40 лет. Причины такого поступка были различны. Кто-то находился на самом социальном дне, не имея никакого заработка. Кто-то верил в идеи так называемой «Новороссии» от Одессы до Харькова. Кто-то хотел лёгкой наживы, которую в то время обеспечивал автомат. В общей сложности в ряды боевиков тогда вступило больше двух десятков мужчин – и почти все они продержались в рядах незаконных военных формирований больше года.

Но уже к концу 2015-го многие стали покидать ряды сепаратистов. Некоторые из числа тех, кто прошёл самые горячие точки, вроде Донецкого аэропорта и Иловайска, откровенно

заявляли, что война превратилась в средство заработка тех, кто попал на самый верх. И воевать за обогащение Захарченко или «Гиви» они не намерены. Некоторые были недовольны отсутствием увольнений, маленьким заработком и пустым прозябанием в холодных частях. Так или иначе, из двух десятков людей к началу 2017-го в рядах боевиков остаются лишь трое. Один из этих троих продолжает службу в одном из танковых батальонов, откуда не собирается уходить даже после тяжёлого ранения. Этот человек – один из немногих, кто ещё верит в идеи «народных земель». Двое других наполняют ряды так называемой «республиканской гвардии», которая сегодня превратилась в «потешные войска»: на передовой её члены бывают крайне редко, в основном выполняя декоративные функции на различного рода митингах и торжествах.

А вот социализация тех, кто пришёл «на гражданку», проходит куда болезненней. Так, один из моих знакомых, который был награждён «медалью» ещё при Безлере, сегодня вынужден работать простым грузчиком и откровенно говорит о том, что после работы на гаубицах погрузка фур просто невыносима. Кроме того, он постоянно срывается на своих родственниках, обвиняя их в том, что им нет никакого дела до того, что ещё недавно в него летели ракеты. Психологическое привыкание к мирной жизни в таких случаях часто протекает болезненно.

Немногим отличаются от него и другие бывшие боевики. Кто-то после увольнения из «армии» уехал чистить бассейны в Россию, кто-то устроился в местную шашлычную, кому-то повезло больше – и он попал в «МЧС». Но в большинстве своём эти люди продолжают вести асоциальный образ жизни в родном районе, пропивая те гроши, которые удаётся им заработать так называемыми «шабашками» на местных стройках.

«BACK IN THE U.S.S.R.»: СОВЕТСКАЯ ТЕМА В ДОНЕЦКИХ КАФЕ

В так называемой «ДНР» очень популярен тренд советского прошлого. Он обнаруживает себя в системе образования, в пропаганде, в дизайне продуктовых упаковок. Не отстаёт в этом смысле и сфера услуг: некоторые кафе и рестораны Донецка активно используют советскую тему для привлечения своих посетителей. Другие пытаются привлечь клиентов нестандартными надписями, которыми пестрит, например, кафе «Гурман» на бульваре Пушкина. «Приуныл? Прибухни!» — так звучит его лозунг, известный уже многим дончанам.

К числу же «советских» заведений относится кафе-бар с недвусмысленным названием «Наша Родина СССР», который находится недалеко от «Южного» автовокзала. Однако кроме самого названия и вывески в кафе не говорит ничего о советском прошлом: интерьер ничем не примечательный, равно как и меню.

Куда более экстравагантно выглядит кафе «Оливье-80», которое находится в подвальном помещении по улице Гурова.

Попадая сюда, сразу же окунаешься в атмосферу советского прошлого. Официанты одеты в специфичные для советских времён рубашки с застёгнутым на верхнюю пуговицу воротником; стены украшают бюсты Ленина, фотографии советских актёров,

грамоты советских времён, а также репродукция портрета Иосифа Сталина.

На одном из столиков стоит телефон эпохи 60-ых, рядом с которым находится газета тех же времён со статьёй о ленинском декрете. Стол назван «столом партийного работника» благодаря нескольким четверостишиям, посвящённым советской эпохе. А сам стол сделан в виде советской швейной машинки.

На противоположной от стола стене висят коньки, аккордеон, шашечная доска с приклеенными к ней шашками, а также находятся полки с советскими книгами и чёрно-белыми фотографиями. Одной из самых эффектных вещей кафе является бордовое знамя с профилем Ленина и надписью «Под знаменем марксизма-ленинизма, под руководством коммунистической партии вперёд, к победе коммунизма!».

Такая же стилизация сохраняется и в уборной, стены которой оклеены советскими газетами, а под потолком протянута верёвка с прищепками, на которой висят якобы только что полученные чёрно-белые снимки.

А вот меню в большинстве своём довольно разнообразное и не перенасыщено советскими атрибутами. К ним можно отнести лишь водку под названием «Золото Жигулей», компот и клюквенный морс, огуречный лимонад, «медовик из СССР» и, конечно же, оливье, которого здесь целых 6 видов: с лососем, креветками, курицей и прочими продуктами. Наиболее дорогим является «оливье «де люкс» с филейным лососем, порция которого стоит 230 рублей или чуть больше ста гривен.

Музыкальное сопровождение также далеко не советское. В «Оливье-80» звучат в основном западные исполнители, такие как Милен Фармер. Во время моего посещения публика здесь была небедной, и при мне за соседним столиком заказали несколько видов того же оливье с бутылкой шампанского, которое официант принёс в ведёрце со льдом. В целом сервис достаточно высокого уровня, и специфического советского хамства здесь не найти, равно как и качества советского общепита: блюда в «Оливье-80» действительно вкусные.

КУПЛЮ БИВЕНЬ: ВЫВЕСКИ ОККУПИРОВАННОГО ДОНЕЦКА

Война на Донбассе очень часто граничит с бизнесом и в рекламной сфере. Из концепции «русского мира» вышел ряд брендов, которые теперь используются как в пропаганде, так и в коммерции. К таковым относится магазин «Блокпост» в одном из центральных районов Донецка, который активно использует военную тематику не только в названии, но и в оформлении помещения: сам магазин окрашен в цвет камуфляжной сетки. Однако ассортимент товаров здесь не имеет ничего общего с войной: это, в основном, продукты, а также корма для животных.

Популярная в Донецке советская тема находит отражение в целом ряде продукции так называемой «ЛНР», которая использует дизайн советской упаковки. К числу таких товаров относится молоко, сливочное масло и мороженое. А недавно к ним присоединился ещё и сахар.

Бренд «народный» используется на неподконтрольных территориях не только в качестве названий самих так называемых «ЛДНР» и местных газет, но и в названиях гастрономов и даже пластиковых окон.

Тема так называемого «исконно русского» находит себя в закусных и кафе, таких, как «Рассея» и «Теремок» – с атрибутами русского самовара и плюшек.

Здесь же «русский мир» преломляется и в религиозную плоскость, но уже на грани коммерции с идеологией: на месте одного из бывших блокпостов боевиков в Макеевке до сих пор прибита к столбу икона Христа с надписью «С нами Бог».

Похожее изображение можно встретить и на флаге «Союза ветеранов Донбасса «Беркут», который располагается возле здания бывшей донецкой администрации.

Здание же самой администрации по-прежнему «украшает» надпись «Россия», а рядом находится указатель, к которому, помимо улиц, сепаратисты прикрепили ещё и табличку «Киев 777 км», по аналогии с указателями «Берлин» во Второй мировой.

Однако уже чуть ниже, у Крытого рынка, религиозная тема становится исключительно коммерческой, и здесь в большом количестве продают имперские флаги России с надписью «Мы русские. С нами Бог».

Советское прошлое вернулось в Донецк и с возвращением названия «гастроному «Москва». До занятия Донецка сепаратистами на месте гастронома располагался магазин импортной одежды.

Особое место занимает атрибутика на авто, которая сочетает в себе надписи «спасибо деду за победу», георгиевские ленты, наклейки с флагом так называемой «ДНР», и даже недавно ставший популярным бренд «работайте, братья». Эта фраза принадлежит российскому полицейскому Магомеду Нурбагандову, погибшему от рук боевиков группировки «Исламское государство». Однако в так называемой «ДНР» из неё сделали символ сопротивления ВСУ, а перед своей гибелью с этой надписью успел сфотографироваться Моторола, – и теперь её можно встретить даже на заднем стекле донецких такси.

Пропаганда группировки «ДНР» использует практически всё возможное пространство для продвижения своих идей. Так, на рекламных щитах часто встречается надпись «У нас нет нацистов, которые чувствуют себя хозяевами страны».

Пропаганда распространена даже на остановках общественного транспорта. Например, остановка «Ганзовка» на границе

Макеевки и Донецка украшена триколором и надписями «Донецкая республика» и «Молодая республика».

Отдельным брендом в сфере торговли стал так называемый «знак качества» от инициативы «Народный контроль», члены которого занимаются проверкой качества продукции в торговых сетях, магазинах и на рынках группировки «ДНР». Надо сказать, что «Народный контроль» – едва ли не единственная организация в оккупации, которая действительно качественно выполняет свою работу, не обращая внимания на жёсткую оккупационную вертикаль и связи владельцев торговых точек. Множество магазинов и рынков Макеевки и Донецка неоднократно подвергались жёсткой проверке от «народных контролёров». При этом теряли клиентов, а иногда и закрывались. Впрочем, сами рынки в группировке «ДНР» уже давно «национализированы» и стали «дочерними предприятиями» так называемого «государственного предприятия «Рынки Донбасса».

Наконец, в последнюю неделю Макеевку и Донецк вплоть до отдалённых районов – буквально усеяли одним и тем же объявлением, которое можно встретить в некоторых местах через каждые 10 метров. С учётом общего положения в оккупации, звучит оно просто как шутка, сообщая о готовности выложить приличную сумму за покупку рогов сайгака, бивня мамонта, клыка моржа и рога носорога. Откуда у местных жителей могут оказаться все эти «вещи», сложно судить. Однако с учётом масштабов распространения объявления – его автор действительно верит в успех.

«ДЗЕРКАЛО ТИЖНЯ»

31 березня 2017

КРЫМСКИМИ ТРОПАМИ?

«**О**ни исключили нас из своего общества, – а мы создали свое, более прочное. И оно функционирует» – говорит один из героев известного фильма «13 район. Ультиматум».

Фильма, который местами невероятно напоминает то, во что превратилась сегодня территория под названием «ДНР». Зона, где полевых командиров сжигают, днем могут выстрелить в здание из гранатомета, бесправие перед черными номерами «ДК» – и редкие автоматные очереди уже во время комендантского часа. Прибавьте сюда крупный калибр и блокпосты – и вы получите украинский вариант фильма Пьера Мореля, с эпиграфом «Добро пожаловать в ад». Однако важно другое: как и в кинокартине, большинству в ОРДЛО нравится, что их все дальше уносит от официального центра страны.

На 17-й год многие патриоты в оккупации возлагали большие надежды в части решения вопроса с ОРДЛО. После заявлений Турчинова о «переломном 17-м» казалось, что наша власть, наконец, проявила жесткость позиции и не только больше не отдаст ни метра украинской земли, но и собирается вернуть то, что уже отняли. Где именно ожидали спасительный «перелом» – на полях или в Минске – сложно сказать. Но его ждали. Безосновательные надежды всегда берут верх над основательным тупиком. Но вот проходит чуть более месяца – и все разворачивается в обратную

сторону. Кроме так называемой «интеграции ЛДНР» в пространство РФ, о которой сейчас не говорит только ленивый, очертилась еще одна тема этой войны – юридическое определение того, с чем же мы имеем здесь дело.

Парадоксальность позиции украинской стороны не может не вызывать удивления. Оставим в стороне то, что важность юридического определения неконтролируемых территорий стала проясняться лишь на 4-й год войны. Однако национальная мысль блуждает от категории «оккупанты» – до «террористов», «гибридных войск» и «эффективного контроля». Разумеется, каждый «эксперт» в украинском сегменте Facebook ответит, что нет в ОРДЛО никаких террористов, а есть оккупанты, о чем, к слову, говорят и участники «гражданской» блокады, требуя принять в парламенте соответствующий законопроект. Кажется, в этих вопросах национальная истерия дошла уже до каких-то пределов, когда приходится слышать «каждое сказанное слово по Vodafone – это пуля в наших солдат. Не пользуйся продукцией оккупанта!» Чем кровь от угля краснее крови от украинского сыра – остается не ясно. Блокада (ее официальный вариант) – тактический шаг, который без полноценной стратегии – такая же ошибка, как и отсутствие этой стратегии. Нельзя начинать блокаду лишь потому, что там стоит Гришин (Иванов, Петренко), – и продолжать ссылаться на «Минск».

Впрочем, все это лирика. Есть и более предметный вопрос: если Россия – страна-оккупант, то почему наша официальная дипломатия всеми усилиями в Гааге ведет риторику о терроризме? Ответ очевиден: потому что – АТО. Но о какой блокаде тогда мы ведем речь? Почему для соцвыплат требуют справки, об отмене которых уже прямо говорит нам ООН? Киев заявляет, что не может гарантировать соблюдение прав человека в ОРДЛО, параллельно соглашаясь, что делать это обязан; общество требует «оккупантов»; президент под давлением соглашается на блокаду, пока его дипломаты доказывают «терроризм». Мы не можем ответить на элементарные вопросы, касающиеся важнейшего события новейшей истории нашей страны, – где-то здесь и берет начало тот

хаос, когда нужно купить 10 справок, чтобы получить украинскую пенсию, живя в «ДНР».

Впрочем, юридический хаос перекрывается в ОРДЛО хаосом реальным. Тема «многоуровневой интеграции», о которой тут сейчас модно говорить и которая стартовала после блокады и признания «паспортов», снова развернула умы местных к формуле «Россия нас не бросит!». Это, пожалуй, главный негативный фактор: в нашей стране постоянно включается калькулятор – и вся рефлексия умещается в товарный вагон. Всем наплевать, что скажет о государстве тысяча человек, которые, прожив 3 года под «эффективным контролем», лишились работы и которым стыдно наутро смотреть в глаза голодной семье. «Переезжайте, бросайте дома, школы, ВУЗы» – предлагает Украина. Неизвестность без сроков и дат. «Ждите. Все скоро будет. Украина окончательно отказалась от вас» – говорят в «ДНР».

Каждому известно, чем больше прилагаешь усилий, чтобы выбраться из болота, тем сильнее в нем утопаешь. «ДНР» часто сравнивают с болотом, но мало кто замечает, что увязнуть в нем помогает именно украинская власть. В итоге любые проблемы, которые Киев пытается создать «ЛДНР», оборачиваются лишь большей интеграцией местных в систему. Да, какое-то время все чаще машешь руками и хаотично глотаешь воздух, пытаешься понять, что же делать после блокады, пропавшей работы, суток на блокпостах. Но затем привыкаешь. Комендантский час уже не смущает, взорванный лифт наталкивается на мысль «Да я три года уже так живу». Проблема стала привычкой, привычка становится нормой, в которой гетто – твой родной дом.

Если всмотреться в социоэкономическую реальность – выяснится, что в «ДНР» еще нужно поискать, что не интегрировано в пространство РФ. И что означает интеграция в понимании местных? И чего хочет здесь большинство?

Надо сказать, местный житель непритязателен. Потребности большинства ограничиваются тем полем зрения, которое дает им повседневная жизнь. Самой «удачливой» в этом отношении является категория местных пенсионеров: в большинстве своем эти

люди получают как украинскую, так и российскую («республиканскую») пенсии, а до недавнего времени – и пакеты с гуманитарной помощью. Телевизор и 50 лет советской жизни уже давно убедили их, что с той стороны – фашисты, которых они не добились во Второй мировой. Это, однако, не мешает бабушкам вежливо улыбаться украинским военным во время тура за пенсией или отечественной колбасой. Хроническое недовольство за эти три года выражалось лишь в том, что украинская пенсия – выше, а Захарченко «грабит народ». Но вот курс гривны к рублю стал 1:2 – и разница в пенсиях почти нивелировалась. В 2017-м эта часть населения чувствует себя в «ДНР» абсолютно комфортно, за исключением тех, кто по причине болезни не может выехать за украинской пенсией, и вынужден жить лишь на одну. Но даже в этом случае разница цен в ОРДЛО и на подконтрольной территории отчасти перекрывается дешевыми тарифами – получается своеобразный баланс.

Здесь есть российский рубль, здесь есть российские выплаты, здесь есть российская модель власти – с «дешевой колбасой» (тарифы) и «подвалами». Часть законов – слепок с РФ. Здесь российская армия и спецслужбы. Здесь преподают российскую историю и взгляд на действительность. Здесь даже география заканчивается Донецкой областью. А мы все ухмыляемся, что «их никуда не возьмут». Что ж, вероятнее всего.

России действительно не нужен де-юре в ее составе обренок территории, влекущий за собой «освобождение Мариуполя» и большую войну. Да и санкции в этом случае будут совершенно иные. Вопрос в другом: может ли быть национальной стратегией максима «як не з'їм, то понадкушую»? Что выигрываем мы от сарказма над «республиканскими» паспортами, когда успокаиваем себя, что «загран-то они уж точно по ним не получают»? И это при том, что многие из местных даже за пределы Донецкой области не выезжали всю свою жизнь.

Еще один слой социальной реальности – местная молодежь – уже давно мимикрировала в «республиканский» окрас: интеграция и здесь никому не грозит. Часть местных ушла в «ополчение». Впрочем, стабильный приток в ряды боевиков наблюдался

где-то до конца 2015-го. В последний же год «комиссариаты ДНР» только то и делали, что призывали через громкую связь в троллейбусах новых рекрутов – чем и продолжают заниматься по сей день. Но желающих почти нет. Как верно отметил один из бывших боевиков еще в конце 16-го: «Кто хотел, тот воюет». Остальные идут в «ополчение» лишь в крайнем случае, когда вариантов больше нет. Тем не менее, эта ниша местных реалий всегда открыта и является своеобразной гарантией прожиточного минимума в виде зарплаты в 15 тысяч рублей.

Не слишком переживают о дипломах «республиканского» образца студенты и школьники. Некоторые (на удивление) в оккупации занимаются по скайпу с преподавателями ДонНУ в Виннице, готовясь к сдаче украинского ВНО. О них тоже нельзя забывать. Но большая часть после окончания ВУЗов собирается работать в «республике». Те же, кто хочет серьезного будущего и перспектив (напр., выпускники мед. университета), – переезжают в Россию с частью ВУЗов которой у «ДНР» заключены соглашения. И дипломы «республиканского» образца в них принимали задолго до истории о паспортах. Впрочем, это не было государственной практикой и существовало лишь на уровне частных договоренностей. Теперь же путь в Россию открыт всем.

Что касается самих паспортов, то здесь интеграционная составляющая действительно есть. Во-первых, признание паспортов «ЛДНР» на уровне украинских разрешило проблему тех боевиков из числа местных, кто не смог вклеить фото в украинский паспорт в 25 лет. Из-за чего паспорт этот был недействителен. Ввиду того, что на подконтрольной части Украины эти люди и не собирались показываться, все их внимание было обращено на РФ. Куда, однако, они так же не могли выехать с недействительными документами. Даже если кто увольнялся из рядов НВФ и «прорывался» в Россию на заработки – заработки быстро заканчивались, едва речь заходила о документах. Теперь все эти люди получили «республиканские» паспорта. Признав паспорта «ЛДНР» на уровне украинских, Россия тем самым интегрировала боевиков в свое общество, предоставив им своеобразный запасной парашют.

Путевку в РФ получили и те, кому лишь предстояло оформити український паспорт: більша частина молодіжні тепер хвастається «республіканської» бумажкою замість українських цвєтов. Стоїть ли говорити, що з Україною це покоління не буде зв'язано навіть де-юре? Сервісне обслуговування в російських банках лиш зацементувало цей процес. Так, паспорти «ЛДНР» не дають ніяких переваг перед українськими, але якщо запитати про них серед місцевих – можна отримати реальну соціологію, як тут «ждуть» українську владу.

Єдиним мостом між ОРДЛО і Києвом залишалась промисловість: тисячі людей все ще отримували українські гривні і доставляли продукцію «на материк». Але ось і це обрушилось – або згоріло, якщо вже це був міст. Знову тисячі місцевих стоять перед вибором: залишатись в «ЛДНР» або почати нову життя. І щось підказує: нову життя почнуть одиниці, вирішивши, що наша країна остаточно від них відмовилась, – в чому їм обов'язково тут переконують. Незважаючи на всі складності, «ДНР» дійсно почала шукати ринки збуту і поставки сировини в Росії. І РФ (з великою пробуксовкою і венком для частини місцевої промисловості) здатна закрити і цей останній «інтеграційний» запит.

Раз в році згадують про Крим. Це, мовляв, наше – не ми, але діти (а може правнуки?) землю повернуть.

За блокадою, Гаагою, парламентським хаосом і війною олігархів залишається питання, коли згадувати про Донбас, – ситрясаючи ботинком або комп'ютерною мишкою в Facebook.

РАДІО СВОБОДА
5 серпня 2015

ЛИСТ ЦИНИКА СВОЇЙ ДЕРЖАВІ

Кажуть, поза часом немає людини. Я б хотів, щоб цей лист став не загальним уявленням про певні речі, а відображенням саме того часу, в який він написаний. Бо ще рік тому ці слова були б неможливі – а через рік, дай Боже, вже будуть не варті чорнил.

Дозвольте мені на правах людини, яка опанувала мистецтво війни в його найпотворнішій формі – у примиренні із самою військовою – сформулювати декілька тез, які б якнайкраще казали про те, що сьогодні відбувається в думках людей з українським громадянством всередині та вмурованих у потворний ландшафт «ДНР» зовні.
– У моїй країні нічого не змінилось.

Це важко казати, але, пробачте, це так. Дерев'яний фасад, декорація із красивої поліцейської форми та жовто-блакитних кольорів повсюди, ледь не на нижній білизні, – не є тим, за що варто віддати життя. Беззаперечно тільки одне: для нас нарешті відкрились шляхи, та поки що ними ніхто не йде. Моя країна наче замерла перед цим світлом, якого так домагалася стільки років.

Але корупція, відверта брехня, «кришування», бійки у парламенті, продажні суди, вибірковість закону – все це нікуди не зникло, тільки тепер це роблять «свої».

Звісно, той проміжок часу, що ми подолали, можливо, вимагає більше терпіння, ніж цих самих змін. Та мене не покидає відчуття, що це може стати загальною думкою на найближчі роки,

коли наш вельмишановний політикум буде завжди робити знижку на час. Звичайно, тут, в окупації, відчуття правосуддя гостріше, й інколи тим небагатьом, хто дивиться сьогодні на «велику землю» лише з екранів ТВ, хотілося б разом позбутись всього, на що в Києві чи в Тернополі, можливо, і не звернули б уваги. Та певна моральна стагнація, що притаманна сьогодні державі, є не тільки моєю думкою, але й думкою тих, хто ділить сьогодні зі мною колись український Донецьк.

Ми бачимо, як вчорашні патріоти стають елементами бізнесу, а влада заграє з ними, неначе дитина з вогнем. Та варто запитати: чи є суспільне прагнення до свободи тією метою, за якою вже не зважають на засоби досягнення цієї мети? Бо, якщо так, то це є найгірша диктатура, що, вкриваючись простирадлом мертвих, уже не зважає на тих, що живі.

Тих самих мертвих, що віддали своє життя на Майдані, й тих самих живих, що й досі є тут, на Донбасі, – хоча, кажучи відверто, більшість із вас уже кинули сюди по жмені землі. І звідси є друга теза.

– Моя країна скоріш відмовиться від своїх громадян, аніж від своїх територій.

І в тому, насправді, є велика надія, бо які б прагматичні та жорстокі ідеали не сповідував державний механізм, у ньому завжди знайдуться ті, хто з ним резонуватиме. Так само і я нікуди звідси не їду вже рік, бо поїхати – означає змиритись. Та будьмо відверті: Донбас є тільки примара, в той час як більшість із вас кидає камінь провини в тих, хто їде із сірої зони степів. В очах країни ми вже винні, всі ми засуджені до певної міри, бо не змогли втримати український прапор на своїй землі, не змогли запобігти тисячам жертв, винні у тому, що хтось у Черкасах лле сльози за батьком чи братом, і навіть ті ж самі смерті вже тут, у Донецьку, не варті нічого, бо є лише копія справжнього болю, відтак – є тільки фантом.

Спитаємо відверто: хто з вас хоч раз не мав таких самих думок? Та ми боїмося їх, боїмося сказати їх уголос, а тому за нас їх і досі кричить автомат.

Між хлопцем, який пише цього листа в Донецьку, та тими, хто зараз сидять в окопах, завжди знайдуться десятки причин, щоб кинути в іншого камінь. Та в цьому випадку я запитую вас: чим дійсно тоді є Донбас? Бо я не вірю, що вам потрібні лише терикони, лише величезні залізні заводи, лише та ідейна іржа, що вчить любити абстрактну країну, без обличчя і мови. Глуху німоту. Хто зна, можливо, саме цього і прагнуть у Росії, прагнуть ще більшої ненависті навіть серед тих, у кого є спільна мета: побачити український Донецьк? Так мислить держава, але так не маємо мислити ми. Я не хочу більше міряться трунами. Не хочу знати, чи були ви на фронті, чи тримали колись автомат у руках і чи спали в підвалі, рятуючись від гулу ракет. Плювати на це. Уже стільки часу й крові втекло, що смертю навряд чи когось вже здивуєш. Тому я, мабуть, не сильно відійду від правди, якщо третьою тезою скажу:

– Моя країна потребує прощення самої себе через себе саму.

У нас є зовнішній ворог. Беззаперечний, чіткий, зрозумілий. Та хіба ми і далі будемо робити вигляд, що географічне походження – це лише точки на карті, і що донецький шахтар – той самий менеджер зі Львова? Ні, міста зумовлюють мислення, пропонують своїх героїв, формують інакшу картину життя. Та величезною помилкою всіх цих років було навмисне не помічати цього: і зараз, під страхом смертної кари, не дай Боже сказати, що «єдина країна» – це гасло на карті, й що ми такі різні, що іноді лише ця карта і робить нас чимось одним.

Та це є недоліком лише тоді, коли ми цього боїмося. Я скажу більше: цей страх є товаром, який уже багато часу нам з успіхом «штовхають» державні мужі. Бо ми все більше і більше витрачаємо свого життя на політику, як фізично, так і розумово. Навіть цей лист є ніщо інше, як зліпок з політичної думки, яка потребує нашої уваги так само, як вогнище дров. Ви скажете, що йде війна, – а я скажу, що справа зовсім не в цьому. Десь із півроку тому я розмовляв з людиною, що пройшла Чечню: «так, ми вбивали, та жодним чином не було такого інформаційного мотлоху, який огортає сьогодні війну» – його слова.

Тому наприкінці я хочу сказати: чому б нам не перепросити один в одного без усіякої рефлексії «за що», «чому», «хто винен» та інше? Чому б не забути, що є «западенці», «донецькі» і не почати жити по-новому не на білбордах з усміхненим паперовим обличчям, а в насправді єдиній країні, де люди такі різні, що спромоглися з цього зробити одне?

Тож хочу почати із себе і перепросити в усіх тих, хто ще має честь називати себе українцем, бо в мене є мрія, хоч я і не Мартін Лютер Кінг: приїхати до такої столиці, де слово «Макіївка» вже нічого не значить, чи значить не більше, ніж «Львів» чи «Франківськ».

Мабуть, за мого життя цього вже не буде. Бо зараз Макіївка – це зовсім не місто, а загублені люди і спосіб життя. Та, друзі, якщо війна не є найкращим часом, щоб змінити ці речі, – тоді я вже навіть не знаю...

«УКРАЇНСЬКИЙ ТИЖДЕНЬ»

7 травня 2017

МИ І ВОНИ

Ще до 2014 року в нинішній окупованій частині Донбасу мені часто доводилося чути розмови про «ми і вони».

Під «ми» малися на увазі жителі Макіївки й Донецька (оскільки вони й брали участь у бесідах), а під «вони» – так звані западенці, до яких у Макіївці зараховували всіх, хто говорив українською. Певна річ, цей фактор – мова – посував географію розмови на правий берег Дніпра, де й жили «дивні», незрозумілі простим роботягам люди. Часто розрізнення між нами проводилося по історичній лінії і не йшло далі слів про Бандеру та спогадів про те, як билися наші діди на фронтах Другої світової.

Не так давно мені довелося побувати в одній з українських глибинок. Неповні два дні в українському селі (назви не вказуватиму заради своєї безпеки в Донецьку) подарували безліч вражень і роздумів про те, що ж усе-таки нас відрізняє і що об'єднує.

1. Мова. Попри поширену думку, жителі центральних та північних регіонів нашої країни (куди також доводилося зазирати) розмовляють аж ніяк не українською. Так само як і тут, у Макіївці та Донецьку, не знають російської. Страшилка Донбасу про «україномовних бандерівців» не витримує ні кількісної, ні якісної критики. Мова, якою розмовляють у цьому невеликому містечку, – класичний суржик. В одному реченні можна почути п'ять-шість українських і два-три російських слова, вимовлених

на український лад. Наприклад, замість «ображена» тут скажуть «обіжена» тощо. Утім, мовний фактор вкупі з невеликою територією одразу виділяє приїжджих з-поміж місцевих. Донбаську російську тут не сплутають із російською мовою, якою, до речі, також говорить частина місцевих.

2. Робота. Другий фактор, який мене вразив, – ставлення місцевих до праці. Зважаючи на те, що ще до війни я пройшов вогонь і воду на багатьох макіївських та донецьких виробництвах, цей аспект мене завжди турбував. Пам'ятаю, як у Макіївці їдуть на зміну: о 6:30 маршрутка набивається каторжниками – сірими, стомленими обличчями з відбитими на них депресією та безпросвітністю життя. Так було, коли я вантажив вагони: 12-годинна зміна плюс дві години на дорогу туди й назад перетворюють людей на істот без почуттів та емоцій, коли фізична втома доповнюється втомою від свого буття. Не цікавить нічого: ні політика, ні спорт, ні культура. Багато моїх «колег» ледве доживало до вечора, коли їм платили гроші за зміну, і вже вдома напивалися так, що зранку в маршрутці здавалося, ніби їх усю ніч били чоботом по обличчю.

Зовсім інше я побачив тут, в українському селі. Більша частина жителів їде на роботу до обласного центру. Так, там немає таких важких промислових виробництв, як на Донбасі. Однак дорога тільки в один кінець займає понад годину, і вставати треба близько 5-ї ранку. Все так, як і тут, у Макіївці, крім одного: на обличчі ніякого суму. Коли автобус набився односельцями, виникло враження, що всі їдуть на якийсь концерт. Не скажу, що ці люди чимось від нас відрізняються: також доволі просто вдягнені, приблизно такого самого достатку, однак усі усміхнені, доброзичливі й приємні. А ось ще одна особливість: виходячи з автобуса після роботи, по суті, з копійчаною зарплатою, кожен дякує водієві за те, що підвіз! Ти виходиш в абсолютну темряву (вуличного освітлення в селі немає взагалі) із переповненої душною маршруткою в якомусь Богом забутому селі й знаходиш сили на усмішку і «дякую». У Макіївці крім годинного супроводу «Бутырки» в салоні з радіо «воділи» можна розраховувати хіба що на коротку нецензурну лайку через те, що тихо назвав зупинку.

3. Символіка. Не секрет, що в «ДНР» усі підприємства «влада» змушує вивішувати в себе «республіканські» прапори. Ця «зобов'язалівка» дратує тут багатьох, навіть тих, хто за «ДНР». Але атрибутика має бути у всіх. Навіть якщо не хочеш витратитися на великий прапор, біля входу має бути маленький прапорець десь за прилавком чи барною стійкою. У цьому глухому селі я побачив два українських прапори просто над приватними будиночками, де поруч лежить сіно й бігають індики. Здавалося б, кому це взагалі потрібно тут? Немає ні свята, ні телекамер, ні бойовиків, які посадять «на підвал», якщо не вивісиш. І все ж вони висять. Понад те, на деяких авто під номерними знаками можна прочитати «Слава Україні». Утім, у цьому Донецьк не відстає: прапори СРСР, «Новоросії», георгіївські стрічки в салоні вішаються тут і без погроз АК-47.

А ось ще одна цікава деталь: ворота в багатьох приватних будинках не просто пофарбовані, на них зображені квіти, лебеді, виноградні лози, навіть дерева. У приватному секторі Макіївки чи Донецька такого не побачиш: більшість воріт тут без малюнків, іноді трапляються червоні зірки, тож виникає враження тієї самої бази «ополчення ДНР». Тобто це інше сприйняття світу, особливе ставлення до землі (у буквальному сенсі), більше оптимізму, задоволеності та впевненості в завтрашньому дні – я так охарактеризував українську глибинку, у якій вдалося побувати. Утім, все ж таки в нас є щось спільне: доріг у країні немає ніде.

ТАЛАНТ ТЕРЯТЬ

За последние три года украинская история прошла в своем развитии период, пройденный многими государствами в течение нескольких десятилетий, если не столетий.

Революция конца 2013-го, аннексия и потеря Крыма, война на Донбассе — все это сжалось в плотную точку и поместилось в отрезке нескольких месяцев, превратив следующие три года в политическую бесконечность.

Но она имеет вполне осязаемое начало: геометрия потерь действительно поражает. Мы без боя сдали Крым — из соображений «политической целесообразности». Мы убедили себя, что оставлять административные здания Донецка и Луганска — это «не паниковать» и «держат ситуацию под контролем». Мы свято верим, что вся украинская армия не была способна справиться с Гиркиным и несколькими десятками наемников, а выпустить уже окрепшую группировку террористов в Донецк — означало спасти заложников, которыми прикрывали отход.

В итоге за неполные полгода — с весны по осень 2014-го — Украина лишилась Крыма и промышленной части Донбасса, сумев рационализировать каждую из этих потерь. Формула довольна проста: «Виновата РФ». Впрочем, к виноватым примыкают и те, кто сами оказались в заложниках, застряв в вымышленном, недавно

созданном мире между плитами блокпостов. У государства обнаружился редкий талант разбрасываться своим.

Вот уже три года несколько миллионов людей, живущих за бетонными плитами под триколорами, пребывают в информационном вакууме. Одно из крупнейших, а может, и крупнейшее событие украинской новейшей истории обросло колючей проволокой, минами и — тишиной.

Сложно поверить, но за это время война и оккупация территорий Донбасса так и не были проговорены в национальном эфире: к тем, кто остался за блокпостами, не прозвучало ни одного обращения от президента. Не названо ни одного реального срока деоккупации. Отсутствует и сама стратегия возвращения этих земель. «Минск» безальтернативен только потому, что всех, в той или иной мере, устраивает его неисполнение. Так уже думают даже те, кто здесь воюет под знаменами «народной земли».

Однако если возвращение Донбасса под украинский контроль буксует по объективным военно-политическим причинам, то совершенно неясно, почему государство так легко и скоро отказывается от тех, кого считает своими. На протяжении трех лет наши спецслужбы ломают голову над тем, как информационно пробиться на оккупированную территорию, что само по себе уже показательно. Показательно потому, что оккупированный Донбасс в сознании большинства по ту сторону блокпостов — словно призрак: пустой, без людей. Тогда как гуманитарная составляющая этого конфликта — сами люди — сотнями тысяч ежемесячно пересекают линию разграничения, не ощущая на себе никакой информационной работы с украинской стороны.

Круглосуточному массиву российской и местной пропаганды в «ДНР» действительно вряд ли возможно что-либо противопоставить в техническом смысле. Человек — такой же информационный продукт, как и текст. Он так же активно впитывает в себя любые геополитические смыслы, которые будут повторены энное количество раз. И в этом «республика» на высоте. Здесь экономят на пенсиях и зарплатах, но не скупятся на будущее. Российские политтехнологи прекрасно

понимают – и в этом они абсолютно правы, – что любой социальный минус до определенного этапа можно перекрыть информационным плюсом. Все зависит от того, как подать главное блюдо в часовых новостях. Приходится ли после этого удивляться, что большинство «оставшихся» (уже устойчивое здесь выражение) в оккупации, как минимум, безразлично относятся к Украине, совершенно не реагируя на ее новейшую историю после Майдана, боясь и не понимая ее? «ДНР» ставит на будущее, мы – воюем на фронтах прошлого. Пока насущную повестку дня украинского информационного (да и политического) пространства занимает вопрос блокировки российских социальных сетей и празднования 9 Мая, в «республике» круглосуточно воспитывают новое поколение, тем самым углубляя оккупацию – не получая ни километра новой земли.

Что же мы видим с отечественной стороны? Ничего. Украинский мейнстрим ведет себя так, словно не замечает войны. Словно нет тех десятков тысяч людей, которые вот уже четвертый год мерзнут/изнывают от зноя на блокпостах, при этом путешествуя за украинскими продуктами и пенсиями, а затем возвращаются в «ДНР» и вновь проклинают все, что связано с Украиной. Неопределенность позиции, ее ситуативность, недостатки жизни в «республике» – вот, казалось бы, та благодатная почва, которая должна подтолкнуть Киев начать реальную деоккупацию региона – с его населения, «с головы». За период конфликта наши СМИ, волонтеры и спецслужбы собрали огромный массив материала, который, без сомнения, вывел бы восприятие этого конфликта местными за рамки шаблонов «нацистов» и «колбасы» – и помог бы шире взглянуть на ситуацию.

В конце концов, речь идет о том, что из себя представляет эта система, какие люди ее наполняют, что имел тот же Донецк до войны – и чего лишился теперь. О том, что здесь, в «ДНР», человек – это пыль, какую бы социальную роль он ни играл. Система всегда его перемелет и превратит в труху, если он будет выпадать из общего механизма. «И если есть те, кто приходит к тебе, найдутся и те, кто придет за тобой». Классика советской парадигмы

мышления и взгляда на личность. Возможно, мы и сами тогда пребываем в шаблонах постоянных «перемог», когда за последние всерьез выдаются никому не известные радиочастоты, едва ли добывающие до крайних районов Донецка? Тогда как прямо «под носом» и далее бредет многотысячная очередь людей, ненавидящих 25 лет прошлого и не видящих никакого будущего. Что предложат им там, где висит сине-желтый стяг? Дешевый сорт сыра, которым, кстати, забиты и полки Донецка? Здесь, в «ДНР», им предлагают нечто значительно большее – миф. Советский или российский – неважно. Главное, что им можно жить очень долго, путешествуя раз в месяц к странным, уже непонятым «существам» за едой.

Разумеется, все и всегда не просто. «Аргумент смерти», как многие его здесь называют, никуда уже не уйдет. Те, кто потерял своих близких в этой войне, вряд ли однажды смогут принять флаг, под которым летели в них пули. Если представить себе невозможное – что украинская власть просто сейчас возвращается в оккупированный Донбасс, – мы получим еще большую проблему, чем сам факт оккупации. Никто – ни власть, ни население свободных территорий, ни местные из числа пророссийских – не готовы к такой встрече. Получить регион, где три года планомерно учили ненавидеть тех, кто стоял по ту сторону баррикад, – означает запустить обратный отсчет. Рано или поздно все вновь повторится, – повторится, чтобы уже окончательно лишить нас своей земли. Не потому ли пресловутый «Минск» такой безальтернативный? И не потому ли будущее ныне складывается не из пуля, а из каждого упущенного дня – дня, в который наша страна снова так «талантливо» промолчит?

Літературно-художнє видання

Станіслав Асеєв

В ізоляції

Статті

Видавництво «Люта справа»

(Видавець Гончарук А.Б.)

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до Державного реєстру
видавців, виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції:
серія ДК, № 4958 від 18.08.2015 р.

www.lutasprava.com
info@lutasprava.com
books.lutasprava.com
fb.com/lutasprava

Підписано до друку: 29.05.2018 р.

Формат 70x100/16. Ум. друк. арк.: 18,2

Папір: Munken Print White. Друк: офсетний

Гарнітури: Bandera Text Cyrillic, ZionTrain Cyrillic

Наклад: 1000 прим. Замовлення: 7033

Друк: ТОВ «Гнозис». Київ, Межигірська, 82–А

Свідоцтво про внесення до державного реєстру виготовників:
серія ДК, № 2328

ISBN 978-617-7420-29-2

9 786177 420292 >

Printed in Ukraine

**ФОТО СТАНІСЛАВА АСЕЄВА
ПРО ЖИТТЯ МІСТА ПІД
КОНТРОЛЕМ УГРУПОВАННЯ
«ДНР» (2015-2016 РОКИ)**

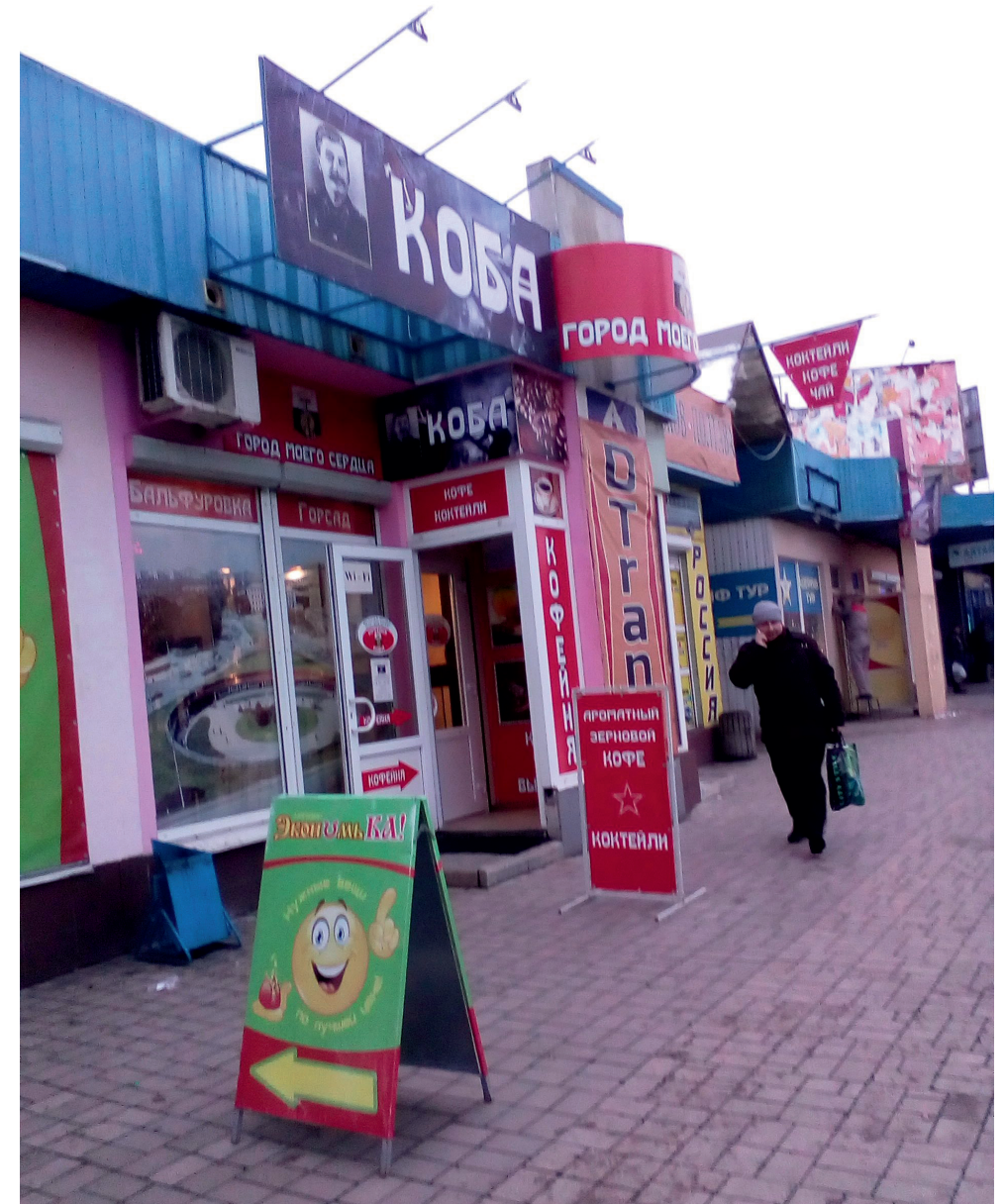
Новорічна ялинка-2017.
Донецьку зустрічає 4-й
рік в окупації

Кафе "Гурман" на бульварі Пушкіна

Кафе "Наша Родина СССР"

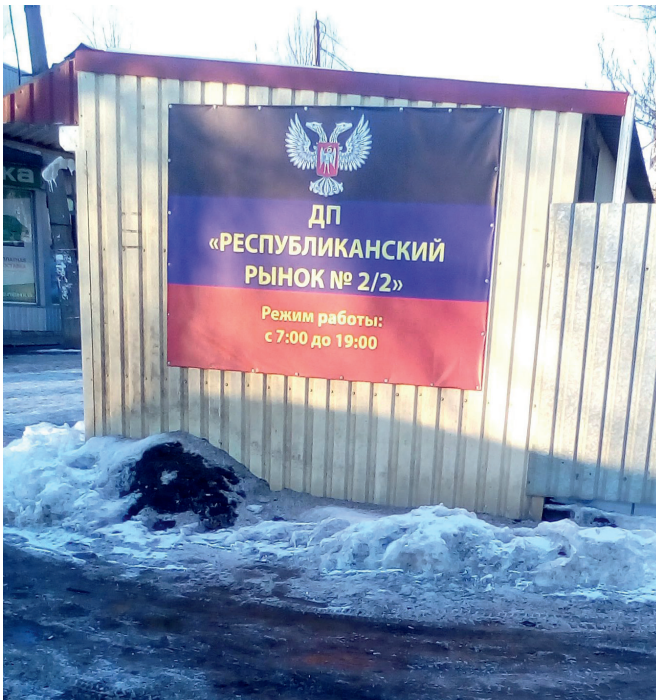
Образ Сталина можна зустріти на зовнішній рекламі та у назвах закладів

Атмосфера радянського минулого у донецькому кафе "Оливье-80"

Донецький міський молодіжний центр, що пережив пожежу після обстрілу

Жителів невідконтрольної території привчають до сприйняття поняття "республіка"

Ікона, що лишилась на місці блокпосту угруповання "ДНР" періоду активних бойових дій

Мілітарна тема у назвах закладів торгівлі

Відірвана від ринку фінансова система породжує специфічний бізнес

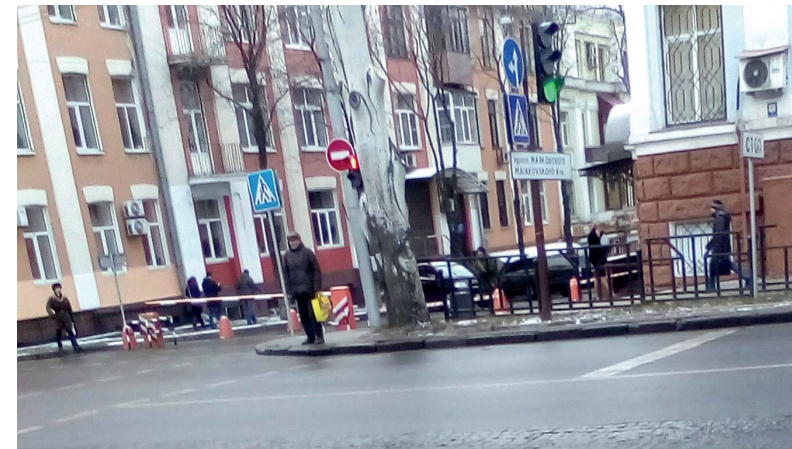
Рекламні вивіски
непідконтрольного
Донецька

Пропаганда на вулицях міста

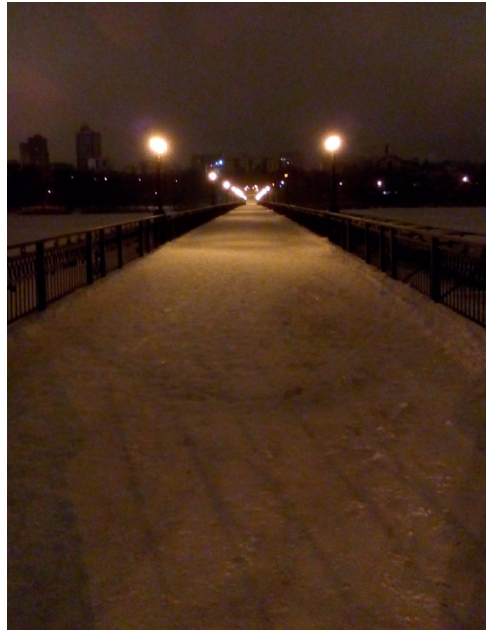
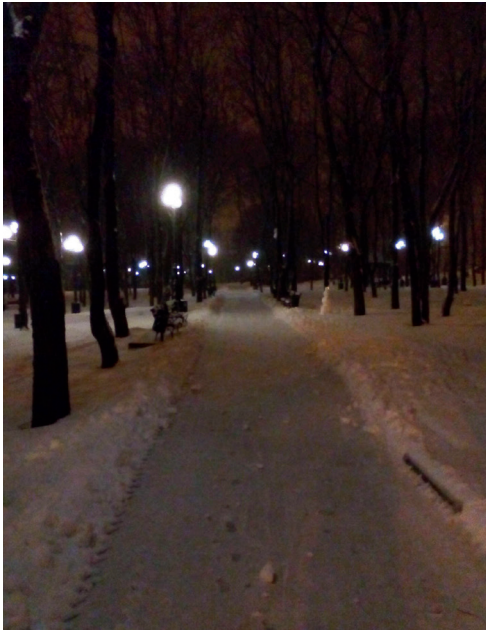
М'ясокомбінат, перетворений на війсьну базу угруповання "ДНР"

"Адміністрація" Олександра Захарченка

Колишня будівля технічного ценіверситету, віддана так званому "МГБ ДНР" – силовій структурі бойовиків

Вечірній міст у
парку Щербакова

Вулицями міста

Готель
"Вікторія", який
використовується
збройними
формуваннями

Завмерлий у часі і просторі стадіон "Донбас-Арена". Колись він приймав "Євро-2012"